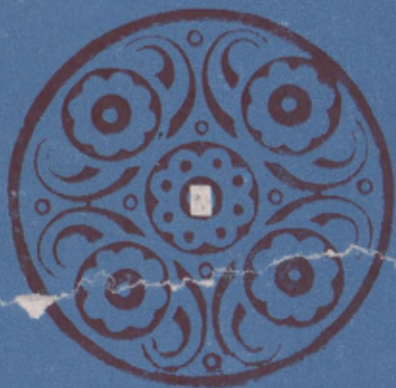

ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

И. М. Мухоморова
25/1/1976

ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ

Утверждено к печати РИСО БФАН СССР

Под редакцией
И. В. БИКБУЛАНОВА, Р. Г. КУЗНЕВА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ**

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ «ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ» И ДРЕВНЕЙ БАШКИРИИ

1. В этнических процессах в Приуралье и Поволжье крупная роль принадлежит уграм.

О месте формирования угорской общности существуют различные взгляды. Не вторгаясь в эту специальную область¹, мы будем исходить из установленного факта пребывания угорских племен в начале 1 тыс. н. э. в степной и лесостепной полосе Зауралья и прилегающих областях Казахстана и Западной Сибири². Здесь угорское население, по крайней мере его южная часть, находилось в тесном соприкосновении с сарматами, а с началом гуннского движения испытало воздействие тюркоязычных племен. С III в. н. э. угры появляются к западу от Урала; наиболее активный период их миграции падает, видимо, на V—VI вв.³ В составе пришлых угорских племен к западу от Урала и Волги находились и древние мадьяры — предки венгров⁴, которые сложились здесь в конфедерацию, известную по средневековым источникам под названием «Великая Венгрия» (*Magna Hungaria*). В венгерской традиции под «Великой Венгрией» подразумевается территория «прародины», откуда мадьярские племена, объединенные в союз, начали свое продвижение на запад, завершившееся их оседанием в X в. в Паннонии.

¹ Библ. см.: П. Хайду. К этногенезу венгерского народа. — *Acta Linguistica*, t. 2, 1953; Э. Мольнар. Проблема этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.

² В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. В поисках древней родины угорских народов. — «По следам древних культур». М., 1954, стр. 184—191.

³ М. И. Артамонов. История хазар. М.—Л., 1962, стр. 40—69.

⁴ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). М., 1964, стр. 145.

2. Вопрос о географической локализации территории «Великой Венгрии» является дискуссионным. Высказывались различные точки зрения⁵. Венгерским исследователем Б. Мункачи еще в конце прошлого века была сформулирована идея о пребывании мадьярского союза на Северном Кавказе, откуда часть племен вместе с булгарами в VII—VIII вв. переселилась на Волгу. В обобщающих исследованиях в зону формирования венгерской народности включается обычно огромная территория «от Северного Урала до Кавказа и Карпат»⁶, без точного очерчивания исходной территории мадьярской миграции на запад. Многие исследователи в своих построениях опираются на путешествия (в 1235 и 1237 гг.) доминиканца Юлиана, который в поисках «Великой Венгрии» нашел своих соплеменников, понимавших венгерскую речь и помнивших сказания об уходе предков на запад, на берегу одного из притоков средней Волги⁷. Неясность маршрута путешествия Юлиана по Поволжью и отсутствие других корректирующих данных послужили причиной появления самых различных взглядов относительно расположения территории венгров в Волго-Уральской области.

И. Переньи на основании критического анализа записей Юлиана пришел к выводу, что Юлиан в своем путешествии к восточным венграм не переходил Волгу. «Великая Венгрия», по его мнению, находилась на правом берегу Волги в соседстве со «страной мордвинов»⁸. Большинство исследователей, однако, согласны с тем, что венгры жили к востоку от Волги. Попытки определить местонахождение древней страны мадьяр между Уралом и Волгой на основании однородных источников (обычно письменных свидетельств эпохи средневековья, археологических или лингвистических) также привели к разным результатам. Археологи располагают древнемадьярские племена в зоне расселения бахмутинских племен по нижнему и среднему течению р. Белой⁹ или в бассейне нижней Камы в зоне распространения мазунинской, среднекамской и бахмутинской культур¹⁰. В исторических исследованиях *Magna Hungaria* обычно идентифицируется с территорией современной Башкирии на основании сведений старинной венгерской хроники (XII в.) *Gesta Hungarorum*¹¹ или сочинений Карпини и Рубру-

⁵ См. обзор взглядов: G. Németh. Ungarische stammesnamen bei den baschkiren. — «Acta Linguistica», t. 16 (1—2). Budapest, 1966.

⁶ G. Moravcsik. Byzantium and the magyars. Budapest, 1970, p. 38; см. также: «История Венгрии», т. I. М., 1971, стр. 88—89.

⁷ С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. — «Исторический архив», т. 3. М.—Л., 1940.

⁸ J. Regenyi. A Magna Hungaria kérdéséhez. — «Magyar Nyelv», LV (EVF), 3 (411) és 4 (412) szám. Budapest, 1959, p. 391.

⁹ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 78—83.

¹⁰ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. — «Вопросы археологии Урала», вып. I. Свердловск, 1961, стр. 43—44.

¹¹ Gy. Gyöffy. Krónikáink és a magyar őstörténet. Budapest, 1948, p. 183—184.

ка, которые «земли Паскатири» называли «Великой Венгрией»¹². В историко-лингвистических изысканиях территория «Великой Венгрии» также располагается в пределах современной Башкирии, а конкретно — в западной ее части¹³. При этом, однако, остаются неясными очертания территории самой Башкирии в конце I тыс. н. э.

Итак, по историческим данным можно считать твердо установленным факт пребывания мадьярских племен в I тыс. н. э. где-то в области между Уралом и Средним Поволжьем. Однако неясно, составляли ли указанные племена основную часть мадьярского союза или ее часть? Невозможно также считать окончательно решенным вопрос о том, откуда пришли мадьярские племена в Волго-Уральскую область: с северного Прикамья, из Зауралья или с Северного Кавказа? Поэтому в дальнейшем, следуя традиции, территорию обитания мадьярских племен в Волго-Уральской области мы будем называть «Великой Венгрией», хотя будущие исследования по средневековой этнической картографии Волго-Уральской области и Северного Кавказа могут внести в эту тему новые моменты.

3. Несмотря на успехи археологии в Волго-Уральском регионе, ни одну культуру I тыс. н. э. невозможно достоверно связать с древними венграми. В последнее время в памятниках финно-угорского и сармато-аланского типов Приуралья и Поволжья выявлены некоторые черты, которые удачно сопоставляются с древневенгерскими археологическими комплексами с территории самой Венгрии¹⁴. Однако выделение культуры со специфическим угорско-мадьярским комплексом признаков задача еще будущего и, может быть, нескорого, так как территория предполагаемого обитания древних венгров археологически изучена слабо. Вероятную территорию Великой Венгрии можно установить на основании сопоставления исторических и языковых данных с древними районами расселения тех башкирских племен, названия которых представлены в этнонимии как башкир, так и венгров.

Булгаро-чувашские заимствования в венгерском языке являются установленным фактом. Отечественными и венгерскими исследователями, начиная с Б. Мункачи и Н. И. Ашмарина, выявлено в венгерском языке свыше 200 болгарских слов, относящихся к области скотоводства, земледелия и домашнего быта¹⁵. Эти заимствования (или, по крайней мере, значительная их часть), как в разное время высказывались многие лингвисты,

¹² «Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 48, 72, 122.

¹³ G. Németh. Указ. соч., стр. 19—21.

¹⁴ Е. А. Халикова. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X вв. (по материалам погребально-го обряда могильников). — АЭБ, т. 4. Уфа, 1971, стр. 119—121.

¹⁵ В. Г. Егоров. К вопросу о происхождении чуваш и их языка. — Записки Чувашского НИИ ЯЛИ, вып. 7. Чебоксары, 1953, стр. 82.

имели место на территории, близкой к Волжской Булгарии, «в районе реки Черемшана» и «прилегающих землях Булгарии», «в близком соседстве с Волжско-Булгарским царством»¹⁶. Опираясь, таким образом, на выводы лингвистического характера, можно постулировать территорию Великой Венгрии в непосредственном соседстве с Волжской Булгарией, от Волги на западе и до верховьев ее притоков (Б. Черемшан, Сок, Кундурча) на Бугульминской возвышенности — на востоке. Имея в виду, что речь идет о булгаро-мадьярских контактах на раннем этапе булгарской истории на Волге (VIII — начало IX в.), зону контактов этих народов невозможно распространить дальше на восток на территорию современной Башкирии, или в лесное Прикамье, которые находились в то время за пределами булгарского влияния.

4. Башкирские родо-племенные образования и группы, этнонимы которых имеют параллели у венгров (башк. Юрматы — венг. Gyarmat, Еней — Jenő, Кесе — Keszi, Нәғмән — Nyék, Юламан — Gjula, Биләр — Bileres; башк. Юрми — дунайско-болгарский род Ermi¹⁷), в настоящее время целиком расселены в западной и центральной Башкирии. Однако в XII—XIII вв. эти племена обитали западнее р. Б. Ик, в долинах Шешмы и Степного Зая, то есть как раз в той области, где берут начало левые притоки Волги Б. Черемшан, Кундурча и Сок¹⁸. Археологические исследования последних лет позволяют уточнить расположение очерченной территории по отношению к волжским булгарам. В ранний период булгарской истории (до XI в.) юго-восточная граница булгарских земель проходила в междуречье Шешмы и Б. Черемшана. На востоке булгарские поселения располагались по течению р. Шешмы и достигали долины Степного Зая. В предмонгольскую эпоху (XII — первая половина XIII в.) восточная граница булгар достигает по левобережью Камы низовьев Белой, что хорошо согласуется с изложенными историко-этнографическими данными о переселении в эти районы и севернее племен бияр, еней, юрми и др. Однако центром булгарского расселения и в этот период остается Западное Закамье¹⁹. Следовательно, в XII—XIII вв., а также до этого времени, территория, занятая перечисленными выше племенами, находилась на восточной или юго-восточной периферии булгар-

¹⁶ Б. А. Серебрянников. Происхождение чуваш по данным языка. — «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957; K. Czegledy. Keleten maradt magyar töredékek. Budapest, 1943; G. Németh. Указ. соч.

¹⁷ Перечисленная группа племен условно названа *юрматинно-юрмийской*.

¹⁸ Специально см.: Р. Г. Кузеев. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. — АЭБ, т. 4.

¹⁹ Р. Г. Фахрутдинов. Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов. Автореферат канд. дисс. Казань, 1968, стр. 12—14.

ских земель. До XII в. юрматыно-юрмийские племена могли кочевать и западнее, в долинах левых притоков Волги, но не восточнее и не севернее. Это доказывается не только общим направлением движения юрматыно-юрмийцев и других племен в XII—XIV вв. на восток и север, но и поразительным совпадением сведений территориально разбросанных в настоящее время башкирских племен о «приходе предков из Булгар».

5. Обращаясь к письменным свидетельствам эпохи средневековья, приходится согласиться с Й. Переньи в том, что сочинения Карпини и Рубрука не могут служить документальной основой в определении территории Великой Венгрии. Маршрут обоих путешественников пролегал на несколько сот километров южнее интересующей нас области. Карпини и вслед за ним Рубрук, будучи знакомы с записями Рихарда о путешествии Юлиана к венграм-язычникам, жившим рядом с Волжской Булгарией, и узнав на месте о новом для них народе — башкирах, отождествляли Башкирию и башкир (паскатиры) с Великой Венгрией и мадьярами. По средневековым масштабам их ошибка была не столь велика, но она очень затруднила работу потомкам, так как территория Башкирии в XIII в. выглядела уже иначе, чем 2—3 столетия до этого.

Записки Рихарда о путешествии Юлиана и письмо самого Юлиана епископу из Перуджии остаются наиболее ценным и достоверным свидетельством о местопребывании древних мадьяр. После длительного и трудного путешествия Юлиан нашел своих соплеменников «близ большой реки Этиль»²⁰. Реки Кама и Белая, которые по средневековой арабской традиции нередко считались продолжением Волги, в источниках также обозначались словом Итиль. На этом основании, а также, как мы видели, в зависимости от характера других использованных источников, различные исследователи располагают родину восточных венгров то на берегу Камы, то Белой. Однако с только что представленными лингвистическими и историко-этнографическими данными невозможно увязать пребывание мадьяр столь далеко на севере или северо-востоке — в лесном Прикамье или в таежных тогда районах прибельской низины. «Большой рекой Этиль» могла быть только Волга и описание Юлианом хозяйства и образа жизни своих соплеменников целиком соответствует этому заключению.

Сведения Юлиана о Великой Венгрии можно подтвердить сообщениями восточных источников, которыми, однако, в данном случае затруднительно пользоваться без специального источниковедческого анализа. Такой анализ предприняли С. Макартней и Б. Н. Заходер²¹. Оба пришли к выводу, что в сведениях о

²⁰ С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 81.

²¹ С. А. Macartney. The Magyars in the ninth century. Cambridge, 1930; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX—X в. М., 1962.

мадьярах арабо-персидских источников X—XI вв., в ряду которых особенно ценны Худуд-ал-Алем, Ибн-Руста, Ал-Бекри и Гардизи, переплетаются факты разных эпох. Сведения, касающиеся раннего периода истории мадьяр, сообщаются в порядке передачи и заимствований из более ранних сочинений, до нас не дошедших. Более поздние сведения, почерпнутые из наблюдений и информации современников, некритически синтезированы с ранними, чем объясняются многочисленные противоречия в сообщениях восточных писателей. С учетом этих особенностей обратимся к следующему сообщению Гардизи о мадьярах: «Их владения прилегают к Румскому морю... Они живут между [двумя] реками. Из этих двух рек одну называют Итилем, другую — Дунаем... Та река, которая находится по правую сторону мадьяр, течет по направлению к стране славян и оттуда к стране хазар. Эта река больше другой»²². Упоминания о «большой» реке «Итиль», которая больше течет в страну хазар, о пребывании мадьяр на левом ее берегу восходят к ранним заимствованиям арабской литературы. Они отражают период, когда венгры находились еще в Magna Hungaria. Именно в этом смысле толковали сообщение Гардизи Ф. Вестберг и Б. Н. Заходер. Последний на основании других источников установил, что «большая река» впадала в Хазарское (то есть Каспийское) море²³. К сообщению Гардизи примыкает описание страны мадьяр Ибн-Руста: «Между землею печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев маджарских»²⁴. Учитывая очертания основных болгарских земель в ранний период их истории, можно предполагать, что страна между печенегами и болгарским народом эсегель находится на территории от Волги на западе до Бугульминской возвышенности — на востоке. Это последнее обстоятельство подтверждается сообщением Худуд-ал-Алема: «...к востоку от страны мадьяр — горы», если под «горами» иметь в виду упомянутую возвышенность²⁵.

6. Итак, лингвистические, историко-этнографические данные и сообщения средневековых источников не расходятся в определении территории Великой Венгрии. Древние венгры жили на левобережье Волги, в долинах рек Б. Черемшан, Кундурча, Сок, Кинель, в непосредственном южном соседстве с волжскими булгарами. На востоке их территория достигала района водораздела рек на Бугульминской возвышенности, то есть, как обычно, кочевники занимали течения малых рек от устья до вершин.

²² Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1908, XIII (февраль), стр. 20.

²³ Б. Н. Заходер. Указ. соч., стр. 29.

²⁴ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн-Даста... СПб., 1869, стр. 669.

²⁵ Худуд-ал-Алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 24.

Территория древней Башкирии в X в. н. э. находилась, как это устанавливается по археологическим и этнографическим данным, в непосредственном восточном соседстве от области расселения мажарских племен и простиралась до Южного Урала. Следовательно, территории «Великой Венгрии» и древней Башкирии не совпадали, хотя частично и перекрывались. В этногенетическом аспекте это означает, что распространенный в исторической литературе тезис о тождестве древних венгров и башкир остается неаргументированным, хотя контакты и взаимодействия этих племен имели место.

Н. В. Бикбулатов

МИНОРАТ. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОГО МЕСТА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Монах Гильом де Рубрук, совершивший в середине XIII в. по поручению французского короля Людовика IX и папы Иннокентия IV путешествие к монголам, характеризуя их обычаи, пишет: «Именно двор отца и матери достается у них всегда младшему сыну»¹. Существование такого обычая у татаро-монголов засвидетельствовано и другими источниками. Крупнейший историк XIV в. Рашид-ад-дин замечает, что младшего сына монголы называли «отчигин», что «значит господин огня и юрта»². После смерти Чингис-хана те из его войск, «что относились к центру, правой руке и левой и составляли его собственность... стали принадлежать Тулуй-хану, который был господином коренного (монгольского) юрта и жилища»³. Тулуй был четвертым и младшим сыном Чингис-хана от первой жены. Многие исследователи отмечают, что у монголов при женитьбе сыновья получали индивидуальный аил, но младший сын оставался и после женитьбы в аиле отца или вместе с матерью в случае смерти родителя⁴.

Известный английский ученый конца XIX — начала XX в. Дж. Фрезер в книге «Фольклор в Ветхом завете» приводит поддержку из сочинения неизвестного нам автора, в которой говорится, что «характерной чертой старого турецкого (тюркско-

¹ «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 101.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 55.

³ Там же, стр. 274.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 54—55, 58; А. П. Григорьев. Использование древнемонгольского института «эджен» в практике наследования отцовского юрта. — «Общественные науки в Узбекистане», 1972, № 7, стр. 60—62.

го.— *Ред.*) и монгольского права является обычаем, проливающим яркий свет на историю этих народов... Турецкий обычай устанавливает чрезвычайно оригинальный порядок наследования: постоянным наследником, привязанным в некотором смысле к родной земле, является младший сын. У монголов он называется *ot dzékine*, у турок — *tekine*, то есть 'хранитель очага'. По свидетельству китайских летописцев и западных путешественников, к нему переходит в полном составе земельный участок, а старшие братья делят между собой движимое имущество, в особенности... весь крупный и мелкий скот»⁵.

Хотя и имеются некоторые расхождения в приводимых сообщениях, они в целом не оставляют сомнения в широком бытовании в древности у монгольских и тюркских народов обычая, известного в литературе под названием *минорат*, в силу которого младший сын пользовался определенными преимуществами перед старшими братьями в наследовании отцовского состояния. Главным в этом обычае был переход к младшему сыну отцовского дома, очага.

Относительно тюрков советский востоковед А. Н. Бернштам, опираясь на свидетельства китайских летописей, полагал существование у них миноратного принципа наследования еще в VI—VIII вв. и ранее⁶. По его мнению, минорат практиковался у древних тюрков в органическом единстве с обычаем левирата, который предписывал брату умершего жениться на его вдове. Примерно в таком плане он истолковал сообщение древнего китайского летописца о гуннах: «...по смерти отца женятся на махехе; по смерти братьев женятся на невестках»⁷.

Широко был известен минорат у тюркских народов и в недавнем прошлом. Обычное право казахов, в частности, еще в XIX в. рассматривало младшего сына как «полного и коренного наследника всему отцовскому» и старшие сыновья, получавшие свои доли наследства при женитьбе и выделеении в самостоятельные хозяйства, не имели «никакого права претендовать ни при жизни отца, ни после его смерти на то, что осталось от него, хотя бы это во сто и даже тысячу раз превышало полученные доли»⁸. Н. И. Гродеков отмечал, что у киргизов также все наследство доставалось невыделенным, обычно младшим, сыновьям, которые и обязаны были нести расходы на похороны и поминки⁹. И у каракалпаков младший сын, не отделяясь, должен был жить с родителями, а после смерти отца наследовать

⁵ Д. Ж. Фрезер. Фольклор в Ветхом завете. М.—Л., 1931, стр. 173.

⁶ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 88—90, 97 и др.

⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 40.

⁸ «Материалы по казахскому обычному праву». Алма-Ата, 1948, стр. 97, 189.

⁹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Юридический быт. Ташкент, 1899, стр. 53.

его дом и хозяйство; на нем лежала обязанность похоронить родителей¹⁰. Во время разделов большой семьи у кумыков в отцовском доме «оставался один из братьев, чаще всего младший, который, ведя общее с родителями хозяйство, в известной мере продолжал соблюдать традиции былой семьи»¹¹. Минорат существовал также у татар, башкир¹², у тюркских народов Сибири¹³. Характерно, что у некоторых тюркских народов для обозначения младшего сына имелся особый термин, который использовался также как личное имя^{13а}. Таковы *кинйә* у башкир, *кенже* у киргизов и казахов, *кенжа* у узбеков. В древнетюркском языке им соответствует слово *кeпс* 'ребенок, детеныш животных', а в современном турецком *genç* (в турецкой орфографии — *genç*) 'молодой'^{13б}. Примеры эти говорят о древности термина и связанного с ним института минората у тюрков.

Аналогичный порядок наследования мы наблюдаем также у народов другой ветви алтайской семьи — тунгусо-манчжуров. «В моногамной семье, — читаем мы в книге А. В. Смоляк об ульчах, — старшие сыновья, обзаведясь семьями, отделялись, и недвижимое имущество обычно доставалось младшему сыну; даже если он был ребенком, все равно считался владельцем, а хозяйство за него вела мать. В полигамных семьях недвижимое имущество доставалось младшему сыну от старшей жены»¹⁴. У эвенков, как отмечает Г. М. Василевич, «нетрудоспособную мать брал к себе... обычно младший сын»¹⁵. В этом нельзя не видеть косвенного указания на существование миноратной системы наследования. Бытование минората зафиксировано также у угрофинских народов, в частности, марийцев, вепсов, венгров¹⁶.

¹⁰ Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 27; А. Т. Бекмуратова. Семейно-бытовой уклад каракалпаков и задача преодоления его вредных пережитков. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 7—8.

¹¹ С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, стр. 259.

¹² С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 274—275. Н. В. Бикбулатов. Система родства башкир. — «Труды УИМКАЭН (Международного конгресса антропологических и этнографических наук)», т. 4. М., 1967, стр. 283; его же. К вопросу о происхождении минората. — «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Тезисы докладов (секция этнографии, фольклора и антропологии)». Тбилиси, 1971, стр. 68—70.

¹³ А. А. Попов. Семейная жизнь у долган. — «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 72.

^{13а} Подробнее об этом см. Н. В. Бикбулатов. Антропонимы и термины родства. — «Ономастика Поволжья», 3. Уфа, 1973.

^{13б} «Древнетюркский словарь», М.—Л., 1969, стр. 298; «Турецко-русский словарь». М., 1945, стр. 205.

¹⁴ А. В. Смоляк. Ульчи. М., 1966, стр. 109.

¹⁵ Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX вв.). Л., 1969, стр. 155.

¹⁶ Дж. Фрезер. Указ. соч., стр. 172; Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958, стр. 92—93.

Минорат был присущ не только алтайским народам, хотя некоторыми исследователями, например английским ученым Ч. Элтоном, в прошлом веке было высказано мнение, что рассматриваемый нами способ наследования является особенностью так называемых туранских, то есть урало-алтайских народов, в то время как для арийской семьи характерен другой порядок — майорат, согласно которому преимуществами пользуется старший сын¹⁷.

Восточным славянам минорат был известен во времена «Русской Правды». «А двор без дела отень всяк меншему сынови», — читаем мы в Троицком I списке «Правды»¹⁸. В других списках и вариантах повторяется та же мысль, что отцовский двор в целом виде переходит к младшему сыну¹⁹. Среди великороссов, украинцев и, видимо, белорусов этот порядок наследования имел место вплоть до конца XIX — начала XX в. Правда, необходимо оговориться, что среди русских крестьян он не был единственным или даже преобладающим принципом наследования, а сосуществовал параллельно с майоратом. «Разделы имущества по смерти хозяина, — пишет Ф. Барыков, опираясь на массовый материал, относящийся к середине прошлого века, — в большей части, особенно великорусских, губерний, составляют не правило, а исключение, бывают только при разделах самой семьи». Но если уж такой раздел случился, «в большей части местностей дом достается старшему из сыновей хозяина; в некоторых же напротив того младшему. Минорат этот встречается преимущественно в западных и южных губерниях, где старшие сыновья большею частью еще при жизни отца отделяются и переходят на особые хозяйства... Младшего же сына родители обыкновенно оставляют при себе, и после смерти отца он и остается в доме хозяином»²⁰. В той или иной мере минорат практиковался также в центральных губерниях, Поволжье и на Европейском севере России²¹.

На вопросе о том, чем было обусловлено большее или меньшее распространение минората среди различных групп великороссов, мы остановимся несколько позднее. Здесь же важно было установить, что в любом случае этот социальный институт

¹⁷ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. 1, стр. 330—331.

¹⁸ «Правда Русская», т. 1. Тексты. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940, стр. 446.

¹⁹ Там же, стр. 446—447.

²⁰ Ф. Барыков. Обычай наследования у государственных крестьян. (По сведениям, собранным министерством государственных имуществ в 1848 и 1849 гг.). СПб., 1862, стр. 10—11.

²¹ Ф. Барыков. Указ. соч.; И. Г. Оршанский. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879, стр. 78—91; В. Ф. Мухин. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888, стр. 163—167 и др.

хорошо был знаком крестьянскому быту России. В. И. Сергеевич отмечает сохранение минората в северных уездах Европейской России еще в конце XIX в. «На зимнем берегу, — пишет он, — дом идет младшему сыну, а конь старшему». Он приводит русские народные пословицы, в которых нашло отражение бытование этого обычая: «Меньшему сыну отцовский двор, старшему — новоселье», «Меньший сын на корню сидит»²².

Минорат был известен также южным и в некоторой степени западным славянам. Об этом пишут русские авторы XIX в. В. Никольский и К. А. Неволин; у черногорцев, по словам названных авторов, этот обычай соблюдался в полную силу²³.

Некоторыми преимуществами пользовался младший сын и у народов Кавказа, хотя здесь едва ли можно говорить о твердо сложившемся минорате. «Осетинское право, — пишет М. Ковалевский, — допускает преимущественное наследование известных членов семьи. Не только старший сын, но и младший получают некоторый придаток к тому, чем наделяются их братья». «При каждом разделе наследства, последний (младший брат. — Н. Б.) получает известный излишек против остальных братьев» — добавочный земельный надел, большее число скота и т. д.²⁴. Некоторую надбавку к средней доле получал младший брат, как и самый старший, у грузин-горцев²⁵, урумов²⁶. Если относительно старшего это объяснялось его заслугами в материальном благополучии семьи, то добавочная доля младшего объяснялась необходимостью нести свадебные расходы и давалась как правило неженатым сыновьям.

Феодальная Европа, на первый взгляд, знала как будто лишь один принцип наследования — майорат. Но исследователи отмечают широкое бытование в Центральной и Западной Европе в прошлом также и минората, главным образом в крестьянской среде. Притом «распространенность минората среди крестьянства в эпоху средневековья была не менее той, какую имел майорат в среде аристократического сословия, — пишет М. Ковалевский. — Сплошь и рядом средневековые кутюмы говорят о нем как об исключительном или господствующем типе наслед-

²² В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903, стр. 543.

²³ В. Никольский. О началах наследования в древнейшем русском праве. М., 1859, стр. 346; К. А. Неволин. Полное собрание сочинений, т. 5. История российских гражданских законов, ч. 3. СПб., 1858, стр. 343.

²⁴ М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 327, 329—330.

²⁵ В. Д. Итонишвили. Пережитки семейной общины у грузин-горцев Ксанского ущелья. — «Кавказский этнографический сборник», 4. Тбилиси, 1972, стр. 127—131.

²⁶ Л. Б. Пашаева. Порядок раздела в семье урумов. — Там же, стр. 98—99. Урумы — население Триалети, выходцы из с.-в. районов Турции, переселенные в Грузию по условиям Адринопольского мира (1829) — грузины, греки, армяне, евреи, таты и др. Говорят на турецком языке, но считают себя греками.

ственного права»²⁷. Он в качестве примера указывает на обычаи средневековой Англии («bough english»), областей Артуа и Пикардии во Франции, Швейцарии середины XVIII в., кельтов Уэльса уже во времена Гоэля Доброго.

Более полная сводка сведений о минорате в Европе содержится в упомянутой книге Дж. Фрезера. В Англии «система минората, — отмечает он, — до недавнего времени была распространена в качестве древнего закона о земле во многих частях страны». По древним обычаям Уэльса, «при дележе имения между братьями младший получал усадьбу (tyddyn), все постройки и восемь акров земли, а также топор, котел и сошник, потому что отец (был) не в праве передавать эти три предмета никому иному, кроме младшего сына»²⁸. В Германии, по сведениям Дж. Фрезера, минорат применялся среди крестьян в Вестфалии, Силезии, Вюртемберге, а во Франции, кроме перечисленных выше Пикардии и Артуа, еще в Бретани и некоторых других областях — «от наследования всего имущества до исключения права на предметы домашнего обихода»²⁹.

В Западной Европе минорат был связан с так называемым «зависимым крестьянским держанием», и в таких случаях право младшего сына из преимущественного перерастало в исключительное и целиком лишало остальных братьев права на наследство. Фрезер приводит выдержку из письма Майтлэнда, в котором говорится, что при держании (в Англии) не может быть речи о наследстве, т. е. разделе между детьми, а лишь о передаче держания кому-либо из потомства, и этим кем-либо оказывался обычно младший сын, поскольку старшие, не рассчитывая на наследство, уходили из дому. Также и во Франции, в некоторых округах Бретани, «младшие дети пользовались исключительным правом: младший сын или дочь наследовали всю землю на праве зависимого владения»³⁰.

Однако территория распространения минората далеко не ограничивается Европой и рассмотренной частью Азии. В книге Фрезера содержится интересное сообщение Риверса о бытовании минората у бадага, племени в южной Индии. Сообщение это примечательно тем, что минорат в нем рисуется точно таким же, каким мы его видели у восточных славян, тюрко-монгольских и тунгусо-манчжурских народов. «Как мне говорили, — рассказывает Риверс, — здесь обычай этот утвердился благодаря тому, что возмужавшие сыновья после женитьбы покидают родительский кров и строят себе отдельные дома. Только младший сын обязан жить при родителях, а после их смерти он оста-

²⁷ М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 332.

²⁸ Дж. Фрезер. Указ. соч., стр. 168, 169.

²⁹ Там же, стр. 170—171.

³⁰ Там же, стр. 169, 170. Здесь попутно заметим, что и майорат в Европе среди дворянства проявлялся в своей исключительной форме, лишавшей всех остальных, после старшего, братьев доли наследства.

ется жить в родительском доме и становится его собственником»³¹. По тем источникам, которыми располагал Фрезер, минорат существовал у ряда племен Северо-Восточной Индии, Бирмы и прилегающей территории Китая. Довольно широкое бытование минората в Юго-Восточной Азии по материалам, содержащимся в фольклорной и этнографической литературе, устанавливает также известный советский фольклорист Е. М. Мелетинский³². Оба автора отмечают в ряде случаев параллельное функционирование минората с майоратом. Нередко одни и те же племена, в зависимости от конкретных условий, отдают предпочтение тому или иному порядку наследования, но очень часто оказывается, что минорат и майорат имели разные сферы влияния. В одних случаях «старший сын наследует недвижимое имущество, младший — всю движимость»³³, в других — хижина, земельный участок отца достается младшему сыну, а движимое имущество делится между братьями с теми или иными вариантами. Но одна тенденция наиболее постоянна: в наследовании должности, военно-политической власти (там, где они вообще были наследственными) придерживались больше майоратного принципа, то есть должность начальника деревни, вождя переходила обычно старшему сыну, в то время как личное имущество, дом — младшему³⁴. Такое «разделение сфер влияния» между миноратом и майоратом, характерное не только для народов юго-восточной Азии, обладает некоторой универсальностью, что было отмечено еще Г. С. Мэнном и М. Ковалевским³⁵. К этому вопросу мы еще вернемся в связи с выяснением происхождения рассматриваемого социального института.

Для значительной части народов мира минорат не характерен, он уступает место или майорату или принципу равного распределения наследства между братьями. У многих племен, сохранявших в силу определенных исторических условий традиции родового строя и не знавших почти не знавших института частной собственности, не было ни минората, ни майората, поскольку не было вообще какого-либо порядка наследования от отца к сыну. Так или иначе не характерен минорат для Полинезии, Индонезии, Африки и Америки, для ряда государств Европы и Азии.

Наш обзор был бы далеко не полный, если бы мы не упомянули некоторые письменные памятники, в которых содержатся определенные свидетельства бытования минората в древнюю

³¹ Дж. Фрезер. Указ. соч., стр. 190.

³² Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 82—87.

³³ Дж. Фрезер. Указ. соч., стр. 177.

³⁴ Дж. Фрезер. Указ. соч., стр. 189. Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 82—87.

³⁵ Г. С. Мэнн. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873, стр. 184—185; М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 324—325.

эпоху, около двух с половиной тысячелетий назад. Особое место среди них занимают легенды о происхождении скифов, приводимые в «Истории» Геродота³⁶. Поскольку и впредь нам придется обращаться к этим легендам, вкратце приведем их содержание.

Одна из легенд, по словам Геродота, принадлежит скифам. Скифы рассказывали, что первым жителем их страны был Таргитай — сын Зевса и дочери реки Борисфена (Днепра). У Таргитая было три сына: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший — Колаксаис. «В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и подошел второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему»³⁷.

Мотив о трех братьях, младший из которых рисуется наиболее достойным наследовать царство, видимо, был довольно популярен для того времени: с ним мы сталкиваемся и во второй легенде, рассказанной, как пишет Геродот, эллинами, которые живут в Понте.

Гоня быков Герниона, Геракл очутился на земле, которая затем стала страной скифов. Здесь он встретил существо смешанной природы — полудеву, полузмею, которая хитростью вынудила его жениться на себе. Отпуская Геракла домой, она спрашивает его: «Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной), или же отослать к тебе?». Геракл же ответил на это: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину...». «Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила так, как он велел. Двое сыновей — Агафирс и Гелон — не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари»³⁸.

Легенды разные по сюжету и принадлежат, по свидетельству Геродота, разным народам. Но они очень близки по структуре, их объединяет повторяющийся мотив трех братьев с идеализацией младшего, образы греческой мифологии (Зевс, Геракл), а

³⁶ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, стр. 188—189, (кн. 4, 5—10).

³⁷ Там же, стр. 188 (кн. IV, 5).

³⁸ Там же, стр. 189 (кн. IV, 8—10).

также и то, что дошли они до нас в передаче Геродота. Можно не сомневаться, что оба сюжета имели хождение у греков Черноморья, а первый из них — и у греков, и у скифов.

Легенда наталкивает на мысль, что скифское общество времени Геродота придерживалось миноратного принципа наследования. Некоторые исследователи без всякого сомнения истолковали эти сюжеты как отражение реально существовавшего у скифов минората³⁹. Во всяком случае вполне можно предполагать, что этот порядок наследования, если и не преобладал, то был знаком скифам.

В легендах содержится, пожалуй, самое древнее известное нам идеологическое обоснование минората, зафиксированное в литературе. Оба сюжета отстаивают преимущественное право младшего брата перед старшими в наследовании, но обосновывают его по-разному. В первом, скифском, варианте право это предопределено самим фактом рождения последним в семье и выдается как проявление воли «свыше», а во втором, греческом — младший сын должен совершить подвиг, выполнить определенное условие на силу и умение и тем самым обнаружить личное превосходство перед старшими братьями. Этот вариант получил впоследствии чрезвычайно широкое распространение в устнопозитическом творчестве народов Азии и Европы. Похоже, уже тогда, в эпоху Геродота, сюжеты о младшем брате успели стать традиционными в фольклоре, об этом говорят их повторяемость, идейно-художественная отработанность.

В той или иной мере отражение минората исследователи видели в легендах Ветхого завета, в древних индийских юридических сводах и эпосе («Махабхарата»), греческой мифологии⁴⁰.

Таковы в основном территориальные и хронологические рамки бытования минората в пределах документально-исторической достоверности. По мере изучения быта и культуры современных народов и их исторического прошлого пределы эти могут быть значительно расширены. Но и этот приведенный выше обзор характеризует минорат как народный обычай, который, возникнув уже в далекой древности, получил распространение на чрезвычайно обширной территории Старого Света и через многие столетия дожил до наших дней. В силу этого обычая, младший сын пользуется определенными преимуществами перед своими старшими братьями в наследовании отцовского имущества. У большинства народов преимущество это сводилось к

³⁹ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. — «Вестник Ленингр. ун-та», 1947, № 9, стр. 70; А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. — «Советская археология», 1966, № 2, стр. 33—36; Д. Б. Шелов. Социальное развитие скифского общества. — «Вопросы истории», 1972, № 3, стр. 69.

⁴⁰ М. Ковалевский. 1) Современный обычай и древний закон, стр. 333—334; 2) Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, стр. 122; Д. Ж. Фрезер. Указ. соч., стр. 165—168; Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 140—164.

наследованию отцовского дома («корня», «очага»), или несколько большей, чем доли остальных братьев, части движимого имущества. Так или иначе интересы старших братьев или не затрагивались вовсе, или ущемлялись в незначительной степени. Вместе с тем у некоторых народов минорат выступал в виде исключительного права младшего сына на наследство родителей. Эта форма минората была характерна, главным образом, для феодальных государств Европы и связана с одной из разновидностей крепостной зависимости — с крестьянским держанием.

В какой бы форме ни выступал минорат, его возникновение и столь длительное существование на громадной территории, у широкого круга различных по языку и культурно-бытовым традициям народов нуждается в объяснении. Дело не столько в том, что в нем заключен некоторый курьез с точки зрения здравой логики (ведь не зря анонимный историк, которого цитирует Фрезер, называет его «оригинальным порядком»); главное — будучи, сам по себе весьма сложным историческим явлением, минорат тесно связан с историей таких важнейших социальных институтов, как **семья и частная собственность**.

* *
*

Одну точку зрения о происхождении минората, объявляющую его специфической особенностью урало-алтайских народов, мы уже упоминали. Эта точка зрения английского ученого второй половины XIX в. Ч. Элтона. Бытование минората за пределами территории обитания урало-алтайских («туранских» по терминологии того времени) народов он объяснял миграциями племен туранского происхождения и их влиянием на другие народы. Концепция Элтона была подвергнута убедительной критике М. М. Ковалевским. Он отметил, что минорат, как и майорат, издавна известен арийским народам, притом два этих социальных института очень часто существовали одновременно у одного и того же народа. В древнейших «источниках арийского права,— писал М. Ковалевский,— сплошь и рядом в одном и том же памятнике встречаются указания на существование майората наряду с миноратом или, точнее говоря, зародышей того и другого»⁴¹. К таким источникам он относил древнеиндийские своды законов. Опровержение точки зрения Элтона он видел также в обычаях осетин, у которых независимо от какого-либо влияния со стороны других, тем более туранских народов, сосуществовали «оба вида преимущественного наследования».

В попытках объяснить распространение минората и майората этническими различиями народов Элтон был не одинок. Еще

⁴¹ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, стр. 330—331.

до него, в середине XIX в., исследователь русского народного права В. Никольский минорат рассматривал как явление, характерное для славянских народов, при этом он был склонен это связать с мирным характером народной жизни. Он писал: «При дележе родительского достояния коренное различие первоначального домашнего быта славян и германцев ярко выходит наружу. Во-первых, у славян наследуют все сыновья без различия способных или не способных носить оружие... Во-вторых, в противоположность германскому племени, у славян оказывается видимое если не предпочтение то снисхождение к младшему сыну, а не старшему. Так младший сын, как более слабый и часто не возрастной, следовательно, более других нуждающийся в помощи родных, получал отцовский дом»⁴².

Другой русский исследователь того времени И. Д. Беляев видел в минорате старый коренной обычай, свидетельствующий об особенностях исторического прошлого восточных славян. «Право меньшего сына на дом отца, одинаково допускаемое Русскою Правдою и в наследстве после боярина и в наследстве после смерда, — по его мнению, — служит самым ясным отрицанием родовых начал в древнем русском обществе; по родовым началам дом отца непременно доставался старшему сыну, первенцу, как полному представителю покойного»⁴³.

Во взглядах обоих авторов сказалась слабая изученность социально-бытовых институтов не только других народов, но и самих восточных славян. Как уже отмечалось выше, по материалам, собранным Министерством государственных имуществ России в конце 40-х годов прошлого века, то есть в то время, когда жили и писали свои работы цитируемые авторы, среди русских крестьян наряду с миноратом, даже в большей мере чем минорат, был распространен и майоратный принцип наследования⁴⁴. Как видно, и те «родовые начала», о которых говорит И. Д. Беляев, и верно подмеченная им связь майората с ними имели место также и в русском обществе. Кроме того, — и это, пожалуй, имеет решающее значение — и В. Никольский и И. Д. Беляев не учитывают широкое бытование минората с древнейших времен среди многочисленных неславянских народов России, а также в зарубежной Европе.

Во второй половине XIX в. была в ходу так называемая «трудова́я теория» права и собственности, которая нашла отражение во взглядах И. Г. Оршанского по интересующему нас вопросу. Он писал, что «все здание наследственного права построено у крестьян из одного элемента, и этот элемент есть личный труд как главный фактор сельскохозяйственной производительности», что «только участие в общем труде семьи дает право на участие

⁴² В. Никольский. Указ. соч., стр. 346.

⁴³ И. Д. Беляев. О наследстве без завещания по древним русским законам. М., 1858, стр. 34.

⁴⁴ Ф. Барыков. Указ. соч., стр. 9—10.

в разделе продуктов этого труда»⁴⁵. Из этого принципа он выводил и обычай минората у русских крестьян: выделившиеся раньше старшие дети, как не участвовавшие в создании оставшегося после отца имущества, не получают наследства, которое в целом виде достается младшему сыну. Не вдаваясь в критику этой концепции, лишь укажем, что она совершенно не объясняет существование у тех же русских крестьян майоратного порядка наследования.

Выдающийся русский ученый конца XIX — начала XX в. М. М. Ковалевский проблему минората и майората рассматривал в тесной связи с историей семьи и частной собственности. Он в числе первых в Европе ознакомился с «Древним обществом» Л. Г. Моргана, ему были известны взгляды на историю семьи и собственности К. Маркса и Ф. Энгельса, с которыми он был знаком и поддерживал личные дружеские связи^{45а}. Все это благотворно сказалось на его общесторической концепции и позиции по рассматриваемому вопросу.

Возникновение минората и майората М. М. Ковалевский связывал с разложением патриархальной семейной общины, для которой был характерен «режим нераздельности». Состояние такой семьи было собственностью всех ее членов и со смертью отца (главы семьи) происходила лишь смена лиц, заведующих общим имуществом. Когда раздел имущества семьи стал правилом, то есть стал исторически свершившимся фактом распад большой семейной общины, были выработаны обычаи, регулирующие порядок наследования. Во многих странах (в Афинах, древней Индии, Германии времен Тацита и основанных затем германцами государствах) обычаем выделялся в привилегированное положение старший сын, в то время как другие страны стали придерживаться миноратного принципа⁴⁶.

Какие же факторы обусловили возникновение и распространение каждого из этих социальных институтов в отдельности?

В нераздельной (патриархальной) семье, отмечает М. М. Ковалевский, после смерти отца главой семьи становился обычно старший сын. «Он, хранитель семейной казны, распорядитель ее имущества, распорядитель работ между ее членами и, вместе с тем, поддержатель домашнего очага, обязанный вечно сохранять в нем огонь и совершать жертвоприношения предкам». Эта преимущественная роль в семье должна была сказаться и в момент расторжения прежнего единства между ее членами. «Бывший хозяин, как лицо более других содействовавшее материальному преуспеванию семьи, должен... (был) получать какой-нибудь прибавок... Этот прибавок в его пользу объясняется

⁴⁵ И. Г. Оршанский. Указ. соч., стр. 77, 84.

^{45а} М. О. Косвен. Предисловие к книге М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». М., 1939, стр. 5—7.

⁴⁶ М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 120—122.

еще и тем соображением, что, как старший родственник, он и по расторжении (большесемейного единства) не теряет преимущественной роли в фамильном культе». Поэтому во всех обществах, в которых «некогда известно было начало семейной нераздельности, возникает в эпоху ее упадка правило о наделении старшего сына большею против других частью семейной собственности»⁴⁷. Так возникает, по мысли М. М. Ковалевского, майорат как **преимущественное** право старшего сына. Только позднее, в феодальных обществах с ярко выраженным военным характером, в сфере феодальной знати майорат становится **исключительным** правом старшего сына, устраняющим младших от какого-либо участия в наследовании⁴⁸. Решающее значение в последнем случае сыграли тесная связь землевладения с военной службой, «единство руководства и командования», столь важное для правящих классов.

А минорат? В период упадка большесемейной общины выделы взрослых сыновей становятся обязательными для отца. В этих условиях «старший сын ранее младшего имеет возможность выйти из семьи, прекратить дальнейшее участие в ее труде»... В результате «оставляемое отцом имущество редко когда является накопленным его (старшего сына. — Н. Б.) усилиями и, наоборот, почти всегда создано сотрудничеством младшего». «Младший доле остается в нераздельности с отцом, а потому и более старшего участвует своим трудом в создании оставляемого отцом достатка»⁴⁹. Отсюда вытекает и его преимущественное право на наследование. Таким образом, по словам М. М. Ковалевского, «трудоу принцип всецело принимается... в расчет в определении доли младшего сына», в то время как привилегии старшего сына определяются «не по экономическим, а скорее по религиозным мотивам»⁵⁰.

Особое значение трудовое начало должно было иметь в крестьянской среде, чуждой военных интересов и господства. Именно среди крестьян минорат получает широкое распространение; в первую очередь среди крестьян и отчасти городской буржуазии эпохи средневековья он приобретает в некоторых странах свою исключительную форму. «В обоих... случаях минорат существует при порядке, противоположном милитаризму, составляющему основу, на которой держатся правящие классы феодального мира»⁵¹.

⁴⁷ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 1, стр. 325—326.

⁴⁸ М. Ковалевский. 1) Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 121; 2) Современный обычай и древний закон, т. 1, стр. 331—332.

⁴⁹ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 1, стр. 333—334.

⁵⁰ Там же, стр. 335.

⁵¹ М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 122.

Известно, как высоко ценил Ф. Энгельс заслуги М. М. Ковалевского в изучении истории семьи и частной собственности, в выяснении исторического места патриархальной семейной общины⁵². И здесь, в изучении проблемы минората и майората, ставя возникновение и распространение этих обычаев в прямую зависимость от развития семьи и собственности, рассматривая их в непосредственной связи с разложением патриархальной большой семьи и формированием и утверждением малой семьи, М. М. Ковалевский вплотную подошел к научному решению вопроса. Но его научный метод далек от марксизма. Видимо, в первую очередь этим нужно объяснять преувеличение им роли субъективного фактора — сознательного регулирования изменений и развития отношений собственности в прошлые эпохи. Рассматривая «преимущественное и наиболее продолжительное участие (младшего сына) в семейном производстве» как решающий фактор в возникновении и утверждении минората, М. М. Ковалевский в заметной мере оказался во власти «трудо-вой теории». Переоценил он и значение религиозного фактора — фамильного культа — в установлении майората. Вероятно, его юридический подход к исследованию исторических явлений, отмеченный в свое время М. О. Косвенем⁵³, помешал ему разглядеть уже сформировавшийся майорат в недрах патриархальной семьи. Но несмотря на эти недостатки позиция М. М. Ковалевского нам представляется более близкой к исторической правде, чем некоторых последующих ученых, в частности Дж. Фрезера.

По мнению Дж. Фрезера, минорат древнее майората и связан с примитивными формами хозяйства — «кочевой» (подсечно-огневой и переложной) системой земледелия и пастушеским скотоводством. И та, и другая форма хозяйства при **обилии земли и редком населении**, что является «существенным условием возникновения и господства минората», ведут к тому, что «подрастающие сыновья один за другим покидают родительский дом» и обзаводятся собственным хозяйством. У земледельцев выделявшиеся дети «расчищают себе новые участки в лесу или джунглях», а у народов скотоводческих обзаводятся стадами и начинают «самостоятельную кочевую жизнь». И в том и другом случае «младший сын остается до конца при стариках, кормит их и поддерживает на склоне лет, а когда они умирают, становится наследником их имущества». Когда же «рост населения и другие причины приводят к тому, что сыновьям становится трудно выделиться из семейной общины и уйти в сторону, право младшего на исключительное обладание наследством... посте-

⁵² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21. М., 1961, стр. 61—62, 63, 139—140.

⁵³ М. Косвен. Указ. соч., стр. 10.

ленно утрачивается или даже уступает место праву первородства»⁵⁴.

Фрезер располагал громадным материалом по минорату, однако решающую роль в его построениях сыграл материал европейский. Всюду в Центральной и Западной Европе, в том числе и Англии, он застал только следы минората, бытовавшего в эпоху средневековья в основном в крестьянской среде и уступившего место майорату или исчезнувшего бесследно. Создавалось впечатление, что минорат закономерно предшествует майорату, и многочисленные свидетельства о преобладании права младшего сына у тюрко-монголов, обычаи славян и других народов как будто не противоречили такому предположению. «Такое объяснение, — писал Фрезер о своей концепции, — подтверждается современным обычным правом русских крестьян, у которых до сих пор сохранился как сам обычай, так и его логическое оправдание»⁵⁵. Эта концепция, казалось, давала убедительное объяснение также противоречиям библейских легенд.

Поскольку значение Ветхого завета как своеобразного источника древности неоспоримо, остановимся на нем подробнее. Тем более, что Фрезер находит в нем подтверждение своей точки зрения. Как рассказывается в книге Бытия (гл. 25), у Исаака, сына Авраама, было двое сыновей-близнецов. Иаков был младшим из близнецов и первым на благословение отца и, следовательно, на наследование имел право старший из близнецов Исав. Исав вырос «человеком искусным в звероловстве, человеком полей, а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах». Когда пришел Исав с поля усталый и голодный, Иаков предложил ему продать первородство за кусок хлеба и кушанье из чечевицы. «Вот я умираю, что мне в моем первородстве», сказал Исав «и продал первородство свое Иакову». Когда Исаак состарился (гл. 27), обманув его с помощью матери (выдав себя за Исав), Иаков получил его благословение. Примечательны слова этого благословения: «Будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей...».

Фрезер отмечает, что и отец Иакова «Исаак также был младшим сыном и оттеснил своего старшего брата Измаила от наследования отцу Аврааму». Тут Фрезер несколько неточен. Измаил — действительно старший сын Авраама, но от служанки его жены Сарры — Агаты. Исаак — второй сын, но сын от жены не только «законной», но и старшей (первой). Были сыновья еще от младшей жены Хеттуру, так что Исаак никак не был младшим сыном (гл. 13, 21, 25).

Однако вернемся к истории с Иаковом. Больше других сы-

⁵⁴ Д. Ж. Фрезер. Указ. соч., стр. 194—195.

⁵⁵ Там же, стр. 194.

новой он любил своего одиннадцатого, предпоследнего⁵⁶, сына Иосифа, ибо «он был сын старости его» (гл. 37), называл его «избранным между братьями своими» (гл. 49). Благословляя внуков, сыновей Иосифа, на царство, Иаков нарочито отдавал предпочтение младшему из них — Эфраиму (Ефрему).

Фрезер приводит также легенду о царе Давиде. Тамара (Фамарь, по другим переводам), невестка Иуды (четвертого сына Иакова), родила близнецов — Переца (Фареса) и Зераха (Зару). Хотя Перец родился раньше, фактически был младшим сыном (в Библии рассказывается, что рука Зераха появилась раньше и бабка успела повязать ее красной нитью со словами: «Этот вышел первый»). Перец — прямой предок Давида. Давид также был младшим сыном отца и передал царство, в свою очередь, одному из своих младших сыновей — Соломону.

«Все эти факты, вместе взятые, — пишет Фрезер, — способны вызвать предположение, что обычаю первородства или предпочтения старшего сына, у евреев предшествовал более древний обычай, «право последнего рождения», то есть предпочтение младшего сына при наследовании отцу»⁵⁷.

В том, что в древнем еврейском обществе тех времен, когда составлялся Ветхий завет, существовал обычай майората, нет никаких сомнений. Силошь и рядом об этом говорят сами тексты, да и во многих конкретных случаях в сказаниях наследование престола и продолжение главной линии родства идет от отца к старшему сыну. Тем не менее ряд случаев находится в определенном противоречии с этим обычаем. Однако они сами по себе еще не дают достаточного основания утверждать о ранее существовавшем и, следовательно, уже исчезнувшем к тому времени институте младшего сына.

Во-первых, даже в тех сравнительно немногих примерах, которые были отобраны и использованы Фрезером, речь не всегда идет о самом младшем сыне. Это или один из близнецов, когда старшинство трудно доказуемо, или предпоследний сын, или перед нами сыновья от разных матерей.

Во-вторых, все эти факты можно рассматривать не как следы ранее существовавшего и исчезнувшего обычая, а в несколько иной плоскости. Ведь они могли иметь место и в том случае, если бы минорат только-только пробивал себе дорогу, расшатывая идеологическую основу майората, а также и в том, если бы оба эти социальных института существовали параллельно, но в разных сферах: один — в наследовании общественного положения (майорат), другой — семейного имущества.

Немалое значение имеют в этом вопросе позиции авторов Ветхого завета, их симпатии. В истории с Иаковым, с одной сто-

⁵⁶ Фрезер высказывает по этому поводу предположение, что Иосиф, возможно, в первоначальной версии легенды был самым младшим из сыновей Иакова. См. Д. ж. Фрезер. Указ. соч., стр. 167.

⁵⁷ Д. ж. Фрезер. Указ. соч., стр. 168.

роны, они как будто осуждают его за хитрость и вероломство, а с другой, — выдают его вероломные поступки за проявление воли всевышнего, как нечто predetermined судьбою. Весьма примечателен следующий эпизод: до рождения сыновей-близнецов Господь говорит их матери — Ревекке: «Два племени в чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей, и один народ сделается сильнее другого и больший будет слушать меньшему».

И эта идея — преимущество младшего predetermined свыше, он избранник господя, судьбы — получит впоследствии колоссальное развитие в мировом фольклоре от Тихого до Атлантического и от Индийского до Северного океанов и послужит одной из идейно-этических основ минората. С ней мы еще раз сталкиваемся в эпизоде благословения Иаковом внуков, сыновей Иосифа.

Выше уже отмечалось, что Иаков (он же Израиль) предпочтение отдавал младшему из внуков-близнецов Эфраиму (Ефрему). На возражения Иосифа, который подумал, что старик ошибся, и хотел его поправить, Израиль отвечает: «Знаю, сын мой, знаю; и от него (старшего. — Н. Б.) произойдет народ и будет он велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ».

И опять идея минората, как бы подсказанная самим богом, predetermined им. Разумеется, что и здесь, как и в предыдущем случае, нет осуждения минората, скорее авторы вроде склоняются к этой идее, отдают ей определенное предпочтение. Как бы ни было, отступление от майоратного принципа рисуется не как прихоть или ошибка Израйля, а как явление закономерное и оправданное. В любом случае мы должны будем признать, что авторы Ветхого завета были против того, чтобы слепо и неукоснительно следовать майорату. Можно высказать предположение, что возникновение мотивов о младшем сыне в Ветхом завете было обусловлено определенными изменениями в общественных отношениях в ту эпоху и их отражением в эпическом фольклоре. Вероятно, не случайно примерно к тому же времени относятся греческие сказания о Геракле и легенды о происхождении скифов.

Таким образом, из Ветхого завета не следует, что у древних евреев майорату предшествовал минорат. Не наблюдается такая преемственность также на исторически достоверном этнографическом материале из жизни многочисленных народов Азии и Европы. Этот материал показывает также, что не всегда можно установить прямую связь между формой хозяйства и порядком наследования, что далеко не совпадают между собой границы распространения минората и выделенных Фрезером форм хозяйства. В целом точка зрения Фрезера оказалась менее обоснованной, чем М. М. Ковалевского.

Более развернутую концепцию минората выдвинул Е. М. Мелетинский. В его книге «Герой волшебной сказки» обширная глава («Происхождение сказок о младшем сыне и их роль в формировании сказочного эпоса») ⁵⁸ посвящена проблеме минората и его отражения в сказочном фольклоре.

Е. М. Мелетинский различает два вида минората — «архаический», который зарождается в недрах родового строя, и «правовой», возникающий при распаде патриархальной семейной общины как средство, которое должно задержать этот процесс. В «архаическом» минорате Е. А. Мелетинского младший сын рисуется как хранитель и продолжатель родовых традиций. Получение им наследства не нарушало первобытнообщинного равенства: он наследовал дом, когда у старших сыновей уже были свои дома, содержал мать и сестер, помогал братьям. Он не был наследником-собственником, а являлся «хранителем очага», «хранителем семейной собственности и как таковой занимал место отца. Это первоначально никого не смущало, так как принцип старшинства не был обязательным» ⁵⁹.

Экономическую основу «архаического» минората Е. М. Мелетинский, как и Дж. Фрезер, видел в подсечном земледелии и «примитивном» (кочевом? — Н. Б.) скотоводстве, «поскольку в условиях такого хозяйства... младшие дети оставались с родителями, а старшие уходили на новое место» ⁶⁰.

«С развитием патриархальной семьи (особенно в условиях оседлого земледелия, когда семья тесно спаяна) выдвигается на первый план старший сын. Он после смерти отца становится распорядителем общего имущества семьи. Очень часто к нему переходят и религиозные функции» ⁶¹. Такую систему отношений, когда «семейный коллектив сохранялся и распорядителем хозяйства оставался старший сын», Е. М. Мелетинский называет «патриархальным» майоратом.

Постепенно патриархальная семья распадается на малые семьи, старшие братья при выделе стремятся использовать принцип старшинства в личных интересах, при разделах после смерти отца нередко стараются превратить общесемейную собственность в свою, частную, или хотя бы завладеть ее большей частью. Это им часто удается, и происходит «несправедливое отстранение от наследования, полное или частичное, младших детей». Таким образом, «майорат утверждает одновременно частную собственность и неравенство в семье, делает младшего обездоленным» ⁶².

В этих условиях, в противовес майорату, возникает «правовой» минорат — как мера защиты патриархальной семейной об-

⁵⁸ Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 64—160.

⁵⁹ Там же, стр. 104—105.

⁶⁰ Там же, стр. 103.

⁶¹ Там же, стр. 105.

⁶² Там же, стр. 106.

щины. И здесь, по концепции Е. М. Мелетинского, младший сын выступает как «хранитель патриархальной родовой (?) традиции». «Правовой» минорат существовал одновременно с майоратом лишь при разделах семейной собственности. В тех же случаях, когда патриархальный семейный коллектив сохранялся, во главе его оставался старший сын. Иногда минорат выражался в традиционной передаче младшему только дома, иногда — всего наследства. Однако позиции его оказываются непрочными и в конечном счете он всюду уступает место майорату, который в сфере социально-политической — в передаче по наследству общественной должности, власти — господствовал с самого начала⁶³.

В отличие от Дж. Фрезера, Е. М. Мелетинский решает проблему минората в органической связи с социальным развитием общества, прежде всего, с развитием семьи и частной собственности. К исследованию проблемы он привлек обширный фактический материал, содержащийся в исторической, юридической, этнографической литературе и фольклоре. Все это позволило ему значительно расширить фактологическую базу изучения проблемы, раздвинуть ее географические и хронологические рамки, наметить более полную картину распространения минората и его идейно-эстетического отражения — сказочного юниората. Однако в концепции Е. М. Мелетинского, в той ее части, которая относится к вопросу о происхождении и историческом месте минората, имеются моменты неясные и противоречивые. В вопросе о том, какой из рассматриваемых принципов наследования возник раньше, он солидарен с Фрезером. Но признание минората более древним явлением противоречило русской действительности, которая и в XIX в. еще давала примеры возникновения минората на базе распада патриархальной семьи. Отсюда тезис Е. М. Мелетинского о вторичном возникновении этого института в виде «правового» минората, сходство которого с «архаическим» весьма отдаленное⁶⁴. Таким образом, между ранней и поздней формами минората, выделенными Е. М. Мелетинским, лежит целая эпоха господства патриархальной семьи с ее предпочтительным отношением к старшему сыну. Остается только непонятным, почему младший сын не мог быть распорядителем общей собственности в патриархальной семье, если в предшествующую эпоху он был «хранителем очага», «родовых традиций» и в этой роли «занимал место отца»? Непонятно также, почему в родовом обществе «принцип старшинства не был обязательным»? Каким образом младший сын мог быть хранителем «патриархальной родовой традиции», если он осуществлял свои преимущественные наследственные права и освобождался от опеки старших только в случае раздела общесе-

⁶³ Е. М. Мелетинский. Указ. соч., 105—107.

⁶⁴ Там же, стр. 98.

мейного имущества, то есть был заинтересован на деле в распаде патриархальной семейной общины? И, наконец, каким образом «правовой» минорат должен был затормозить процесс распада родовой, семейной собственности, распада патриархата как последней формы родового коллективизма»⁶⁵ (речь идет о распаде патриархальной семьи), если сам являлся следствием этого распада?

Как видно, и на этот раз многие вопросы, связанные с происхождением минората, остались нерешенными. Сказались, несомненно, и сложность проблемы (которую отмечали и Е. М. Мелетинский и Г. С. Мэн), и слабая ее изученность.

* *
*

Родовое общество в эпоху своего возникновения и расцвета не знало минората. Решающее значение имело в этом отсутствие частной собственности и связанного с ней какого-либо твердого порядка наследования от родителей к детям. Кое-какое личное имущество у членов рода было, но оно переходило к сородичам.

«Согласно материнскому праву, следовательно, до тех пор, пока происхождение считалось только по женской линии, а также в соответствии с первоначальным порядком наследования в роде, — пишет Энгельс, — умершему члену рода наследовали его сородичи. Имущество должно было оставаться внутри рода. Ввиду того, что составлявшие его предметы были незначительны, оно на практике, вероятно, искони переходило к ближайшим сородичам, следовательно — к кровным родственникам со стороны матери»⁶⁶. Таким был, в частности, порядок наследования у ирокезов. «Если умирал мужчина, его вещи делили между собой его родные братья и сестры и дяди с материнской стороны». Имущество женщины «наследовали ее дети и сестры, братья же исключались». Дети мужчины «ничего не получали после своего отца, так как принадлежали к другому роду»⁶⁷. Морган считал, что этот принцип наследования в основных чертах «сохранялся греческими и латинскими родами вплоть до цивилизации»⁶⁸.

В материнско-родовых и переходных авункулатных обществах Северной Америки наряду с братьями умершего ближайшим наследником был также племянник, сын сестры. При этом надо отметить одну примечательную черту, с которой мы столкнемся также в Центральной и Северо-Восточной Азии — поря-

⁶⁵ Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 106. Здесь и в ряде мест Е. М. Мелетинский не совсем точно, употребляя как синонимы понятия «родовая» (собственность) и «семейная собственность».

⁶⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1970, стр. 58.

⁶⁷ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 46.

⁶⁸ Там же, стр. 317.

док наследования одновременно выступает и как норма брака. Например, у цимшиян — племени северо-западного побережья Северной Америки — брат или племянник умершего вместе с его имуществом наследовали и его вдову⁶⁹. У того же племени, а также у их соседей тлинкитов и хайда в быту и фольклорных сюжетах младшие братья и племянники выступают как потенциальные мужья жен старших братьев и материнского дяди. Предпочтительной формой брака у них был кузенный брак, при котором сыновья сестры женились на дочерях ее брата. Таким образом, «племянник индейца был не только его наследником, но и предпочтительным мужем его дочери»⁷⁰. К племяннику переходили также родовое имя и тотемный знак материнского дяди. Аналогичные обычаи наследования зафиксированы у других племен Северной Америки, аборигенного населения Африки⁷¹, туземцев Меланезии⁷².

Заслуживает внимания в плане нашей темы то обстоятельство, что если приходилось решать, кого из племянников сделать наследником, то обычно выбор падал не на младшего. У северных квакиютлей (Северная Америка) законным наследником в конце XIX в. считался старший сын старшей сестры⁷³. Старший сын сестры наследовал своему материнскому дяде, если у последнего не было братьев, у группы племен нкунду (Конго) и у племени аброн в Африке (Берег Слоновой Кости)⁷⁴. Как видно, пока еще мы не обнаружили и зародыща минората.

С переходом к патрилокальному браку старый порядок наследования изменился не сразу. В течение определенного периода, хотя жена и переселялась в род мужа, дети ее продолжали принадлежать, как и в прежние времена, к роду ее братьев и по достижении того или иного возраста уходили к своим дядьям по матери. Такую форму брака называют вирилокальной или авункулолокальной⁷⁵. Чтобы сделать сына наследником, отец должен был усыновить его в свой род. У северных квакиютлей была введена «практика адаптации сына в род отца путем пуб-

⁶⁹ Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, стр. 41.

⁷⁰ Там же, стр. 44.

⁷¹ Д. А. Ольдерогге. Система Нкита (взаимоотношения родов у нкунду по данным конца XIX — начала XX в.). — «Проблемы истории первобытного общества». М.—Л., 1960, стр. 173—195.

⁷² С. А. Токарев. Родовой строй меланезийцев. — «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 54—55 и сл.; «Народы Австралии и Океании». — «Народы мира. Этнографич. очерки». М., 1956, стр. 440.

⁷³ Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины..., стр. 110.

⁷⁴ Д. А. Ольдерогге. Указ. соч., стр. 184—185.

⁷⁵ Н. А. Бутинов. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — ПИДО, кн. 1, М., 1968, стр. 128; Ю. В. Бромлей. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины. — «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 173—175.

личной передачи ему имени из рода отца и закрепления этого имени за сыном путем устройства потлача». У белла-белла, подразделения квакиютлей, в связи с необходимостью больших затрат, только вожди могли адаптировать сыновей, и то лишь старших, в то время как дети простолюдинов считались в роде матери. У другого подразделения квакиютлей — хаисла — «отец мог передавать свое имя и права сыну (а ближайшим наследником считался опять-таки племянник. — Н. Б.), но последний пользовался ими лишь в течение жизни, после его смерти все возвращалось обратно в род отца»⁷⁶.

Переход к патрилинейному счету происхождения и патрилинейному наследованию поставил детей мужчины, в первую очередь сыновей, в ряд законных и ближайших его наследников. Но общество еще долгое время должно было следовать старым традициям, в том числе и в обычаях наследования. Не только в патриархально-родовых, но в ряде случаев и в раннеклассовых обществах переход имущества от отца к детям не был единственным порядком наследования, а дети — безраздельными наследниками отца. С одной стороны, значительное время сохранялись еще особые отношения между материнским дядей и племянником по сестре. Такие отношения были известны грекам героической эпохи⁷⁷ и германцам времен Тацита⁷⁸. Совсем недавно у некоторых народов Средней Азии и Южной Сибири племянник по сестре пользовался особыми правами относительно имущества и дочери материнского дяди⁷⁹.

С другой стороны, — и это имеет несравнимо большее значение, — дети умершего имели грозных соперников в лице братьев своего отца. Два обстоятельства усиливали позиции братьев умершего. Во-первых, на их стороне была сила традиции, идущей еще со времен матриархата; во-вторых, порядок наследования еще не полностью дифференцировался от норм брака, и, следуя обычаю левирата, младшие братья покойного вместе с его вдовой получали его имущество и детей. Во втором случае, по выражению В. Г. Богораза, «вдова... сама является частью наследства»⁸⁰. О том, насколько широко были распространены в недавнем прошлом левиратные браки младших братьев и племянников на вдовах старших братьев и дядьев, нет двух мнений. То, что это было одновременно и формой наследования, хорошо видно на примере ульчей — народности тунгусо-манчжурской группы. У них также мужчина брал в свой дом вдову умершего

⁷⁶ Ю. П. Аверкиева. Разложение родовой общины..., стр. 110—111, 113.

⁷⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 152, примечание.

⁷⁸ Там же, стр. 73, 152—153.

⁷⁹ А. Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960, стр. 22—23; С. П. Балдаев. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959, стр. 9—12; Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 233.

⁸⁰ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. 1. Л., 1934, стр. 191.

старшего брата вместе с детьми. В отдельных случаях, вследствие большой разницы в возрасте, между ним и вдовой супружеских отношений могло и не возникать, но это не влияло на положение вдовы и ее детей⁸¹. Разница в годах, даже существенная, не служила препятствием для заключения браков. Так было и у других народов Северо-Восточной Азии, например, у чукчей. Только в тех случаях, когда разница в годах была очень велика, у чукчей, как отмечает Богораз, брат умершего отказывался от своего левиратного права, чтобы не жениться на старухе⁸². Примечательно, что у ненцев овдовевшая женщина могла отказаться от вступления в брак, предписываемый обычаем левирата, и «продолжать вести хозяйство мужа, если среди оставшихся сирот имелся сын хотя бы десятилетнего возраста. Однако фактически власть над ее детьми, равно как над имуществом, оставшимся после умершего, принадлежала ближайшим родственникам покойного»⁸³. Более того, если вдова выходила замуж за постороннего, родственники ее покойного мужа за нее получали калмы.

Дети мужчины обычно наследовали после младших братьев своего отца. Практически в большинстве случаев они наследовали не своему отцу непосредственно, а дядьям — младшим братьям отца⁸⁴. Такая система отношений у многих народов и племен обусловила существование браков между представителями различных поколений, в частности, между племянниками и тетками, а иногда — даже между пасынком и мачехой. Первый из этих случаев достаточно полно освещен в литературе. Что касается второго, необходимо отметить, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность, по-видимому, и он имел довольно широкую известность. Такие браки зафиксированы у американских индейцев⁸⁵, у гуннов и древних тюрков⁸⁶. Арабский путешественник X в. Ахмед ибн-Фадлан сообщает о бытовании такого обычая у тюркского племени огузов. «А если умрет человек, имеющий жену и сыновей, — пишет он об огузах, — то старший из его сыновей женится на его жене, если она не была его матерью»⁸⁷. Три столетия спустя Плано Карпини и Гильом де Рубрук отмечают существование таких браков у татаро-монголов⁸⁸. По-видимому, браки между пасынком и мачехой имели место и у скифов Причерноморья. Об одном таком случае сообщает Ге-

⁸¹ А. В. Смоляк. Ульчи, стр. 103.

⁸² В. Г. Богораз-Тан. Указ. соч., стр. 139.

⁸³ Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, стр. 175.

⁸⁴ Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 174.

⁸⁵ Ю. П. Аверкиева. Указ. соч., стр. 102.

⁸⁶ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I. М.—Л., 1950, стр. 230.

⁸⁷ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 126.

⁸⁸ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», стр. 26—27, 101.

родот. У Ариапифа, царя скифов, в числе других детей, был сын Скил, родившийся от матери-истриянки (Геродот не говорит, каким он был по счету среди сыновей). Впоследствии, когда Ариапифа коварно убил Спаргапиф, царь агафирсов, престол перешел по наследству к Скилу вместе с одной из жен покойного отца, по имени Опия⁸⁹.

Территориальные и хронологические пределы таких браков, как видно, были весьма обширны, хотя в каждом отдельном обществе, надо полагать, они были все же сравнительно редким явлением. Никогда и нигде они не могли стать не только основной, но и более менее распространенной формой брака, ибо для этого абсолютно не было условий. Всюду они зафиксированы рядом с обычаем левирата (за небольшим исключением, — например, сообщения Ибн-Фадлана об огузах), и своим происхождением, вероятно, связаны с ним. Если сын мог получить имущество отца только после его братьев и если это имущество передавалось вместе с его женами, то в известных условиях это должно было приводить к бракам между пасынком и мачехой и, повторяясь время от времени, могло стать правилом для определенных случаев. Подробный анализ механизма такой трансформации не входит в задачи настоящей статьи, в плане нашей темы важно было подчеркнуть несомненную связь таких браков с универсальным принципом родового строя «от брата к брату» и с одним из проявлений этого принципа — институтом левирата. Однако надо оговориться, что только одна форма левирата могла породить браки с мачехой — форма, которую Л. Я. Штернберг открыл у орочей, которая затем была обнаружена у других тунгусо-манчжурских, а также самодийских, тюрко-монгольских народов⁹⁰. При этой форме левирата в одном ряду потенциальных и действительных мужей вдовы находятся братья (обычно младшие) и племянники ее умершего мужа.

Система отношений, при которой ближайшими родственниками и, следовательно, наследниками мужчины являлись его братья, находится в теснейшей связи со структурой древнейших форм семейной общины. М. О. Косвен выделяет два типа патриархальной семейной общины: **демократическую**, более архаичную; и **отцовскую**, более позднюю⁹¹. Старшее поколение демократической семейной общины состоит обычно из нескольких братьев с их женами, иногда только из одного оставшегося в живых представителя этого поколения, следующее поколение — из

⁸⁹ Геродот, стр. 206 (кн. IV, 78).

⁹⁰ Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933, стр. 16—17, 151 и др.; А. Ф. Анисимов. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936, стр. 5—45; А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, стр. 62—78; Н. К. Каргер. Классификационная система гольдов. — «Сборник этнографических материалов». Л., 1927, стр. 27—33; Н. В. Бикбулатов. Система родства башкир. М., 1964, и др.

⁹¹ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 40—

сыновей с их женами и т. д.⁹² Возглавлялась такая семейная община старшим мужчиной, в случае его смерти на его место заступал по выбору семейной общины один из братьев или ближайший по возрасту (т. е. следующий старший после умершего) или наиболее способный. «Старшим» становился иногда один из мужчин следующего поколения — либо сын, либо племянник покойного⁹³. Отцовская большая семья, по М. О. Косвену, состояла обычно из пяти, четырех или трех прямых нисходящих поколений и включала прадеда, деда или отца с их сыновьями, женами и детьми. Главой являлся соответственно прадед, дед или отец и пользовался большой деспотической властью. Прежняя выборность поста главы семьи сменяется наследственностью — он переходит от отца к сыну⁹⁴.

Наряду с этими двумя общинами, М. О. Косвен отмечает существование еще одной формы семейной общины — «братской семьи», состоявшей либо из братьев с их потомством, либо из дядей (или дяди) и племянников. Он называет ее то семьей «особого типа», то «частной исторической формой», но исторического места этой формы семьи четко не определяет⁹⁵.

Ю. В. Бромлей в своих недавних работах⁹⁶ указал на определяющую роль братских уз в демократической семейной общине и на принципиальное единство ее с братской семьей по структуре и характеру взаимоотношений членов. Он предложил рассматривать братскую семью наиболее архаической формой семейной общины демократического типа если и не для всех, то во всяком случае для подавляющего большинства народов. Такую семью он не относит к числу патриархальных и считает ее «той самой семейной общиной, которая, по словам Ф. Энгельса, играла важную роль при переходе от семьи, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье»⁹⁷. В братской семейной общине действовал «такой порядок наследования и счет родства, при котором ближайшими родственниками и наследниками считались братья, а за сыновьями сохранялась примерно такая же роль, которую прежде имели племянники, причем и теперь младшему брату наследовал не его сын, а старший сын старшего брата»⁹⁸. С точки зрения нашей темы важно отметить, что обе концепции ставят на первый план, правда с раз-

⁹² М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 49.

⁹³ Там же, стр. 51.

⁹⁴ Там же, стр. 72.

⁹⁵ Там же, стр. 83—86.

⁹⁶ I. V. Bromley. The Archaic Form of the Communal Family — Proceeding of VIII th International Congress of Antropological and Ethnological Sciences, V. II, Tokyo and Kyoto 1968; его же. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины.

⁹⁷ Ю. В. Бромлей. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины, стр. 175.

⁹⁸ Там же, стр. 174.

личной степенью определенности, порядок наследования «от брата к брату».

И в наследовании общественной должности, власти, видимо, предшествовал этот родовой (агнатный) порядок. Морган пишет, что у ирокезов должность сахема была выборной, но в пределах этой выборности «переходила от брата к брату или от дяди к племяннику и очень редко от деда к внуку». «Между несколькими братьями, родными и коллатеральными, с одной стороны, — отмечает Морган, — и сыновьями нескольких сестер, родных и коллатеральных, с другой, не существовало первенства в правах по той причине, что все мужчины рода имели одинаковое право быть избранными»⁹⁹. В другом месте он утверждает, что в обществах, «где происхождение считалось по женской линии, как у ирокезов, преемником умершего вождя избирался обыкновенно его родной брат»¹⁰⁰. Во многих раннеклассовых обществах власть верховного правителя или царский престол наследовались в первую очередь братьями покойного и затем только сыновьями. Такой порядок существовал в древнем Хеттском государстве, ранних государствах Западной и Центральной Африки, в древнем Китае эпохи Инь и т. д.¹⁰¹. В более поздние времена история чуть ли не всех монархических династий полна бесконечных усобиц между претендентами на престол, в которых довольно рельефно выделяется соперничество между дядьями и племянниками, в чем, по-видимому, нужно усматривать выражение слишком затянувшейся борьбы между двумя линиями наследования.

Подведя некоторый итог изложенному, мы можем констатировать, что младший сын в родовом обществе не пользовался привилегиями в наследовании имущества родителей или общественной должности, власти. Всюду перед нами находились или его дяди, или его собственные старшие братья. Не обнаруживаем мы преимущественных прав младшего сына также в переходную эпоху от родового строя к классовому. Таким образом, для «архаического» минората, выделенного Е. М. Мелетинским, не остается места. Чуть не во всех случаях, когда мы наблюдаем начало перехода имущества (и власти) по нисходящей линии, ближайшими наследниками оказывались старшие представители нисходящего поколения — либо старшие племянники, либо старшие сыновья. В этом плане с большим основанием можно утверждать, что майорат имеет более древние предпосылки, чем минорат.

В патриархальной (отцовской) семейной общине на первом месте стоит старший из сыновей. Новым является здесь введение строго семейного принципа наследования — от отца к сыну,

⁹⁹ Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 44.

¹⁰⁰ Там же, стр. 143.

¹⁰¹ Ю. В. Бромлей. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины, стр. 170.

а в вопросе о том, кому из братьев-сыновей отдать предпочтение, отцовская большая семья следовала принципу старшинства, унаследованному еще от родовой общины. Тезис о том, что в родовом обществе «принцип старшинства не был обязательным», нуждается в уточнении; при равных основаниях во всем остальном (родство, храбрость, умение и т. д.), решающее значение имело старшинство, относительный возраст. Каждый осуществлял те или иные свои права после тех, кто был старше его, и наоборот, раньше тех, кто был младше. Не случайно, что у чрезвычайно широкого круга народов системы родства последовательно различают старших и младших родственников в пределах поколения (или возрастной группы) его. И именно те термины родства, которые относятся к указанным категориям родственников, оказываются наиболее устойчивыми и архаическими.

В патриархальной большой семье после смерти отца старший сын становится главой, распоряжается общесемейной казной, имуществом, распределяет работы между членами семьи, совершает жертвоприношения и т. д. Во всем этом, видимо, надо признать одну из форм уже сложившегося института майората, которую Е. М. Мелетинский называет «патриархальной». М. Ковалевский видит здесь пока лишь предпосылки майората, последний, по его мнению, начинается с того, что в период распада большой семьи старший сын при разделе общесемейного имущества, пользуясь привилегиями «бывшего хозяина» и благодаря бывшим заслугам, получает большую, чем остальные его братья, долю. Как бы ни было, он связывает возникновение и утверждение майората с патриархальной семьей.

Мы сказали «одну из форм... майората», имея в виду, что другая его форма уже существовала в области общественной, военно-политической. В наследовании общественной должности, военно-политической власти почти всюду, где оно имело место вообще, установился майоратный порядок. Начало этому было заложено уже в родовом обществе. Морган свидетельствует, что у северо-американских племен оджибве и омаха, у которых происхождение считалось по мужской линии, преемником вождя избирался обычно старший сын¹⁰². Выше уже отмечалось, что в рассматриваемой сфере принцип старшинства обладал некоторой универсальностью. Мы не знаем, пожалуй, ни одного общества, где бы власть правителя или монарха переходила к младшему сыну именно в силу принципа, в силу установившейся традиции, минуя старших сыновей или других претендентов на престол, в то время как старшинство в той или иной мере соблюдалось или учитывалось у подавляющего большинства народов.

¹⁰² Л. Г. Морган. Указ. соч., стр. 143.

Возникновение и особенно утверждение минората, на наш взгляд, связано с распадом патриархальной семейной общины и утверждением малой семьи. В этом вопросе мы целиком солидарны с М. М. Ковалевским, однако мотивы (или причины) установления этого социального института не надо искать в доле младшего сына в общесемейном труде. Дело, конечно, и не в стремлении людей, как это полагает Е.М. Мелетинский, задержать, затормозить распад патриархальной общины и помещать майорату как социальному злу. При известных условиях в процессе утверждения малой семьи принцип старшинства сам по себе оборачивается в свою противоположность и приводит к установлению минората.

Представим логически механизм этого процесса. С распадом патриархальной семьи выдел взрослых женатых сыновей становится правилом. Следуя традиционному принципу старшинства, да и естественной логике вещей, женятся и строят свои хозяйства сначала старшие сыновья (вспомним, хотя уже против оговоренного условия, как рьяно придерживались порядка старшинства в женитьбе сыновей и замужестве дочерей в до-революционных семьях с патриархальным укладом у русских, татар и т. д.). Отец наделяет их домом, усадьбой, выделяет им скот. Очередь до младшего доходит позже всех, а на деле он остается при отце и должен обеспечить уход за престарелыми родителями, похоронить их, устроить поминальные обряды и как естественный результат всего этого — получить дом и хозяйство отца. Поскольку отец был заинтересован в материальном благополучии остающейся при нем семьи (жена, младшие дети), он старался сохранить за собой значительную или лучшую часть имущества, которая затем переходила к младшему сыну. Многократно повторяясь из поколения в поколение, последнее обстоятельство само стало традицией и переросло в правило, по которому дом, усадьба и значительная часть движимого имущества отца должны перейти к младшему сыну. Как видно, и здесь сначала на первом плане было право старшего сына и на последнем — младшего. Но при изменившихся условиях как бы сама естественная логика проведения в жизнь этого старого порядка постепенно привела к неожиданным последствиям. Преимущественное право старшего сына обернулось преимущественным правом младшего. В этом смысле мы можем утверждать, что минорат возник из патриархального майората (в условиях постепенного распада патриархальной семьи, длительного сосуществования большой патриархальной и индивидуальной семьи и окончательного утверждения последней), и называть его перевернутым майоратом.

Взаимосвязь минората с малой семьей очень хорошо видна на восточнославянском материале. Вернемся к наблюдениям Ф. Барыкова. На основе обширного фактического материала он заключает, что минорат встречался в середине XIX в. «преиму-

шественно в западных и южных губерниях, где старшие сыновья большей частью еще при жизни отца (разрядка наша.— Н. Б.) отделяются и переходят на особые хозяйства». Другой исследователь того же времени В. В. Тарановский отмечает, что в Малороссии «женатый сын обыкновенно отделяется от отца, строит особую избу и заводит особое хозяйство. Два женатых брата почти никогда не уживаются вместе»¹⁰³. Сообщения эти близко перекликаются с наблюдениями М. М. Ковалевского, относящимися уже к началу XX в. «Наибольшее число разделов, — читаем мы у него, — имело место в самых плодородных областях России — в Малороссии и Новороссии. В этих местностях малые семьи в настоящее время являются уже общим правилом»¹⁰⁴. Как видно, география малой семьи и минората среди восточнославянского крестьянства в XIX — начале XX в. почти полностью совпадает. Для большинства губерний России, особенно собственно русских, по свидетельству и Ф. Барыкова, и В. В. Тарановского, было характерно сохранение семейной нераздельности, крестьянское население жило большими семействами, но если случались разделы семьи и семейного имущества, дом отца доставался старшему сыну.

Аналогичную связь порядка наследования с формой семьи можно проследить также у тюркских и монгольских народов. В недалеком прошлом у тюркских народов Поволжья, Средней Азии и Казахстана обычаю минората сопутствовала малая семья как преобладающая форма семьи. Встречалась, правда редко, также и большая отцовская семья. Такие семьи в Средней Азии «держались на авторитете отца» и с его смертью обычно распадались. Но иногда они сохранялись и после смерти отца, тогда на место последнего заступал старший сын или наиболее авторитетный и способный из братьев¹⁰⁵. Право старшинства существовало, но, как видно, обычай не требовал неукоснительного соблюдения его, что нашло отражение в пословице у киргизов: «Если *чюке* (альчик) в игре окажется хорошим, сделай его *сака* (битком...), если твой младший брат будет больше тебя знать порядок, признай его своим старшим братом»¹⁰⁶. Весьма примечательно, что в тех случаях, когда неразделенная отцовская семья распадалась, вступал в силу миноратный принцип наследования — дом, двор отца переходили к младшему

¹⁰³ В. В. Тарановский. О делимости семейств в Малороссии. — «Труды комиссии при университете св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа», т. 2. Киев, 1853, стр. 3. Цитируется по М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 46.

¹⁰⁴ М. М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, вып. 1. СПб., 1911, стр. 41.

¹⁰⁵ Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 17, 21, 27.

¹⁰⁶ С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, стр. 246—247.

сыну, хотя старший сын продолжал пользоваться некоторыми преимуществами¹⁰⁷.

В Средней Азии исследователи отмечают длительное сосуществование большой патриархальной и малой семьи. По мнению С. М. Абрамзона, в степном обществе азиатских кочевников патриархальная семейная община, с которой мы связываем преимущественное положение старшего сына, становится господствующей формой семейных отношений примерно с середины I тыс. до н. э. В период с V—VI по IX—X век она начинает сменяться малой семьей, с X—XI вв. малая семья становится преобладающей, но патриархальная семья сразу не исчезает, она, постепенно утрачивая свое значение и претерпевая изменения, доживает иногда до XIX в.¹⁰⁸ Примерно такие же хронологические рамки эволюции и смены семейных форм Н. А. Кисляков определяет для оседлого сельского и городского населения Средней Азии¹⁰⁹.

О башкирах в одном из документов середины XVIII в. писалось, что «сыновей более 20-ти лет отцы при себе не держат, ибо, оженя и сделав особый дом, отпускают»¹¹⁰. И другие материалы говорят о преобладании у них малой семьи в XVIII—XIX вв., которой соответствовал миноратный порядок наследования. В то же время архивно-литературные источники и полевые этнографические материалы содержат свидетельства о существовании у башкир в прошлом большесемейных коллективов¹¹¹. В XIX—начале XX в. такие коллективы, состоявшие иногда из 4—5 брачных пар (отец с 3—4 женами сыновьями с их потомством), со смертью главы распадались. Однако в XVIII в. и раньше, видимо, встречались случаи, когда братья продолжали жить одним хозяйством (двором) и после смерти отца — основателя семейной общины. В документах XVIII в. мы часто сталкиваемся с традицией, когда те или иные деловые операции (продажа и купля, наем, припуск, долговые обязательства) совершались от имени того или иного лица и его братьев. После фамилии и имени лица, совершившего сделку, в документах, как правило, следует оговорка «с товарищи», «с братьями», «с братьями и с детьми и с племянниками» и т. д. Иногда по этим перечислениям можно составить довольно ясное представление о составе и структуре сохранявшихся тогда больших семей¹¹². И сообщение П. И. Рычкова о том,

¹⁰⁷ С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, стр. 247.

¹⁰⁸ Там же, стр. 211—212.

¹⁰⁹ Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 12—17.

¹¹⁰ МИБ, т. 4, ч. 2. М.—Л., 1956, док. № 372.

¹¹¹ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. 1. Уфа, 1957, стр. 115—117; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 249—250.

¹¹² См. напр., МИБ, т. 3. М.—Л., 1949, док. №№ 251, 255, 263 и др.

что у башкир «в каждом дворе живет ...обыкновенно по несколько семей»¹¹³, по-видимому, надо понимать так, что в XVIII в. большесемейные коллективы в башкирском обществе были довольно частым явлением.

У нас нет прямых указаний на то, что в случаях сохранения большой семьи после смерти отца ее возглавлял старший или другой более авторитетный из сыновей (братьев). Но в тех случаях, когда глава семьи (общины) жил «с братьями и с детьми и с племянниками», у нас не должно быть сомнений в «братской» структуре таких коллективов. Мог возглавлять такую семейную общину или старший брат, или любой другой из братьев, но превосходящий старшего какими-либо жизненно важными и признанными другими качествами. Иногда старший сын, вероятно, становился главой семьи и при жизни отца, если последний по старости и состоянию здоровья не мог заниматься делами семьи. В записи башкира Ногайской дороги Тангаурской волости Мукмина Токумбетова от 1719 г. говорится, что он живет в вотчине башкир Минской волости (очевидно, на условиях приуслуга) «с отцом своим и с братьями 3-мя дворами» и от имени их всех берет обязательство выехать в свою волость¹¹⁴. В другом документе, купчей башкира Ногайской дороги Табынской волости Юлдаша Арыкова от 16 ноября 1738 года, сообщается, что он продал подьячему Казанского уезда с. Елабуги Я. Г. Замятину своего 24-летнего брата Мултася (видимо, Мулдаша)¹¹⁵. Полагать, что продажа в холопство собственного брата вытекала из существа социальных отношений башкир первой половины XVIII в., нет достаточно веских оснований. Вероятно, определенное значение имела та конкретная историческая обстановка, которая сложилась в Башкирии в неспокойные 1735—1740 гг., когда в процессе подавления выступлений против активизации колониальной политики царизма значительное число башкир, особенно детей, было продано в рабство. «Покупателями» выступали в первую очередь представители правящих кругов русского общества, и, надо думать, явление это непосредственно было обусловлено крепостническим характером общественно-политического строя России. Однако и с учетом этого обстоятельства приведенный документ с определенной долей вероятности характеризует правовое положение и взаимоотношение взрослых братьев, живших одной семейной общиной. Можно допустить элемент добровольности со стороны младшего брата Мулдаша (в том, что это был младший брат, очевидно, можно не сомневаться, ибо продавший его Юлдаш едва ли мог быть моложе 24-х лет) идти в пожизненную кабалу ради спа-

¹¹³ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, изд. 2-е. Оренбург, 1887, стр. 92.

¹¹⁴ МИБ, т. 3, № 255.

¹¹⁵ Там же, № 470.

сения остальных членов семьи от голода — действительно, был голод и разруха; с большей вероятностью можно предположить нажим и принуждение со стороны купивших, но сам факт оформления купчей, претендующей на юридическую правомерность совершенной сделки, на имя брата, свидетельствует о том, что последний по нормам общественной жизни того времени имел определенные права на младшего брата. В любом случае всю прошлую историю семейно-бытовых отношений башкир нельзя представлять как сплошное господство малой индивидуальной семьи с миноратным порядком наследования.

Определенный свет на историю семейно-бытовых отношений, в том числе и института минората, проливают народные сказки. Героем многих башкирских сказок является младший из трех (иногда из семи) братьев, который терпит немало обид и страданий со стороны коварных старших братьев, но в конечном счете, благодаря своему доброму нраву, смекалке и храбрости, выходит победителем, получает заслуженную подвигами знатную невесту, отчий дом или престол. Эти мотивы, характерные для сказочного эпоса многочисленного круга народов Старого Света ¹¹⁶, проникли также в сюжеты героического эпоса у башкир. Обличение старших братьев в сказках этого цикла проводится с такой силой художественно-поэтического убеждения и социально-бытовой конкретностью, что не оставляют сомнения в существовании в прошлом такого общественного порядка, когда младшие братья могли оказаться в социально униженном или даже обездоленном положении. Таким порядком могло быть **преобладание** патриархальной (или братской) семейной общины с ее предпочтительным отношением к старшему сыну ¹¹⁷.

И у народов Сибири — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских — всюду отмеченные в начале статьи случаи миноратного наследования связаны с выделом старших сыновей в самостоятельные хозяйства, следовательно, сопутствуют малой семье. То же самое можно говорить об угрофинских народах Урало-Поволжья, хотя у них мы встречаем еще в недавнем прошлом также больше семейные коллективы с отступлением от миноратного порядка наследования.

Выше отмечалось, что относительно народов Кавказа едва ли можно говорить о твердо сложившемся минорате, хотя младший сын при разделе отцовского имущества наряду со старшим получал определенную надбавку к средней доле наследства. Современные исследователи указывают, что эта добавочная доля давалась обычно лишь в тех случаях, когда младший брат

¹¹⁶ Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 64—160.

¹¹⁷ Вопрос об отражении в сказочном эпосе башкир минората и майората более подробно рассмотрен в нашей статье «Отражение минората и майората в башкирских народных сказках». См. «Фольклор народов РСФСР», вып. 1. Уфа, 1974, стр. 52—62.

был неженатым, для покрытия расходов на устройство свадьбы¹¹⁸. Такой характер семейно-имущественных отношений, на наш взгляд, хорошо согласуется с той выдающейся ролью большой семьи, которую она играла в сравнительно недавнем прошлом в жизни народов этого многонационального региона¹¹⁹. Соответственно более определенно и четко выражено преимущественное положение старшего сына. Некоторые исследователи отрицают наличие здесь майората, мотивируя это тем, что получаемая старшим братом добавочная доля была не обязательной, хотя вполне оправданной его заслугами и на деле никем не оспаривалась¹²⁰. Как видно, привилегия эта все же носила более устойчивый характер. Но для нас важнее, пожалуй, то обстоятельство, что старший пользовался преимущественным положением перед младшим и при сохранении семейной общины: он мог возглавить семейный коллектив после смерти отца, иногда даже при его жизни, если не помешают дяди. Правда, и в этой сфере обычай не был категоричным в его пользу, он допускал (и теоретически и практически) возможность выдвижения и младшего сына в силу его личных качеств, но все же права старшего ставились выше¹²¹.

Таким образом, мы имели возможность проследить на примере восточных славян, народов Сибири, Средней Азии, Казахстана, Приуралья и Кавказа — связь минората и майората с различными типами семьи и семейно-имущественных отношений. Всюду минорат был связан с наличием или преобладанием индивидуальной малой семьи, распадом и окончательным упадком патриархальной семьи. И наоборот, майорат в его «патриархальной» форме, по терминологии Е. М. Мелетинского, то есть в виде преимущественного, а не исключительного права старшего сына, оказался обусловленным традициями большой семьи, главным образом, ее позднейшей формы — отцовской. Мы не знаем ни одного случая, чтобы преобладал миноратный порядок правовых отношений в рамках большой семьи или чтобы такая система отношений предшествовала периоду сложения большесемейной общины. Как видно, конкретный исторический материал отвергает тезис Дж. Фрезера и Е. М. Мелетинского о большей архаичности минората и последовавшей чуть ли не повсюду смене его майоратом.

¹¹⁸ В. Д. Итонишвили. Указ. соч., стр. 130—131; Л. В. Пашаева. Указ. соч., стр. 97—99.

¹¹⁹ М. О. Косвен. 1) Исследования и материалы по исторической этнографии и истории Кавказа. М., 1961; 2) Семейная община и патронимия; Ш. Инал-Ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазцев. Сухуми, 1954; Э. Т. Карапетян. Армянская семейная община. Ереван, 1958; Р. Л. Харадзе. Грузинская семейная община, ч. 1—2. Тбилиси, 1960—1961; М. Студенецкая. О большой семье у кабардинцев в XIX в. — «Советская этнография», 1950, № 2 и др.

¹²⁰ В. Д. Итонишвили. Указ. соч., стр. 130.

¹²¹ Там же, стр. 123, 126.

Длительное сосуществование минората и майората, очевидно, надо объяснить чрезвычайной устойчивостью патриархальных традиций и исключительной длительностью того периода, когда происходила постепенная смена двух типов семьи, существовавших параллельно на протяжении всего этого периода. Относительно Средней Азии и Казахстана о хронологических рамках этого периода уже говорилось выше. Что касается восточных славян, мы имеем свидетельство пространной «Русской Правды» о существовании миноратного порядка наследования отцовского дома на Руси в XII в. С тех пор минорат дожил до нашего времени (до конца XIX в.) и весь этот промежуток можно рассматривать как период параллельного существования большой и малой семьи, обусловившего одновременное бытование обоих порядков преимущественного наследования. О существовании обычая минората у восточных славян в более раннюю эпоху прямых сведений не имеется. В древнейшей (краткой) «Русской Правде» вообще нет статей о порядке наследования. Но исходя из порядка перечисления в Правде Ярослава лиц, кому следует совершить кровную месть за убитого родственника, еще в XIX в. исследователи установили следующую иерархию родственников по степени близости родства в представлениях того времени: 1) братья умершего; 2) сыновья; 3) отец; 4) племянники от братьев; 5) сестры и племянники от сестер¹²². На первое место ставит братьев также Устав Владимира о церковных судах¹²³, на второе место — детей, когда говорит о лицах, тяжущихся о наследстве. Полагая, что в пространную «Правду» статья о переходе отцовского дома младшему сыну была включена не по случайным обстоятельствам или по прихоти кого-либо из составителей, а как закономерный результат широкого функционирования такого обычая среди народа, можно утверждать, что минорат был известен восточным славянам еще в эпоху, предшествующую «Русской Правде».

Для выяснения вопроса о времени возникновения минората в Восточной Европе важное значение имеет материал скифской археологии. Исследуя грунтовой могильник в некрополе Неаполя Скифского в Крыму (анализируя обряд захоронения и численность костяков с учетом возраста погребенных), Д. С. Раевский приходит к выводу, что в позднескифском обществе во II в. до н. э. — III в. н. э. основную форму семьи составляла уже не патриархальная семейная община, а неразделенная семья, параллельно с которой существовала малая семья¹²⁴. Численность членов семьи, по выкладкам Д. С. Раевского, получается очень

¹²² В. Никольский. Указ. соч., стр. 245; К. А. Неволин. ПСС, т. 5, стр. 334—336; В. И. Сергеевич. Указ. соч., стр. 558.

¹²³ В. Никольский. Указ. соч., стр. 244, 247.

¹²⁴ Д. С. Раевский. Позднескифская семья по археологическим данным. — «Сов. этнография», 1971, № 2, стр. 60—68. В изложении выводов сохранена терминология автора статьи.

небольшая, так что можно допустить, что преобладающей ячейкой общества была все же малая семья. Приведенные нами выше «этногонические» легенды скифов он рассматривает как отражение того порядка, когда старшие сыновья выделялись в самостоятельные хозяйства при родителях, а дом, усадьба отца, семейный склеп доставались младшему сыну.

Разложение большой семейной общины у скифов-кочевников некоторые археологи относят к более раннему периоду. «Если и можно говорить о существовании у скифов-кочевников времени Геродота патриархальной семьи, — пишет Д. Б. Шелов, — то уже в стадии разложения. Но нет никаких определенных свидетельств о существовании этой формы семьи. Позднее уже у скифов, безусловно, господствовала малая семья с собственным хозяйством»¹²⁵. Подтверждение своим выводам он видит в некоторых археологических данных — в небольших размерах жилищ, которые делают их непригодными для большесемейных общин, в развитии собственности и т. д. Видимо, с приведенными мнениями в основном надо согласиться, хотя дальнейшее изучение семейно-бытового уклада и имущественных отношений кочевников как по археологическим, так и этнографическим материалам может внести еще некоторые коррективы.

Несколько слов о мотивах «введения» минората. Некоторые авторы в возникновении и существовании минората по существу усматривали акт сознательного волеизъявления общества. Известный субъективизм проявили историки русского права В. Никольский, И. Г. Оршанский, отчасти М. М. Ковалевский, объясняя приверженность тех или иных обществ к минорату стремлением по справедливости поступить с младшим в семье мужчиной («как более слабым и часто невозрастным, более других нуждающимся в помощи родных», или продолжительнее, чем старшие сыновья, участвовавшим в общественном труде и т. д.)¹²⁶. Несколько иную идейно-этическую подоплеку в минорате видит Е. М. Мелетинский. Свой «правовой» минорат (об «арханческом» минорате мы уже не ведем речи) он рассматривает как реакцию на майорат, как средство, которое должно было, по представлениям людей, предотвратить или затормозить распад патриархальной семейной общины, этой «последней формы родового коллективизма». И соответственно младший сын выступает в его концепции как «защитник и хранитель общинной собственности», «и вообще хранитель патриархальной родовой традиции»¹²⁷. Выше на многочисленных примерах мы постарались показать, что минорат имеет место только в том случае, когда налицо распад

¹²⁵ Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 69.

¹²⁶ В. Никольский. Указ. соч., стр. 346; И. Г. Оршанский. Указ. соч., стр. 84; М. Ковалевский. 1) Современный обычай и древний закон, стр. 333, 335; 2) Очерк происхождения и развития семьи и собственности, стр. 120—122.

¹²⁷ Е. М. Мелетинский. Указ. соч., стр. 106.

большой семьи и младший сын становится полновластным хозяином только в малой, индивидуальной семье.

Большой интерес в этом плане представляют материалы комиссии по преобразованию волостных судов России, относящиеся к 60—70-м годам XIX века. Они наглядно демонстрируют положение младшего сына в большой семье даже с «братской» структурой и проливают свет на вопрос о том, каково могло быть его истинное отношение к патриархальным традициям. В одном из дел младший брат жалуется на старшего, что тот, будучи «старшим членом в семействе», отказывает младшему «в одежде, обуви и пропитании». Волостной суд, руководствовавшийся в подобных вопросах в первую очередь нормами обычного права, постановил, чтобы старший брат обходился с младшим благосклонно и не отказывал ему в самом необходимом, а младшему повелел «не ослушаться законных требований старшего брата и помогать ему в домашних и полевых работах»¹²⁸. Из других решений видно, что старший брат («больший») мог «договорить младшего в работники и получать вместо него наемную плату». Бывали случаи, когда по жалобе старшего брата младший «за нерадение по хозяйству и недоставление в дом денег за время отлучек на промысел» подвергался наказанию «с воспрещением отлучек без дозволения старшего брата»¹²⁹. М. М. Ковалевский отмечал, что «некоторые крестьяне открыто признают, что они стремятся сбросить с себя узы семейно-общинного быта для того, чтобы иметь свой собственный очаг и быть собственными господами»¹³⁰. И. Г. Оршанский горячо призывал власти не препятствовать разделам семей. Большие семьи, — писал он, — это произвол большака, деспотия над младшими, снохачество и т. д.¹³¹.

Выходит, что малая семья, хотя и частнособственническая, была спасением, а не злом, и не только для младшего сына (брата), но и для других членов большой семьи, находившихся в подчиненном положении, особенно для женщин. Она была прогрессом в сравнении с патриархальной семьей и в XII в., когда возникла «Правда Русская» в ее пространной редакции, и в XIX в., когда патриархальные традиции в крестьянском быту доживали последние дни. Минорат мог ассоциироваться только с нею, а не с «общинной» или «родовой собственностью».

Однако, видимо, мы должны сделать оговорку — хотя минорат неразрывно связан своим происхождением и длительным существованием с индивидуальной малой семьей, последняя не всегда и не везде ведет к минорату. Дело в том, что малая се-

¹²⁸ В. Ф. Мухин. Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношениях народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб., 1888, стр. 44—45.

¹²⁹ Там же, стр. 45.

¹³⁰ М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, стр. 41.

¹³¹ И. Г. Оршанский. Указ. соч., стр. 88—91.

мья сама по себе допускает существование и других порядков наследования. В частности, она знает и майоратный принцип, особенно на ранних стадиях своего существования или в тех случаях, когда существовавшие параллельно традиции патриархальной (отцовской) семьи, в силу определенных условий обладали особой устойчивостью. Видимо, этим мы должны объяснить бытование майората в России, Индии, Китае, Индонезии и Полинезии. Малая семья знала и знает наследование всех сыновей (или даже детей обоого пола) на равных началах, она знает наследование по завещанию, когда судьба накопленного тем или иным собственником имущества почти всецело зависела от его воли и т. д. Малая семья одинаково уживалась с миноратом и майоратом в их исключительной форме, когда безраздельное право старшего или младшего из сыновей лишало всех остальных детей права на наследство отца. Но это позднейшие формы рассматриваемых социальных институтов, обусловленные развитыми феодальными отношениями, системой вассальной и феодально-крепостнической зависимости и стремлением сохранить целостность наделов, защитить их от дробления.

В установлении одного из этих порядков наследования в их исключительной форме, по-видимому, играли значение два фактора — социальный и конкретно-исторический. Господствующие классы феодальной Европы, как отмечал М. Ковалевский, оказались приверженцами института майората. Этот принцип был им ближе, понятнее, привычнее, он казался им более естественным и логичным, так как в сфере социально-политической (в наследовании власти, общественной должности) почти всюду и всегда преобладал принцип старшинства. Да и в семейной жизни дворянства долгие и прочнее держались традиции патриархального общества: это можно проследить и в структуре семьи, и в брачных отношениях и т. д.

Минорат, напротив, почти никогда и нигде не был связан с порядком наследования политической власти, должности. Его популярность для феодально зависимого населения, особенно для крестьянства, обуславливалась тем, что он был для них обычным, наиболее распространенным и потому справедливым порядком наследования в условиях существования малой семьи. Вполне естественно, что укрепление малой семьи в эпоху развитого феодализма в ряде мест, там, где возникла идея безраздельности хозяйства (участка, надела), привело к минорату в его исключительной форме. И на этот раз немалую роль сыграла сила традиции, общественной инерции.

СИБИРСКИЕ ТАЕЖНЫЕ ЧЕРТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ И ХОЗЯЙСТВЕ БАШКИР

Научная разработка вопроса об историко-культурных связях башкир с аборигенным населением Сибири на этнографическом материале была начата в первые десятилетия XX в. С. И. Руденко, автором двухтомного монографического исследования «Башкиры». В хозяйстве и быту башкир он обнаружил элементы сходства с культурой населения Приобья и Северного Алтая¹. В частности, он указал на близость некоторых приемов охоты и отдельных видов жилищ, на общие черты в манере вышивки головных уборов и т. д. Слабая изученность этнографии народов Сибири, особенно таежной полосы, не позволила С. И. Руденко исследовать этот вопрос во всей полноте.

В последние годы, изучая этническую историю, различные аспекты материальной и духовной культуры башкир, этнографы в отыскании параллелей все чаще обращаются к Сибири, причем не только к западным, но и к более отдаленным ее областям — Саянам и Алтаю². В декоративном искусстве и народной одежде выделены целые комплексы элементов, составившие сибирский слой, как полагают исследователи, хронологически наи-

¹ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. Л., 1925, стр. 26, 234, 297; издание 2-е: Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 95, 250, 343.

² С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX—начала XX в.)—АЭБ, т. 1, Уфа, 1962; Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир (общая характеристика)—АЭБ, т. 2. Уфа, 1964; его же. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник.—АЭБ, т. 4. Уфа, 1971; Р. Г. Кузеев. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью (по данным шежере, исторических преданий и легенд).—Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и

более древний³. Тщательное изучение башкирского материала в его связи с сибирским вскрывает внушительный пласт, пронизывающий почти все стороны жизнедеятельности народа и затрагивающий не только материальный быт, но и духовный мир.

Настоящая работа посвящена выявлению в традиционной культуре башкир таежных (нескотоводческих) черт, сибирских по происхождению*. В ней проводится историко-сопоставительный анализ отраслей хозяйства, характерных для таежной полосы: охоты, рыболовства и связанных с ними орудий труда, а также техники сбора дикорастущих трав и особенностей их употребления в пищу. В сферу исследования включены народный костюм, отдельные типы жилища и детали интерьера. Все это дает возможность представить сибирский комплекс в культуре башкир с возможной для настоящего времени полнотой.

Одна из задач статьи — определение границ распространения сибирских элементов на территории, заселенной башкирами, выявление характерности их для тех или иных родовых групп. Установление аналогичных явлений за пределами Южного Урала явится отправным пунктом при исследовании сложной проблемы появления сибирских черт в башкирской культуре.

литературы АН СССР за 1965 год. Уфа, 1966; его же. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования. — АЭБ, т. 3. Уфа, 1968; С. Н. Шитова. Формирование и развитие башкирского народного костюма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук и др.

³ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. раб., стр. 235 и далее; С. Н. Шитова. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. — АЭБ, т. 4, стр. 175—177.

* Называя сибирскими те или иные черты, в большинстве случаев мы основываемся на выводах исследователей по Сибири, признающих их типичность для этой территории. Это не исключает их бытование в лесной Европе (у коми, саамов, иногда — удмуртов и марийцев): древние явления культуры в течение тысячелетий могли распространиться, независимо от этнических границ, особенно в сходных природно-географических условиях. В этнографических работах по северу Восточной Европы и Приуралья в ряде моментов отмечается сходство в культуре с народами Сибири и допускается ответственность через культурные или этнические контакты (Т. В. Лукьянченко. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX вв. М., 1971; Т. А. Крюкова. Этнографические параллели в одежде финноугров Поволжья и Сибири. — «Вопросы финноугроведения», вып. 5, Йошкар-Ола, 1970 и др.). Влияние сибирских культур на население Европы все чаще подтверждается археологическими материалами (В. Ф. Геллинг, Н. И. Сицова. О западносибирском компоненте в сложении анапынской этнической общности. — «Ученые записки Пермского гос. университета» им. А. М. Горького», № 148. Пермь, 1967; Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. — АЭБ, т. 1; Т. Н. Троицкая. К вопросу о взаимосвязях населения Новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа. — АЭБ, т. 4; В. А. Могильников. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. — там же; В. И. Мошинская. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (к вопросу о древних контактах в уральской среде) — «Проблемы археологии и древней истории угров». М., 1972 и др.).

При написании статьи использованы материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР 1958—1972 гг. *, сведения из монографии С. И. Руденко, этнографическая и археологическая литература по народам Сибири, Приуралья, Поволжья и Европейского Севера.

Традиционный костюм. Украшения

Народный костюм воплощает не только материальный, но, в известной мере, и духовный мир людей. Разнородные культурные напластования редко оказываются в нем случайными. Однажды принятое, творчески переработанное, приспособленное к привычному быту закрепляется в народной одежде на многие века.

Элементы башкирского традиционного костюма, общие с сибирскими, проявляются в верхней одежде, головных уборах, украшениях, обуви. Граница их распространения, за небольшим исключением, совпадает с территорией юго-восточного костюмного комплекса, то есть охватывает горные районы Южного Урала до верховьев р. Белой и бассейна р. Инзер, Южное Зауралье и прилегающие районы Оренбургской области⁴. Для этого комплекса характерна украшенная вышивкой и аппликацией женская распашная одежда *елән*, нагрудник *селтәр* с кораллами и серебром, коралловый убор *кашмау* **. Представляют интерес косные украшения этих мест — снизки из бус *сәсмау* и затылочное украшение *елкәлек* (*елкәмес*).

Юго-восточная верхняя одежда (*елән*), в отличие от приталенной одежды населения других районов Башкирии, была прямоспинной. В далеком прошлом эти два принципиально различные способа кроя оказались связаны с этнически разными мирами. Н. Ф. Прыткова, исследовавшая одежду народов Сибири, пишет, что прямоспинный туникообразный с боковыми клиньями покрой верхней одежды был характерен для самодийских народов (хантов, манси, ненцев), некоторых тюркских народов Западной Сибири (например, томских татар), а также населения Северного Алтая (северных алтайцев, кумандинцев, шорцев), в этногенезе которого значительную роль сыграли древние угроязычные племена⁵. В Европе туникообразный расклешенный покрой сохранила старинная верхняя одежда не только башкир,

* Дневники этнографических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР хранятся в архиве сектора археологии и этнографии. Рисунки к статье выполнены художником В. М. Шутовой.

⁴ С. Н. Шитова. Башкирские костюмные комплексы и районы их распространения. — «Итоговая сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965», стр. 80—82.

** Головной убор *кашмау* носили также в бассейне р. Демы.

⁵ Н. Ф. Прыткова. Типы верхней одежды народов Сибири. — «Краткие сообщения ИЭ», вып. 15. М., 1952, стр. 21; «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 237.

но и татар, кряшен, чуваш⁶. Границы распространения распашной туникообразной одежды можно было бы несколько раздвинуть на запад и север от территории расселения поволжских тюрков и назвать в числе ее обладателей также южных великоруссов, мордву-терюхан и эрзю, левобережных мари и южных удмуртов⁷. Однако все перечисленные этнические группы славян и финнов в те или иные периоды истории находились под влиянием продвинувшихся из Азии тюркоязычных кочевников. К тому же верхняя туникообразная одежда финнов и южных русских заметно отличалась от распашной одежды тюрков цветом (она была белой) и манерой украшения; переняв покрой, эти группы сохранили в одежде черты, близкие их эстетическим воззрениям.

Юго-восточный башкирский *елэн* среди одежды остальных башкир выделялся своеобразным декоративным оформлением. С ним было связано искусство вышивки с использованием кораллов, бисера и перламутра. Главными орнаментальными мотивами являлись солнечный диск и звезды. Солнце изображалось концентрическими кругами с густо отходящими разноцветными лучами. В середине нашивался кружок из цветного сукна, а поверх него — перламутровая пластинка или пуговица. Иногда на праздничных халатах солярные круги и звездочки выполнялись кораллами. Фигуры из кораллов органически вплетались в орнамент вышивки, делая его более сочным и выразительным. Красочность одежде придавали многорядные полосы красного, желтого, зеленого и синего сукна и позумента, обрамлявшие полы халата и края рукавов. Узор из звезд и солнечных дисков располагался вдоль обшивки. Спинку по талии украшали так называемые «ложные карманы» — прямоугольные нашивки из цветного сукна и позумента с бахромой.

За пределами Башкирии женская одежда, полностью сходная с описанной, не встречается. Очевидно, традиции ее художественного оформления сложились в узкой этнической среде. И все же в характере орнамента, в использовании определенных технических и художественных приемов обнаруживается влияние древних культур, оставивших след в декоративном искусстве многих народов азиатской части СССР.

При ознакомлении с одеждой народов Сибири обращает на себя внимание цветное обрамление бортов и подола на верхней одежде эвенков, эвенов, долган и кетов⁸. Вдоль цветных нашив-

⁶ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 130; Н. И. Воробьев: Происхождение казанских татар по данным этнографии. — «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 79; об этом есть сведения также в книге В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу. — «Труды ИЭ», т. 10. М., 1951, стр. 49.

⁷ В. Н. Белицер. Указ. соч., стр. 49.

⁸ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 249, 250, 251, 254, 259, 267—269.

вок на одежде этих народов, как и у башкир, пришивался крупный бисер, оловянные и перламутровые кружки, металлические подвески. Для эвенов характерны нашивки типа «ложных карманов»⁹. В то время как у башкир этот вид украшения плохо согласуется с покроем, у тунгусов он органически связан с конструкцией одежды: цветные прямоугольники с бахромой венчают расширяющие подол клинообразные вставки. Бахрома — один из распространенных приемов украшения одежды у народов Сибири и, в первую очередь, у тунгусов.

История украшения одежды узорами в виде розеток, изображающих солнце и звезды, уводит исследователей в древние культуры Сибири. Согласно выводам С. В. Иванова¹⁰, посвятившего многие годы изучению сибирского орнамента, солярные узоры нанесли на бытовые вещи и оружие с конца неолитической эпохи. Позднее — в бронзовом, а затем в железном веке — изображение солнца и звезд прочно утвердилось в искусстве населения всей обширной территории Сибири*. Едва ли найдется хоть один сибирский народ, который не применял бы в прошлом солярного орнамента. Особенно богато этими мотивами декоративное искусство долган¹¹. До последнего времени сохранилась определенная территориальная закономерность в способах выполнения солярного орнамента: в Западной Сибири (у угров, селькупов, энцев, кетов) концентрические круги и розетки с зубчиками нанесли, главным образом, на поверхность твердых предметов — из кости, дерева; в восточных же областях (у эвенов, эвенков, долган и северо-восточных народов Азии) они стали главными элементами вышивки. Солярные, вписанные один в другой круги выполнялись цветными нитками и бисером на верхней одежде, поясах, головных уборах, сумках, ковриках¹². Традиции этого приема украшения одежды С. В. Иванов склонен объяснить влиянием палеоазиатского населения Восточной Сибири, которое было вытеснено и частично ассимилировано продвинувшимися с юга тунгусскими племенами. В то же время он допускает, что тунгусы, восприняв индоевропейские традиции, могли, в свою очередь, распространить обычай, связанный, как и вышивка, с культом солнца — украшать одежду металлическими бляхами и круглыми серебряными и перламутровыми пластинами¹³. При этом С. В. Иванов опирается на мнение А. П. Окладникова, рассматривавшего глазков-

⁹ Г. М. Василевич. Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения). — «Сборник музея антропологии и этнографии», т. 18. М., 1958, стр. 149, 151 и др.

¹⁰ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, стр. 274, 467.

* Солярный орнамент, хотя и в несколько иной трактовке, широко применялся и за пределами Сибири — во всех частях света, исключая Австралию.

¹¹ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 274.

¹² Там же, стр. 280, 287, 294 и далее.

¹³ Там же, стр. 281, 289—290.

скую культуру Прибайкалья (XVIII—XIII вв. до н. э.) как историческую почву для развития изобразительного творчества более позднего населения лесной зоны Сибири, в том числе и тунгусов. Именно в глазковское время раковки распространились в Прибайкалье плоские диски, кольца и кружки из раковин для украшения костюма. А. П. Окладников считает, что эти диски и кольца послужили прототипом поздних металлических блях, в частности, серебряных круглых пластин, нашивавшихся на одежду и головные уборы эвенков в XVII—XIX вв. ¹⁴.

Декоративные традиции древнего населения Южной Сибири нашли отражение и в одежде тувинцев, хакасов, отчасти алтайцев, хотя костюм этих народов (в первую очередь, верхняя одежда) испытал большое влияние со стороны центральноазиатских монголоязычных народов. В источниках конца XIX в. по Южной Сибири есть сведения о широком использовании хакасами Минусинского округа для нашивок на распашную верхнюю одежду перламутровых пуговиц и кораллов; их располагали рядами вдоль пол, ими выкладывали узоры ¹⁵. Перламутровые пуговицы, хотя и в умеренном количестве, нашивали на одежду и алтайцы ¹⁶.

Юго-восточные башкиры в манере украшения женской одежды, подобно тунгусам, умело соединили древние южносибирские традиции с палеоазиатскими, применив, наряду с нашивками перламутровых пластин и кораллов, полихромную солярную вышивку.

Согласно юго-восточным традициям, *елэн* не имел застежек и носился нараспашку. Под него надевали длинный нагрудник *селтэр*, представлявший собой покрытую красной тканью суконную основу, сплошь зашитую кораллами и серебром. На верхней части нагрудника с помощью густо расположенных коралловых нитей выкладывали узоры в виде кругов, дуг, треугольников, ромбов. Раковинами, крупными кораллами и бусинами обрамлялся верхний край в форме полукружья (*яка* — «ворот»). На груди поверх кораллов располагались 2—3 крупные подвески из серебряных блях. Нижняя часть нагрудника покрывалась густой коралловой сеткой и заканчивалась бахромой; от верхней части она была отделена несколькими горизонтальными рядами монет. Удерживался нагрудник с помощью пояса и широких лямок, застегивавшихся на шее.

Юго-восточный *селтэр* конструктивно сходен с западноэвенкийскими ровдужными нагрудниками. Верхняя часть эвенкий-

¹⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3 (Глазковское время). — МИА, № 43. М.—Л., 1955, стр. 157, 299.

¹⁵ А. А. Кузнецова. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. — «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)». Красноярск, 1898, стр. 176—177.

¹⁶ Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. — «Сборник МАЭ», т. 13. М.—Л., 1951, стр. 31.

ского украшения, называвшаяся «дяка»*, состояла из плотно нашитых на основу бисера, оловянных кружков, квадратиков и ромбов; середина нагрудника представляла собой полоску, зашитую горизонтальными рядами бусин, бисера и металлических пластин; нижняя часть украшалась бисером и заканчивалась бахромой, подвесками из монет и бубенчиков. Придерживался нагрудник с помощью шейных лямок и пояса¹⁷. Совпадение формы, манеры нашивки украшений в башкирских и эвенкийских нагрудниках вряд ли может оказаться случайным.

Нагрудник являлся составной частью костюма населения Сибири с глубокой древности. В результате раскопок А. П. Окладникова на Ангаре удалось реконструировать костюм энеолитического времени. В состав костюма входил и большой нагрудник, расшитый круглыми бусинами и раковинами, унизанный кольцами и кружками из камня¹⁸. Женский и детский нагрудники были обнаружены в курганах скифского времени на Алтае¹⁹. Г. М. Василевич отмечает существование в XVIII—XIX вв. нагрудников у многих народов Сибири: в одних случаях они были частью женского костюма (у эвенков, энцев, нганасан, орочей), в других — сохранились в качестве шаманского одеяния (у долган, кетов, юкагиров, тюркского населения Минусинского края, южных алтайцев)²⁰. Большие нагрудники, ставшие необходимым дополнением распашной одежды, появившись на сибирской основе, вошли в культуру ряда народов и получили у них дальнейшее развитие. Доказательством древности башкирских нагрудников может служить единство формы этих украшений на обширной территории юго-востока Башкирии. Многочисленные же варианты коралловых узоров на них являются следствием развития декоративных традиций в течение последнего тысячелетия.

Сибирское влияние заметно в форме башкирского *кашмау* — головного убора в виде плотного шлема с отверстием на макушке, со спускающейся по спине полосой ткани. Весь убор богато украшен кораллами, серебряными монетами, ажурными подвесками; наспинная часть (*койрок*, *олон*) вышита бисером, бусинами, раковинами-ужовками и заканчивается бахромой. *Кашмау* обнаруживает близость с *кашпау* мишарей и кряшен,

* Термин «дяка», «яка» в значении «ворот», «воротник» существовал у многих тюркских и тунгусских народов Сибири. Сводка терминов приводится в указанной работе Г. М. Василевич.

¹⁷ Г. М. Василевич. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. — «Сборник МАЭ», т. 11. М.—Л., 1949, стр. 46.

¹⁸ А. П. Окладников. Неолитические находки в низовьях Ангары. — «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 183; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3. (Глазковское время), стр. 143.

¹⁹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 102—103.

²⁰ Г. М. Василевич. Указ. соч., стр. 50.

хошпу чуваш-анатри *, *кашпу* бесермян²¹. Более глубокие аналогии приводят нас в Сибирь, примерно в ту этническую среду, с которой связаны описанный нагрудник и вышитая верхняя одежда. Мягкие уборы в форме плотно охватывающего голову чепца, генетически, возможно, восходящего к головной повязке **, до последнего времени сохранялись в Восточной Сибири у эвенов, части эвенков, юкагиров, чукчей²². Это был летний женский убор, украшенный рядами бисера по краю и вокруг отверстия на затылке. Путешественники XVIII и начала XIX в. наблюдали, как в отверстие головного убора тунгусские женщины пропускали туго заплетенные и обмотанные ремешками волосы²³. Следовательно, отверстие башкирского убора в прошлом могло иметь определенное значение, со временем забытое в тюркском мусульманском мире, где утвердился обычай прятать косы в специально изобретенный для этой цели чехол; последним обстоятельством, возможно, и объясняется появление у башкирского *кашмау* узкой наспинной ленты. Обращает на себя внимание несколько иной, чем у шлема, стиль декоративного оформления этой части убора. На наспинную полосу нашивали бисер, бусины, раковины-каури (но не кораллы), располагали их свободными рядами, оставляя фон; здесь допускалось разнообразие орнаментальных мотивов и богатейших цветовых сочетаний, причем фон выступал активным компонентом цветовой композиции. Основа же шапочки была полностью скрыта под коралловыми и серебряными нашивками; живописно свисающие коралловые низки и покрытые чеканным узором серебряные бляхи на верхней части убора несли главную художественную нагрузку. Видимо, традиции украшения шапочки-шлема и наспинной ленты родились в разных условиях, не в одно и то же время.

Существование убора типа *кашмау* у южных чуваш, бесермян и части татар не является доказательством его приурального (или поволжского) происхождения, а указывает лишь на то, что на ранних этапах истории названные этнические общнос-

* Древний *хошпу* чувашей, сохранившийся в фондах МАЭ, как и *кашмау* башкир, имеет отверстие на макушке. Он описан в кн.: Т. А. Крюкова. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья. — «Сборник МАЭ», вып. 12. М.—Л., 1949, стр. 156.

²¹ Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972, стр. 108—110; Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Этнографическое исследование, ч. I. Материальная культура. Чебоксары, 1956, стр. 307 (рис. 144); В. Н. Белицер. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды). — «Труды ИЭ», т. 2. М., 1947, стр. 192.

** Название этого убора в Поволжье *кашмау*, *кашпу*, *кашбау* трактуется как «надбровная повязка».

²² «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 332, 336, 345, 351 и др.

²³ Сведения об этом имеются в работах: Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки. Л., 1969, стр. 134—135; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 332.

ти и юго-восточные башкиры могли иметь тесные культурные или этнические связи.

Во многих юго-восточных районах Башкирии в качестве девичьих украшений были приняты косные подвески из бус — *сасмау*. Косник зауральских бурзян состоял из семи низок разноцветных бус, прикрепленных к кожаному треугольнику; от треугольника отходила влетаемая в косы шерстяная тесьма. Нити с бусами на одинаковом расстоянии скреплялись металлическими пластинками и заканчивались кистями. Пластинками косник делился на пять частей; это деление подчеркивалось бусинами разного цвета.

Обычай украшать волосы кораллами и бусами существовал также у народов южной Сибири: алтайцев, шорцев, хакасов²⁴. Наиболее близок башкирскому косник девушек-алтаек, который они начинали влетать в волосы с достижением брачного возраста. Как описывает Л. П. Потапов, косник состоял из нескольких нитей с бусами, на определенном расстоянии скрепленных пятью полосками плотной ткани; внизу к нему прикреплялись разноцветные кисти²⁵.

Косник с бусами и кистями относится, видимо, к древнейшим украшениям на территории Сибири. В конце XIX в. он существовал в costume тюркоязычных народов Алтая и хантов²⁶. Очень рано такие украшения для волос проникли из Сибири в Европу — в Приуралье и Поволжье*. До нашего времени они сохранились здесь у удмуртов на территории Татарской АССР и у некоторых групп чувашей²⁷. Однако только косник юго-восточных башкирок обнаруживает непосредственное сходство с украшениями Южной Сибири.

Иногда вместе с косниками из бус башкирские девушки носили затылочное украшение *елкалек* или *елкамес*. Это была кожа, обтянутая красной тканью, зашитая кораллами, бусинами, монетами. Наиболее распространенной была полуовальная форма, но встречались также украшения треугольные и прямоугольные. *Елкалек* удерживался у основания кос с помощью шнуров, влетаемых в волосы.

Сравнительно немногочисленные аналогии этому украшению встречаются за пределами Башкирии у тех же народов, которые

²⁴ Л. П. Потапов. Одежда алтайцев, стр. 31, 44—45; А. А. Кузнецова. Указ. соч., стр. 172—173.

²⁵ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 31 (рисунок).

²⁶ Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов. — «Сборник МАЭ», т. 15. Л., 1953, стр. 207.

* Косник из бус найден в Армянском древнемордовском могильнике V—VI в., обнаруживающем в культуре большое влияние со стороны кочевников. — А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, 1952, стр. 57, 59.

²⁷ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 73; Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваш, ч. 1, стр. 316.

названы в связи с описанным косником из бус. В Поволжье затылочное украшение отмечено у удмуртов. В. Н. Белицер описывает его как небольшой треугольник из бересты, обернутый тканью. «Лицевая сторона его покрыта мелкими серебряными конейками; на оборотной стороне пришита петля из шнура для прикрепления к косе около затылка»²⁸.

Затылочные украшения имели широкое распространение в Западной и Южной Сибири. В прошлом столетии у хакасов существовала прямоугольная кожаная или картонная пластинка, обшитая тканью и украшенная кораллами, бисером, пуговицами. К ее нижнему краю пришивались кисти из кораллов и бус, к верхнему — шнуры из конского волоса для вплетения в косы²⁹. В поздних археологических памятниках на территории Западной Тувы (XVIII — начало XIX в.) найдена овальная перламутровая пластинка, в которой тувинцы старшего поколения признали существовавшее у них в старину украшение, прикреплявшееся на затылке между косами девушкой-невестой³⁰. О том, что затылочные украшения в Сибири — древний элемент культуры, говорит существование их не только у тюркских, но и у угорских, и даже самодийских народов. У ненцев это был прямоугольник из кожи или плотного сукна, украшенный медными кружками и бисером³¹. У хантов затылочное украшение имело не только прямоугольную, но и полуовальную форму³²; натянутое на кожу красное сукно, зашитое плотными полукружками бисера и несколькими пуговицами в центре, оно напоминало башкирский *елкәлек*, описанный С. И. Руденко³³.

Родство с культурами Сибири обнаруживают архаичные виды обуви, сохранившиеся, главным образом, в восточной Башкирии. У населения зауральских степей и некоторых районов горного Урала до последнего времени существовала обувь *сарык* с подошвой и головками из сыромятной кожи и длинными суконными голенищами, которые подвязывались шерстяными шнурками (*куңыс бау*).

Народы Поволжья, в том числе и тюркоязычные, такой обуви не знали. Некоторое сходство с башкирскими сарыками име-

²⁸ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов, стр. 73.

²⁹ К. М. Патчаков. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.). Абакан, 1958, стр. 78; А. А. Кузнецова. Указ. соч., стр. 172—173.

³⁰ В. П. Дьяконова. Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957—1958 гг.», т. 1. М.—Л., 1960, стр. 168.

³¹ Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, стр. 131; Народы Сибири. («Народы мира»). М.—Л., 1956, стр. 621.

³² Народы Сибири («Народы мира»), стр. 589; Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов, стр. 206; В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. — «Труды ИЭ», т. 5. М.—Л., 1947, стр. 27, 92 (примечания Г. Д. Вербова).

³³ С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 151 (рис. 135).

Р и с. 1. Обувь *сарык*.
Башкирский краеведческий
музей.

ли лишь сапоги с невысокими суконными голенищами у коми³⁴. В Сибири же эта обувь существовала на значительной территории. «Чарык» с верхом из сукна или холста характерны для Северного Алтая: их носили алтайцы, шорцы. Обувь с холщовыми голенищами была распространена среди хакасов (сагайцев, бельтиров) по р. Аскизу³⁵. Сапоги с суконным верхом встречались у хантов, кетов, селькупов³⁶. Для всех этих народов, как и для башкир, было обычным применение в обуви стельки из травы или соломы.

Г. М. Василевич, посвятившая обуви Сибири отдельную работу, считает, что обувь с мягкой подошвой и носком, входящим мысом в голенище, имела в далеком прошлом распространение у охотничьих племен Северной Азии, участвовавших в формировании тунгусских, угорских народов и некоторой части населения Саяно-Алтая³⁷. Одним из признаков обуви пеших охотников и рыболовов, по мнению Г. М. Василевич, является прямое

³⁴ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 254.

³⁵ Л. П. Потапов. Одежда алтайцев, стр. 23, 40; его же. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, стр. 33, 46; Народы Сибири («Народы мира»), стр. 509; А. А. Кузнецова. Указ. соч., стр. 159.

³⁶ Н. Ф. Прыткова. Одежда хантов, стр. 161; Е. А. Алексеенко. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967, стр. 143, 146; Г. И. Пелих. Происхождение селькупов. Томск, 1972, стр. 43.

³⁷ Г. М. Василевич. Типы обуви народов Сибири. — «Сборник МАЭ», т. 21. Л., 1963, стр. 57.

Рис. 2. Охотничья обувь *бышымлы кынйырак*. Северо-восточные районы БАССР.

голеннище, в то время как обувь древних коневодов отличалась косым срезом верхнего края, что было удобно при верховой езде. Описанные Г. М. Василевич особенности охотничьей обуви характерны для башкирских сарыков.

Исследователями Сибири высказано предположение, что сапоги с суконными и холщовыми голенищами появились в результате пришивания верха (или ноговиц) к низкой обуви, представлявшей собой шкурку или кусок кожи, собранные у щиколотки с помощью шнура³⁸. Такая обувь найдена в археологических памятниках на Алтае и в Восточном Казахстане³⁹. Прimitивная и древняя, она сохранилась у ряда народов до наших дней в основном в составе мужского промыслового костюма. Ее можно было встретить в XIX в. не только на территории Сибири — в бассейне Оби и в верхнем течении Енисея (у

³⁸ Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 146; Г. М. Василевич. Указ. соч., стр. 58.

³⁹ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 206; А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 121.

шорцев, телеутов, кумандинцев, хантов, манси, кетов)⁴⁰ — но и в Европейской части СССР, в частности у коми⁴¹. Подобного рода охотничья обувь из шкуры жеребенка была и у башкир — *бышымлы кынйырак*; ее невысокий холщовый верх собирался вокруг щиколотки на выдержку. По сравнению с *сарык*, она имела в Башкирии более северную территорию распространения; ее надевали в зимнее время охотники в бассейне р. Ай и на севере Челябинской области.

Тот факт, что два одновременные по происхождению, но генетически связанные вида обуви обнаруживаются не у одних и тех же групп башкир, может говорить о различных путях проникновения данных элементов культуры на территорию Южного Урала: через разнородные этнические объединения и, может быть, в отстоящие друг от друга исторические периоды.

Отмеченные особенности костюма характерны главным образом для башкир Южного Урала и Зауралья. Довольно компактно они сосредоточены и на сибирской территории, затрагивая Северный Алтай, некоторые группы тунгусских народов и население приобского бассейна.

Устройство жилища и очага

Этнографические источники XIX в. донесли до нас сведения о разнообразных типах башкирских построек — временных и постоянных, представляющих, по существу, эволюцию жилища от примитивного шалаша до бревенчатых летних избышек, от крошечных плетневых мазанок до сложных многокамерных домов. Некоторые виды построек, и прежде всего каркасные жилища, находят аналогии на территории Сибири.

На летних поселениях горно-лесных башкир — тамьянцев, тангауров, кубеляков, карагай-кипчаков, прибельских бурзян — еще в начале нашего века встречались конические шалаши (*кыуыш*), крытые корой, полосами луба или дранкой⁴². При сооружении остова шалашей устанавливали две прочные жерди, вставляя одну из них в развилку на конце другой*, и к ним прикладывали еще одну или две жерди. Конструкция из трех жердей, получившая название «*өс таған*», нашла распространение по западному склону Уральских гор; на остальной территории основными считались четыре жерди, образующие пирами-

⁴⁰ Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 145.

⁴¹ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми (XIX — начало XX в). — «Труды ИЭ», т. 45, стр. 254; Л. Н. Жеребцов. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX века. М., 1972, стр. 39.

⁴² С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 167—168.

* Связывание вершин жердей, отмеченное С. И. Руденко, применялось редко и только на равнине, где не было достаточно прочного леса для основы каркаса.

ду. Конструкция-основа шалаша скреплялась черемуховым обручем; к нему приставляли до двух десятков жердей. На остов накладывали полосы коры или луба, придавливая покрытие гнетами. Особенностью башкирских шалашей являлось незначительное выступание из-под покрытия верхушек жердей каркаса.

Конические шалашы с жердевым каркасом в XIX в. использовались в качестве жилища у многих народов Сибири: ненцев, энцев, селькупов, кетов, эвенков, хантов, манси, населения Саяно-Алтайского нагорья⁴³. В Европейской части СССР жилой конический шалаш встречался, кроме башкир, у саамов и коми, преимущественно в северных районах⁴⁴. У большинства перечисленных народов — в Европе и в северной Азии — основным материалом покрытия служила береста, в то время как у башкир шалашы берестой покрывались редко. Кору и дранку — материал, распространенный у башкир — использовали народы Южной Сибири: алтайцы (тубалары, челканцы, алтай кизи, теленгиты, телеуты, кумандинцы), хакасы (сагайцы, бельтиры, кызыльцы), тувинцы, а также эвенки⁴⁵. Укрепление жердей остова с помощью развилки на верхушке одной из них отмечено в литературе у тувинцев, кетов, селькупов, карагасов и южных

Рис. 3. Шалаш, крытый корой. Горные районы Южного Урала.

⁴³ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 140.

⁴⁴ В. И. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 218—219; Т. В. Лукьяниченко. Указ. соч., стр. 100—101.

⁴⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 133—134, 155.

Р и с. 4. Конический шалаш и однокамерный дом, крытый корой.
Архангельский район БАССР. Фото Н. В. Бикбулатова.

групп западносибирских угров⁴⁶. Для южнотюркского (алтайского, хакасского) шалаша-чума характерно сооружение пирамидального каркаса с развилкой на одной из четырех основных жердей. Западноэвенкийские чумы (в частности, чумы сымских эвенков) имели основу из трех опор, соответствующую башкирской конструкции «*өс таган*»⁴⁷.

С южносибирскими чумами сближало башкирские шалашы и устройство очага: огонь разводился в центре постройки под металлическим треножником, на котором устанавливали котел.

Из других временных построек башкир, по устройству близкий коническому шалашу и обнаруживающих сходство с Сибирью, можно назвать берестяную юрту с цилиндрическим каркасом из жердей, подрубленных на высоте метра и скрепленных в центре вершинами. Берестяные юрты в XIX в. встречались у башкир редко и только в глухих горных районах; одну из них зафиксировал С. И. Руденко в верховьях р. Белой у катайцев⁴⁸.

⁴⁶ С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961, стр. 86; е го ж е. Чум подкаменно-тунгусских кетов. — «Краткие сообщения ИЭ», т. 21, 1954, стр. 39; Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 88; З. П. Соколова. Материалы по жилищу, хозяйственным и культурным постройкам обских угров. — «Труды ИЭ», т. 84, 1963, стр. 189; Г. И. Пелих. Указ. соч., стр. 246—247.

⁴⁷ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 133—134, 155; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 110.

⁴⁸ С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 170.

В XVIII в. подобную постройку встретил и описал П. Паллас у хакасов-кызыльцев («чулымских татар»). Он писал, что хакасы «живут летом в юртах, кои состоят... из березовых кольев, кои будучи с самой земли... утверждены и (в середине) обломаны, составляют вид конического шалаша и устланы сильно разваренными шитыми берестами»⁴⁹. Существовало такое жилище и у манси, однако, в отличие от башкирского и хакасского, в плане оно было приближено к квадрату⁵⁰.

У башкир горных и юго-западных лесостепных районов были распространены крытые корой прямоугольные домики или балаганчики (*аласык*). Прежде они служили жилищем на летовках; в конце XIX — начале XX в. их стали строить в качестве летних кухонь в усадьбах⁵¹. Остов таких построек состоял из врытых по углам и по линии стен столбов и прикрепленных к ним двух-трех рядов горизонтальных жердей. Две пары столбов посередине фасадных стен были несколько выше остальных; на них и на пары угловых стоек опирались продольные слегги — основа пологой двухскатной крыши. Полосы коры или луба прикрепляли мочалом к каркасу, придавливая с внешней стороны жердями. Тем же материалом покрывали крышу. В источниках сохранились сведения об использовании башкирами для сооружения прямоугольных каркасных жилищ бересты⁵², но география распространения таких построек не совсем ясна. С. И. Руденко встречал берестяные жилища в районах Уральских гор по склонам хребта Кыркты⁵³.

За пределами Башкирии прямоугольные каркасные жилища, крытые корой, лубом или берестой, встречались на территории Западной, Южной Сибири и в Приамурье. По конструкции остова и крыши близки к башкирским постройки обских угров и эвенков⁵⁴. Жилища саяно-алтайских народов (качинцев, сагайцев, тувинцев), хотя и обнаруживают общие черты в установке каркаса и закреплении коры и луба, имеют, в отличие от башкирских, четырехскатное покрытие⁵⁵.

На близкое родство башкирских аласыков из коры с постройками хантов и манси указывает, прежде всего, устройство в них двух пар центральных слег, позволявших в прошлом делать разъединенные скаты и использовать щель между ними для вы-

⁴⁹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 3, половина 1. СПб., 1788, стр. 449.

⁵⁰ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 203.

⁵¹ С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 178—179.

⁵² В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859, стр. 146.

⁵³ С. И. Руденко. Башкиры. 1925, стр. 179.

⁵⁴ З. П. Соколова. Указ. соч., стр. 181, 194—196; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 138—139; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 113—114; ее же. Угдан — жилище эвенков Яблонового и Станового хребтов. — «Сборник МАЭ», т. 20. Л., 1961, стр. 33.

⁵⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 175, 176, 178.

Табл. 1. Праздничная женская одежда *елэн*. Хайбуллинский район БАССР.

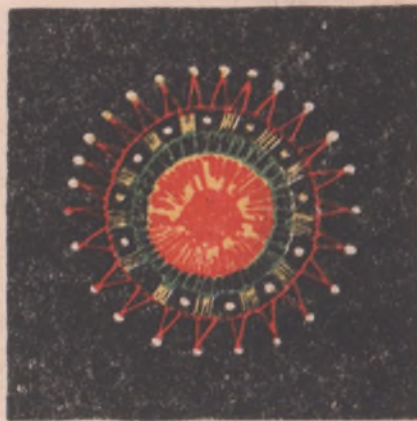
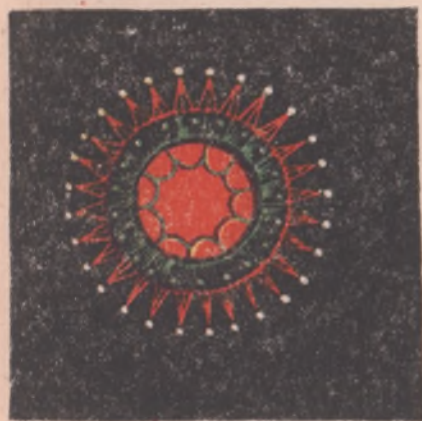
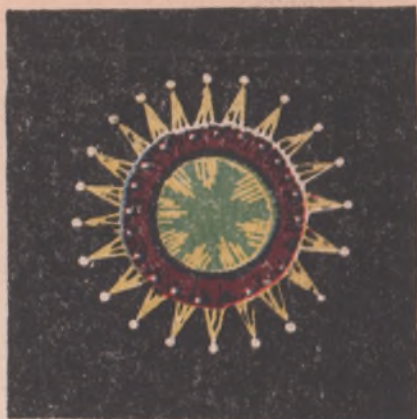
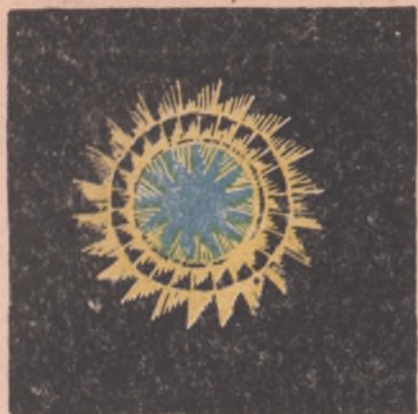

Табл. 2. Вышитые узоры на женской одежде елэн.

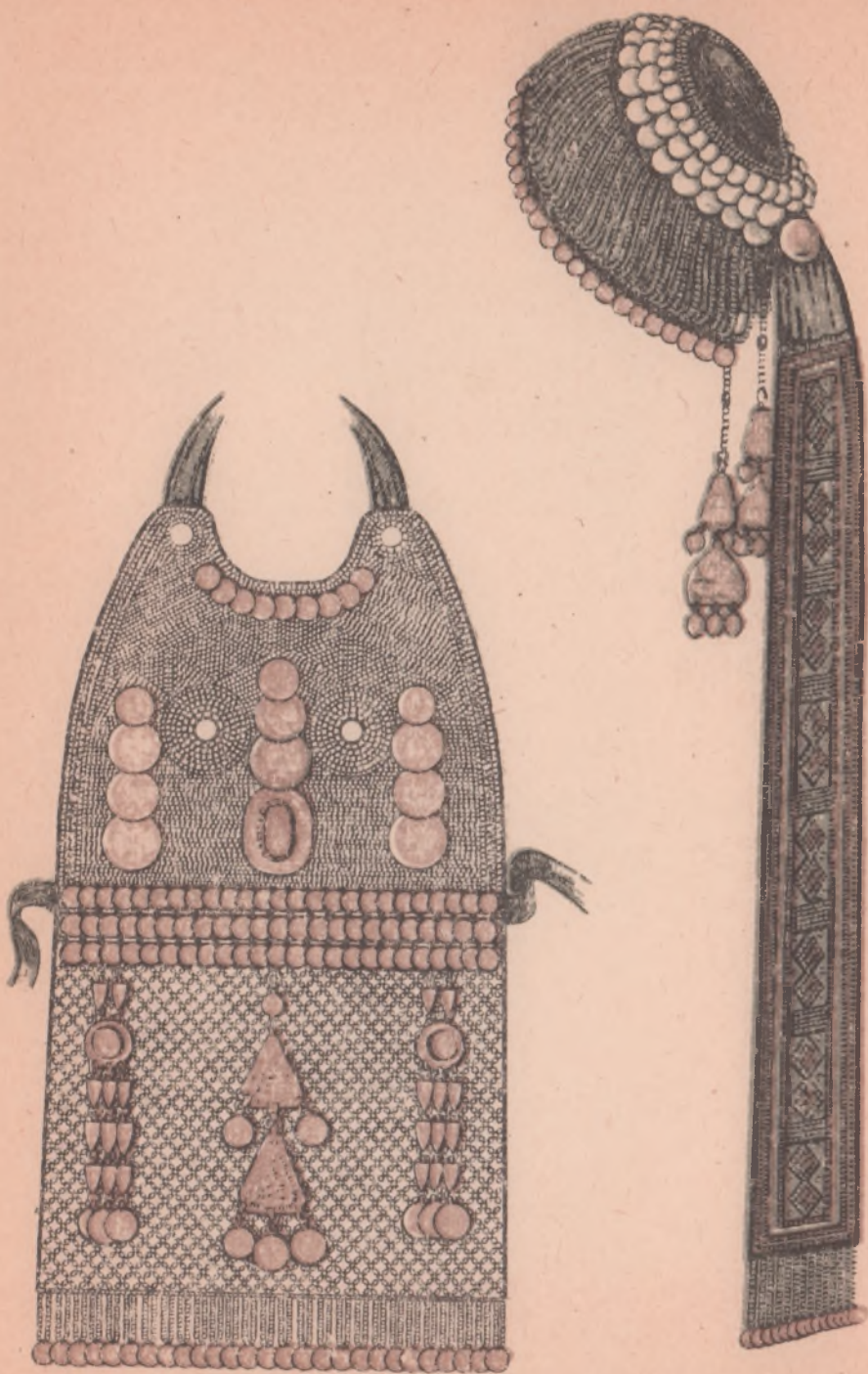

Табл. 3. Головной убор *кашмау* и нагрудник *селтер*. Баймакский район БАССР.

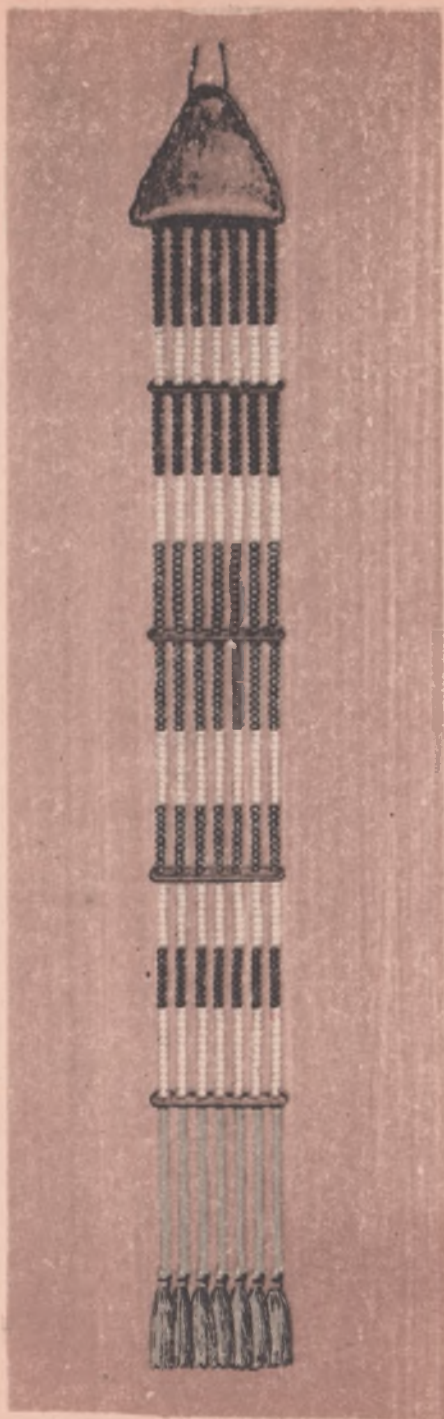

Табл. 4. Девичий косник из бус *сэсмау*. Баймакский район БАССР.

хода дыма. Разумеется, подобное устройство было оправдано лишь в тех случаях, когда в жилище разводили огонь. Однако на башкирских летовках очаг часто выносили за пределы жилого помещения, поэтому постепенно крышу балаганчиков стали покрывать полностью. Идея же самостоятельных скатов была осуществлена в более основательных — срубных — постройках, сначала в летних *бура аласык*⁵⁶, затем в избах. Еще недавно в некоторых горноуральских башкирских аулах можно было встретить избы с неплотно пригнанными скатами, один из которых нависал над другим.

Продольная дымовая щель — одна из особенностей каркасных построек сибирских угров. Ее появление, как полагают исследователи, связано со сближением двух односкатных шалашей и вызвано у рыболовецкого населения Оби необходимостью подвешивать под крышей рыбу для копчения⁵⁷. В то же время оставление щели между скатами решало проблему дымовой тяги в жилище. Этим и объясняется распространение построек с непригнанными скатами далеко на запад и восток от обского бассейна: кроме угров они встречались у башкир и западных эвенков⁵⁸.

Менее определенно мы можем сказать о появлении срубных построек. Территория их существования в XIX в. обширна: она охватывает в Восточной Европе финнов, славян и тюрков Поволжья, в Азии — угров, селькупов и почти все народы Южной Сибири. Имеется мнение, что срубные постройки на Алтае и в Саянах — явление позднее и связано с расселением русских⁵⁹. Однако конструкция крыш на старинных бревенчатых избах алтайцев, повторяющая устройство конического шалаша, является иллюстрацией длительного развития срубных жилищ в местных условиях с использованием известных населению строительных приемов. У некоторых групп тувинцев существовали срубные постройки с пологой двухскатной крышей, где коньковое бревно покоилось на столбах-опорах, врытых за стенами; крыша покрывалась корой и дерном⁶⁰. Такое же устройство крыши было характерно в прошлом для жилищ башкир челябинского и курганского Зауралья и юго-востока Башкирской АССР.

Срубные однокамерные постройки с земляным полом и двускатной крышей-потолком (*бура аласык*, *бурама*) были основ-

⁵⁶ Такие крыши видел Ф. Красильников в начале нашего века на летних срубных постройках тамьянцев и тангауров. Ф. Красильников. Поездка на Яман-тау. — «Землеведение», 1904, № 4, стр. 36.

⁵⁷ З. П. Соколова. Указ. соч., стр. 185, 195—196; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 138.

⁵⁸ Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 114.

⁵⁹ А. А. Попов. Жилище. — «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 160.

⁶⁰ П. И. Каралькин. Жилище в Западной Туве. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. 1, стр. 279.

ным летним жилищем у горных башкир: урман-кудейцев *, инзер-катайцев *, гирей-кипчаков *, кубеляков, телевцев, тамьянцев, тангауров, бурзян, карагай-кипчаков, восточных юрматынцев, западных табынцев⁶¹. В отличие от зауральских изб, продольные следи лесных домиков горных башкир опирались на бревенчатые фронтоны, служившие продолжением фасадных стен. Подобное незначительное, на первый взгляд, конструктивное расхождение представляло, по существу, новую разновидность срубных построек и было связано с иным, более северным регионом — в первую очередь, с территорией расселения западносибирских угров и финнов. Взаимная близость культовых построек («кудо», «куала») финнов и летних башкирских *бурама* была подмечена исследователями финской культуры⁶². К башкирским постройкам еще более близки по форме крыши и по устройству очага срубные избышки с двухскатной крышей на слегах (без свеса скатов над фронтонами, в отличие от Прикамья и Европейского Севера) хантов и манси восточных районов Приобья⁶³. З. П. Соколовой была высказана мысль об отсутствии срубной техники в древнем строительстве угров и заимствовании ее от финнов «не ранее рубежа II тысячелетия н. э.»⁶⁴. Однако в другой работе, изданной позднее, З. П. Соколова наряду с постройками, сходными с прикамскими, описывает у угров срубные жилища иной конструкции (близкой башкирским *бурама*) и намечает территорию распространения этих жилищ в восточном Приобье⁶⁵. Мы не можем не упомянуть о том, что в дореволюционной литературе господствовало мнение о заимствовании уграми срубных построек у татар (вернее — у тюркских народов Сибири)⁶⁶.

Вопросы о судьбе того или иного элемента культуры, о его появлении почти всегда сложны, особенно если он присущ разным по происхождению народам. Тема зарождения срубного строительства также требует специального исследования с привлечением широкого круга источников по народам Европы и Азии. Не приписывая приоритет изобретения срубной техники тому или иному народу (или группе родственных народов), можно предположить ранее ее появление на территории Сибири, во

* Эти группы башкир других построек (в том числе и юрт) в XVIII—XIX вв. не знали, хотя и вели полукочевой образ жизни вплоть до начала нашего века.

⁶¹ С. И. Руденко, 1925, стр. 183.

⁶² К. И. Козлова. Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии. — «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 114; е е же. Этнография народов Поволжья. М., 1964, стр. 52.

⁶³ З. П. Соколова. Материалы по жилищам..., стр. 207—211.

⁶⁴ З. П. Соколова. К истории жилища обских угров. — «Советская этнография», 1957, № 2, стр. 99—101.

⁶⁵ З. П. Соколова. Материалы по жилищам..., стр. 211.

⁶⁶ Н. Ядринцев. Сибирские инородцы. СПб., 1891, стр. 70; Н. А. Абрамов. Описание Березовского края. — «Записки ИРГО», кн. 12, 1857, стр. 31.

всяком случае — до прихода древнебашкирских племен на Урал в I тыс. н. э. В противном случае невозможно объяснить общие черты в устройстве *бурама* горных башкир и построек восточных групп обских угров. Различия же в срубных постройках горных и зауральских башкир и обнаружение аналогий тем и другим в разных частях Сибири, возможно, указывает на самостоятельное развитие срубной техники в двух регионах, один из которых включает среднеобский бассейн, другой — Саяно-Алтайскую горную область.

Веским доказательством связи башкирских *бурама* и старых бревенчатых изб Зауралья со срубными постройками населения Сибири является принцип устройства в них обогревательного очага — *чувала (сыуал)*. Он располагался в одном из углов помещения у входа (чаще справа) и представлял собой полый цилиндр с расширенной нижней частью, в которой имелось полуовальное вытянутое отверстие топки; длинные поленья устанавливали в очаге вертикально. Остов печки состоял из переплетенных лозой и обмазанных глиной жердей; в некоторых случаях для устройства каминов использовали долбленную колоду или часть устаревшей лодки. Такие печи на летовках башкир встречались в конце XIX и даже начале нашего века⁶⁷.

Аналогий башкирским чувалам в лесной полосе Восточной Европы не находится. В Сибири же они имели в прошлом широкое распространение. Существовали они не только у угров, но и много восточнее и южнее, причем связаны были, как правило, со срубными полуземлянками. Так было у манси, хантов, кетов, селькупов, шорцев, северных алтайцев, хакасов (сагайцев, кызыльцев), западносибирских татар⁶⁸. Остатки печей типа глинобитных каминов обнаруживаются археологами при раскопках древних жилищ полуземляночного типа на территории таежной Сибири⁶⁹.

Сходство чувалов, встречающихся у башкир, с сибирскими печами было настолько очевидно, что П. С. Паллас, совершивший поездку по Сибири после экспедиции по Южному Уралу и увидевший такую печь у хакасов, назвал ее башкирской: «...среди сей землянки делают они из веточек и глины башкирский камин с деревянную трубою... У двух стен против каминна находят широкие нары, на коих они спят»⁷⁰.

⁶⁷ П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», 1890, № 1, стр. 178; Ф. С. Красильников. Поездка на Яман-тау, стр. 36.

⁶⁸ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 151; Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, стр. 63; его же. Народы Южной Сибири, стр. 45, 110; К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 63; Народы Сибири («Народы мира»), стр. 480, 584, 673; З. П. Соколова. Материалы по жилищам..., стр. 213—214; Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 96, 97, 99.

⁶⁹ Г. И. Пеллих. Указ. соч., стр. 49—52.

⁷⁰ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. 2, 1786, стр. 449—450.

Р и с. 5. Летние кухни. Дд. Верхне-Саязново и 2-е Бикбулатово Кугарчинского района БАССР.

Рис. 6. Старинная печь (*суйал*). Дер. Верхне-Исмьяково Баймакского района БАССР. Фото Н. В. Бикбулатова.

Было бы преждевременным уже в этой статье попытаться вывить абсолютно весь материал, указывающий на связь башкирской культуры с древнейшими культурами Сибири. Возможно, в плане нашей темы окажется интересным разрешение вопроса о месте и времени появления закладной (пазовой) техники сооружения жилищ, а также построек с двойным срубом и засыпкой между стенами, о происхождении костровых (пирамидальных) крыш и других особенностей строительной техники. Опубликованного материала по жилищу народов Сибири, Средней Азии и юга Европы для глубокого анализа и обобщений пока не достаточно.

На основании проведенного в настоящей работе исследования можно заключить, что сибирские элементы в башкирском жилище тяготеют в основном к двум регионам: к приобскому бассейну (обнаруживают аналогии с уграми) и к югу Сибири, где находят сходство в постройках населения, главным образом, таежной полосы (северных алтайцев, шорцев, тувинцев, части хакасов). Применявшиеся башкирами строительные приемы отражают не только характерные для всей этой территории черты, но и специфику отдельных регионов. Сибирские черты в жилище, как и в одежде, в большей степени проявляются у башкир горных районов Урала и Зауралья. Особенности Приобья и Южной Сибири на этой территории не всегда четко разграничены. Некоторые конструктивные детали (устройство очага, принцип крепления остова конических жилищ), как видно, наиболее древние по происхождению, встречаются не только у обских угров и народов Южной Сибири, но и у кетов, селькупов, эвенков. Их появление в культуре башкир, по всей вероятности, относится к ранним этапам формирования башкирского этноса.

Хозяйственные занятия

В лесотундровой и таежной полосе Сибири и на Европейском Севере древние занятия человечества, охота и рыболовство, сохраняли существенную роль в жизни населения вплоть до начала нашего столетия. Охотничий промысел до революции был преобладающим в хозяйственных занятиях манси, западных («пеших») эвенков, кетов, южных селькупов, юкагиров, некоторых народов Приморского края (орочей, удэгейцев). Наряду с разведением оленей, занимались охотой и рыболовством эвены, большинство эвенков, северные селькупы, тофалары. Искусными охотниками были скотоводы Южной Сибири — алтайцы, тувинцы, хакасы, а также якуты и западносибирские татары. У жителей побережья больших рек — хантов на Оби, ульчей, нивхов и нанайцев на Амуре — господствовало рыболовецкое хозяйство⁷¹.

⁷¹ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 13—15; С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 414.

Охота и рыбная ловля еще в прошлом веке занимали важное место в быту населения северных районов Европейской части СССР, а также в Прикамье и на Южном Урале. Охотничий промысел являлся важным источником существования у карел, лопарей, коми-зырян, был подспорьем в хозяйстве коми-пермяков, удмуртов, марийцев⁷².

В хозяйстве башкир в конце XIX — начале XX в. охота и рыбная ловля имели вспомогательное значение. Постоянным (сезонным) занятием они были у незначительной части населения, причем охотниками и рыбаками редко бывали одни и те же лица. Два — три столетия назад эти промыслы в быту населения горно-лесных районов играли значительную роль⁷³. Не случайно в «Книге Большому Чертежу» при характеристике башкирских племен указывалось: «...кормля их мед, зверь и рыба»⁷⁴. Сохранившиеся в архивах документы XVII—XVIII вв. полны сведений о составе и размерах ясачных платежей башкир, о существовании прав на лесные угодья, бобровые гоны, звериные и рыбные ловли⁷⁵. По отдельным волостям есть данные о том, что главным занятием населения являлось рыболовство. «Кормятца... рыбою», — говорится о башкирах Уфимской волости Верхотурского уезда в документе 1633 г.⁷⁶ «...Прадеды и деды, и отцы их, и они кормились рыбою», — гласит документ 1700 г., касающийся башкир Елдяцкой волости Уфимского уезда⁷⁷.

В организации охотничьего и рыболовецкого промыслов, в снастях и орудиях, как и в других областях башкирского быта, обнаруживаются традиции разных географических и культурных зон: приемы и способы, характерные для лесной Европы, сосуществуют с обычаями кочевников-степняков⁷⁸. В то же время в башкирских способах охоты и особенно рыболовства выявляется много общего с принятыми у населения таежной Сибири. Характеристике этих связей здесь будет уделено основное внимание.

Еще два столетия назад основным орудием охоты у башкир служил лук (*йа, ян, эзернэ*). Башкирам было известно несколько видов луков, различающихся по форме и устройству. Кроме простых однослойных луков из березы или вяза, существовали сложные луки, склеенные из разных материалов: в одних случаях — из

⁷² Народы Европейской части СССР («Народы мира»), т. 2. М., 1964, стр. 338, 381, 413, 451, 486.

⁷³ С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 5—6.

⁷⁴ Книга Большому Чертежу или Древняя Карта Российского государства. СПб., 1838, стр. 152.

⁷⁵ МИБ, ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 69 (№ 1), 71 (№ 2), 74 (№ 4), 75 (№ 5), 77 (№ 6), 78 (№ 8), 80 (№ 11) и др.

⁷⁶ Там же, стр. 69 (№ 1).

⁷⁷ Там же, стр. 103 (№ 18).

⁷⁸ С. И. Руденко. Башкиры. 1955, стр. 66—95.

хвойной и лиственной пород, чаще всего из березы и ели, в других — березовая или черемуховая основа укреплялась роговой пластиной (*могэз ян*). Луковище и тех и других, чтобы уберечь от влаги, обклеивали берестой. Тетиву (*кереш*) скручивали из сухожилий, высушенных кишок животных или из растительных (крапивных, конопляных) волокон. В длину сложные охотничьи луки доходили до 1,5 метров.

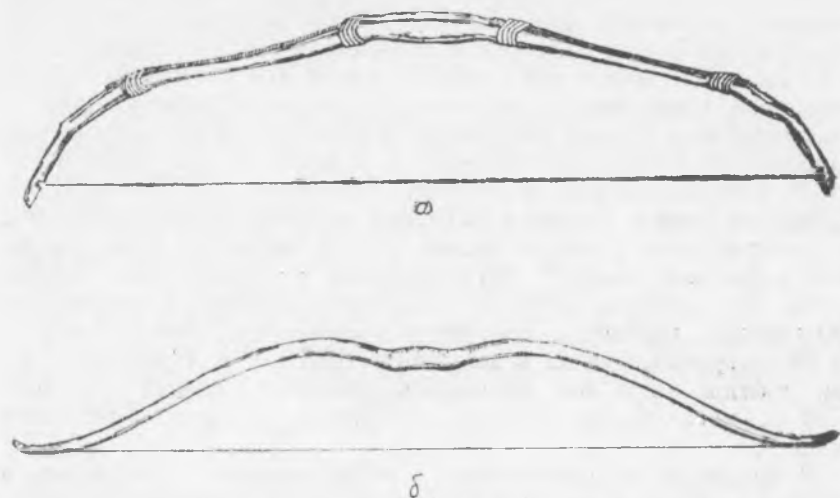

Рис 7. Луки: а — скобообразный. Гос. музей ТАССР, колл. 10190; б — двойко-выгнутый (по материалам С. И. Руденко)

Форма луковищ зависела от материала: в луках, склеенных целиком из дерева, концы располагались почти перпендикулярно средней прямой части и тетиве («скобовидная» форма); луки же с роговыми прокладками имели разведенные в стороны, слегка выгнутые концы и вогнутую середину. Эти две разновидности воспринимались и как локальные варианты, поскольку деревянные луки были приняты в основном в горах, а роговые — в большей степени в предгорьях и на равнине.

Наиболее ранний на территории СССР лук был найден в бассейне Ангары в памятнике IV тыс. до н. э. А. П. Окладников полагает, что он относится к типу простого деревянного лука⁷⁹. Примерно на той же территории обнаружены остатки и сложного лука с костяной пластиной, относящегося к III или началу II тыс. до н. э.⁸⁰ Изобретение сложного лука, по-видимому, не вытеснило простой. Возможно, это объяснялось тем, что кроме

⁷⁹ А. П. Окладников. Древнее население Сибири и его культура. В кн.: «Народы Сибири» («Народы мира»), стр. 36.

⁸⁰ Там же, стр. 41.

удобств изготовления, простой лук обладал большой ударной силой с близкого расстояния и потому в условиях лесных чащоб имел преимущества в охоте на крупного зверя. У многих народов Сибири простой и сложный луки сосуществовали вплоть до XIX в. В некоторых местах, в частности у народов Амура, простые луки оставались основным охотничьим снаряжением даже в XIX в.: техника изготовления сложных луков этими народами так и не была освоена⁸¹.

Использование в прошлом на охоте лука было известно большинству народов лесной и лесостепной полосы не только Азии, но и Европы. Однако существовали территориальные особенности в устройстве и форме луков, особенно сложных.

Равномерно выгнутые, обклеенные берестой луки из полос хвойного и лиственного дерева имелись кроме башкир у коми-зырян, саамов (из березы и сосны), ненцев (из березы и ели), хантов и манси (из березы и кедра), селькупов (из березы и сосны), кетов (из березы и лиственницы)⁸². Селькупские и кетские луки в Западной Сибири считались лучшими и охотно приобретались соседними народами. К этому же типу сложных деревянных луков относились склеенные из березы и ели и обложенные берестой луки западных эвенков, хотя по форме они были более близки двояковыгнутым лукам степняков-кочевников⁸³.

Луки с костяными пластинами и разведенными в стороны концами имели, видимо, более южный ареал распространения, чем скобовидные деревянные, занимая промежуточное положение между последними и двояковыгнутыми («М»-образными) луками центральноазиатских степей*. Встречались они, главным образом, у южных алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят. В некоторых случаях ими, наряду с деревянными, пользовались селькупы, эвенки и другие жители тайги⁸⁴. Более точно определить северные границы их распространения сейчас трудно, так как уже более двух веков назад они вышли из употребления.

⁸¹ Б. А. Васильев. Старинные способы охоты у приморских орочей. — «Советская этнография», 1940, № 3, стр. 164; А. В. Смоляк. Ульчи. М., 1966, стр. 39.

⁸² В. И. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. стр. 76; Т. В. Лукьянченко. Указ. соч., стр. 46—47; Л. В. Хомич. Указ. соч., стр. 71—72; Народы Сибири («Народы мира»), стр. 579—580, 668—669; Г. И. Пелих. Указ. соч., стр. 22; Е. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 54.

⁸³ Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 62—63.

* Иногда при их изготовлении, как и в «М»-образных луках, применялись накладки на размягченных сухожилий.

⁸⁴ Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 98; его же. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. — «Советская этнография», 1934, № 3, стр. 69; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджины, стр. 48—49; К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 30—31; И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958, стр. 40—41; Г. И. Пелих. Указ. соч., стр. 19—20.

Из непосредственных соседей башкир в XIX в. на охоте пользовались луком марийцы, удмурты, коми-пермяки. Как можно понять из этнографических описаний, это были простые луки, в одних случаях, как и у башкир, из березы или вяза (у марийцев), в других — из упругого можжевельника или крушины (у удмуртов, коми) ⁸⁵.

По всей лесной полосе Сибири и Европы при стрельбе из лука применялись одни и те же наконечники стрел: на мелких пушных зверей использовались стрелы с деревянным или костяным утолщением на конце; на гусей и уток употреблялись вильчатые или раздвоенные стрелы; лавровидные острозаточенные наконечники предназначались для охоты на крупного зверя. Все названные виды стрел зафиксированы С. И. Руденко у башкир ⁸⁶. Широкое распространение перечисленных наконечников стрел по всей Сибири и северу Европейской части СССР — от Приамурья до Кольского полуострова, от тундры до Саяно-Алтайского нагорья — говорит о их древности, о появлении задолго до формирования этнокультурной общности скотоводов-кочевников.

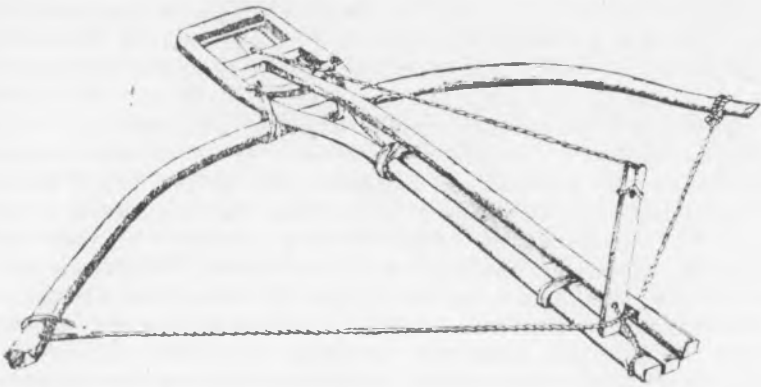
В лесной местности в далеком прошлом на основе лука родились самостоятельные орудия охоты — беркан и черкан. Беркан *, или самострел, особенно широкое применение нашел у народов Восточной Сибири: восточных эвенков, бурят, некоторых народов Приамурья (нивхов, орочей, ульчей). В зависимости от объекта охоты самострельные луки устанавливались здесь поразному: в горизонтальном положении — на крупного мясного зверя, в вертикальном или наклонном — на пушного. Каждый охотник владел несколькими десятками самострелов ⁸⁷. У народов Алтая (исключая тувинцев) самострел не входил в число основных охотничьих орудий; у шорцев и алтайцев его устанавливали иногда на крупного зверя. Ханты, манси, селькупы умели ставить самострелы на крупных и мелких зверей, но пользовались ими гораздо реже, чем население восточных областей Сибири. Охотясь на оленя, лося или медведя, западносибирские

⁸⁵ Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, стр. 34; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 76; Народы Европейской части СССР («Народы мира»), т. 2, стр. 486.

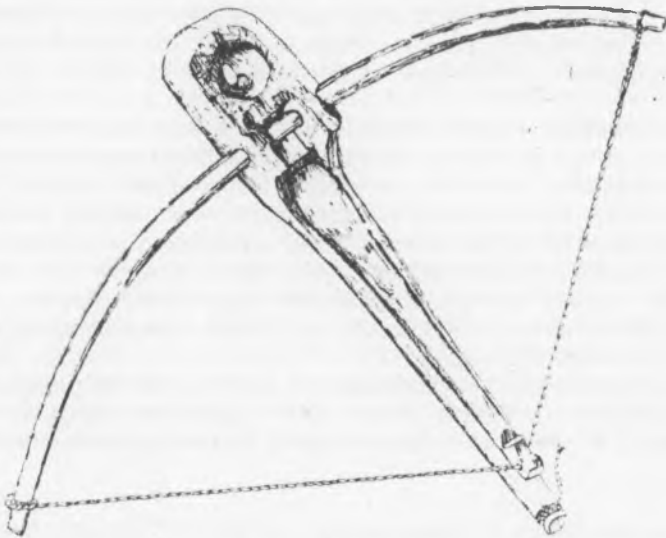
⁸⁶ С. И. Руденко. Башкиры, 1955, стр. 73, 75.

* Беркан (*бэркэн*) — тунгусский термин; вошел в лексику местного русского населения, принят в этнографических работах.

⁸⁷ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 228; В. А. Туголуков. Следопыты верхом на оленях. М., 1969, стр. 20. Его же. Витимо-олекминские эвенки. — «Труды ИЭ», т. 78. М., 1962, стр. 73; его же. Хозяйственная жизнь охотских эвенков. — «Краткие сообщения ИЭ», т. 31. 1959, стр. 47; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 54, 60, 64; В. Г. Ларькин. Орочи. М., 1964, стр. 26, 28; Б. А. Васильев. Старинные способы охоты у приморских орочей, стр. 165; А. В. Смоляк. Указ. соч., стр. 37—39; ее же. Заметки по этнографии нивхов Амурского лимана. — «Труды ИЭ», т. 56, М., 1960, стр. 120; Е. А. Крейнович. Нивхы. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973, стр. 139.

a

б

Рис. 8. Самоловные охотничьи снаряды: *a* — черкан. Стерлибашевский район БАССР; *б* — самострел. Венгерский этнографический музей, колл. 83283.

народы помещали самострелы у входа в специальную загородку, внутри которой оставляли приманку⁸⁸. В Восточной Европе луки-самострелы были зарегистрированы в северных районах (у вепсов и лопарей) и в Приуралье у башкир⁸⁹. Возможно, в прошлом их знали и некоторые другие народы, особенно в соседних с Сибирью районах, однако появление ружья способствовало забвению старых охотничьих приемов. Уже в XIX в. и у башкир самострельное оружие было редкостью. Описанные в литературе случаи пользования самострелами говорят о знакомстве башкир со сложными снарядами, по устройству близкими западносибирским ловушкам в изгороди. В «Дневных записках» И. Лепехина дан рисунок башкирской ловушки на медведя; в основу ее действия положен принцип горизонтального самострела, массивная метательная часть которого срабатывала как катапульта при попытке зверя проникнуть внутрь сооруженной вокруг бортевого дерева загородки⁹⁰.

Башкирам были знакомы и стрелометательные самострелы. Один из них в начале нашего века был приобретен у бурзянских башкир венгерским ученым Мессарошем Дьюлой и сохранился в башкирской коллекции Этнографического музея в г. Будапеште⁹¹.

Самоловный снаряд черкан, также основанный на использовании силы натянутой тетивы лука, в Сибири был распространен так же широко, как и самострел. В Европейской части СССР он существовал в основном в Приуралье — у коми, марийцев⁹². В Башкирии он встречался главным образом по среднему течению р. Белой и ее притокам у башкир-табынцев⁹³. Устанавливали этот снаряд на пушного зверя: горностаю, колонку, соболя, куницу. Иногда его помещали на дереве перед входом в дупло, куда пряталась приманка.

Легкие башкирские черканы по форме гибкой рамы, ударному устройству, а также по способу установки были близки сибирским *, в частности эвенкийским, кетским, хакасским, алтай-

⁸⁸ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 500, 578—579, 668; Л. П. Потопов. Тубалары горного Алтая. — «Этническая история народов Азии». М., 1972, стр. 57; Н. П. Дыренкова. Охотничьи легенды кумандинцев. — «Сборник МАЭ», т. 11, М.—Л., 1949, стр. 114; З. П. Соколова. Ханты рр. Сыня и Куноват. — «Материалы по этнографии Сибири». Томск, 1972, стр. 22; В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 75.

⁸⁹ Народы Европейской части СССР («Народы мира»), т. 2, стр. 367, 382, 693

⁹⁰ И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. 2. СПб., 1802, стр. 68—69.

⁹¹ ВЭМ, колл. 83283.

⁹² Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX века, стр. 32; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 82.

⁹³ С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 69—70.

* При описании этого охотничьего снаряда у башкир С. И. Руденко назвал его сибирским (С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 11).

ским⁹⁴. У коми и марийцев, в отличие от народов Сибири и башкир, эти ловушки применялись в сочетании с корзиной, рама была составной и все сооружение выглядело громоздким и было сложным в эксплуатации.

По преимущественному распространению в Азиатской части СССР, сибирским можно считать также способ ловли птиц и зверей расставленными на звериных тропах и под деревьями вертикальными петлями. Для Сибири он был характерен примерно в такой же мере, в какой для Восточной Европы — лоз сетями. Петли применяли также некоторые народы Европейского Севера (ненцы, карелы, саамы) и Приуралья (коми, удмурты, марийцы, башкиры). Однако у большей части приуральского населения (за исключением башкир) петли использовались в основном для ловли птиц и зайцев; среди других способов охоты они занимали незначительное место, в то время как большей популярностью пользовались сети⁹⁵.

Башкиры с сетями охотились редко; установка же петель, требующая большого искусства, практиковалась часто и особенно была распространена в горах, среди бурзян и кипчаков⁹⁶. Охотились башкиры не только на лисиц и зайцев, но и на крупных зверей — лосей и оленей. Обычно петлю прикрепляли к вершине пригнутого к земле молодого дерева или к установленной наклонно гибкой жерди (*хиртма*); когда зверь попадался в ловушку, жердь выпрямлялась, затягивая веревку. На крупных зверей петлю растягивали между вершинами двух невысоких деревьев, стоящих по обеим сторонам тропы таким образом, чтобы животное попало в нее головой или запуталось рогами.

Ловлю зверей петлями, привязанными к наклонному шесту, из европейских народов знали, кроме башкир, коми-зыряне⁹⁷. В большой степени этот способ охоты был характерен для народов Сибири: эвенков, кетов, северных алтайцев, шорцев, народов Приамурья (орочей, ульчей, нивхов), лесных ненцев, хантов⁹⁸. У большинства из них (у лесных ненцев, хантов, шорцев,

⁹⁴ Г. М. Василевич. Ессейско-чирингинские эвенки. — «Сборник МАЭ», т. 13. М.—Л., 1951, стр. 158; Народы Сибири («Народы мира», стр. 670; В. А. Туголуков. Следопыты верхом на оленях, стр. 20; Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 59.

⁹⁵ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 78—80; Л. Н. Жеребцов. Указ. соч., стр. 38.

⁹⁶ С. И. Руденко. Башкиры, 1955, стр. 67, 72.

⁹⁷ М. Михайлов. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии. — «Журнал Министерства внутренних дел», 1851, часть 34, кн. 4, стр. 95.

⁹⁸ В. А. Туголуков. Экондские эвенки. — «Труды ИЭ», т. 56. М., 1960, стр. 160; И. С. Гурвич. Эвенки-тюгясиры. — «Краткие сообщения ИЭ», т. 25, 1956, стр. 46; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. 2. СПб., 1899, стр. 240; Е. А. Алексеенко. Указ. соч., стр. 57; Е. А. Крейнвич. Указ. соч., стр. 141—143; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 54, 57;

Рис. 9. Охотник с охотничьей лопатой. Дер. Ташаул Салаватского района БАССР. Фото Ф. Ф. Илимбетова.

северных алтайцев, эвенков) петлями ловили как мелких зверей, так и крупных: диких оленей, лосей, медведей.

Из таежных способов охоты, имевших широкое бытование на сибирской территории и в то же время знакомых башкирам, можно назвать преследование зверя на лыжах по рыхлому снегу или насту. Таким образом охотились на оленей, лосей, маралов, коз, косуль. В гоньбе участвовало 3—4 человека, один из которых нес снаряжение, а другие бежали поочередно впереди, преследуя зверя. Догнав, стреляли из ружья или лука. Этот вид охоты был известен большинству народов таежной Сибири, в том числе хантам, эвенкам, кетам, населению Алтая, Саян, Уссурийской тайги⁹⁹. В Европейской части СССР охота гоньбой на лыжах применялась населением Прикамья, Вычегды и Верхней Печоры¹⁰⁰. По восточному склону Южного Урала гоняли по насту коз и лосей башкиры-катайцы; у северных башкирских племен (гайнинцев, уранцев), а также в центральных и некоторых юго-западных районах Башкирии (у кыпчаков, табынцев, юрматынцев) преследовали на лыжах по глубокому снегу лис, волков и рысей¹⁰¹.

Приемы традиционной рыбной ловли были тесно связаны с навыками охоты. В одних случаях применялись сходные способы лова, в других — использовались те же приспособления, которые служили для поимки зверей.

Еще в XIX в. у башкир по южным отрогам Уральских гор встречалось битье крупной рыбы из лука деревянными стрелами-лопаточками (*калакбаш*). Один из таких случаев зафиксирован в конце 80-х годов П. С. Назаровым в бассейне р. Сакмары¹⁰². О ночной охоте на рыб с луком и зажженной берестой вспоминают и сейчас некоторые старожилы дер. Кулгунино Ишимбайского района¹⁰³.

Битье рыбы стрелами — явление, восходящее к древности и, возможно, связанное по времени с изобретением лука. До нас донесли его немногие народы. Использование лука для ловли рыб в XIX в. в литературе отмечено, кроме башкир, у енисейских угров, некоторых групп эвенков, селькупов и отдельных народов Южной Сибири: шорцев, части хакасов (сагайцев).

Н. П. Дыренкова. Охотничьи легенды кумандинцев, стр. 114; В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 79; Народы Сибири («Народы мира»), стр. 500.

⁹⁹ К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 26; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы, стр. 43, 47; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 54, 57; Е. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 47; А. В. Смоляк. Указ. соч., стр. 38; В. Г. Ларькин. Указ. соч., стр. 26; В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 76; Народы Сибири («Народы мира»), стр. 500, 689.

¹⁰⁰ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 85—86.

¹⁰¹ С. И. Руденко. Башкиры. 1955, стр. 66—67.

¹⁰² П. С. Назаров. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», 1890, № 1, стр. 3.

¹⁰³ Архив сектора археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР. Материалы этнографической экспедиции 1971 г. Дневники Ф. Ф. Илимбетова.

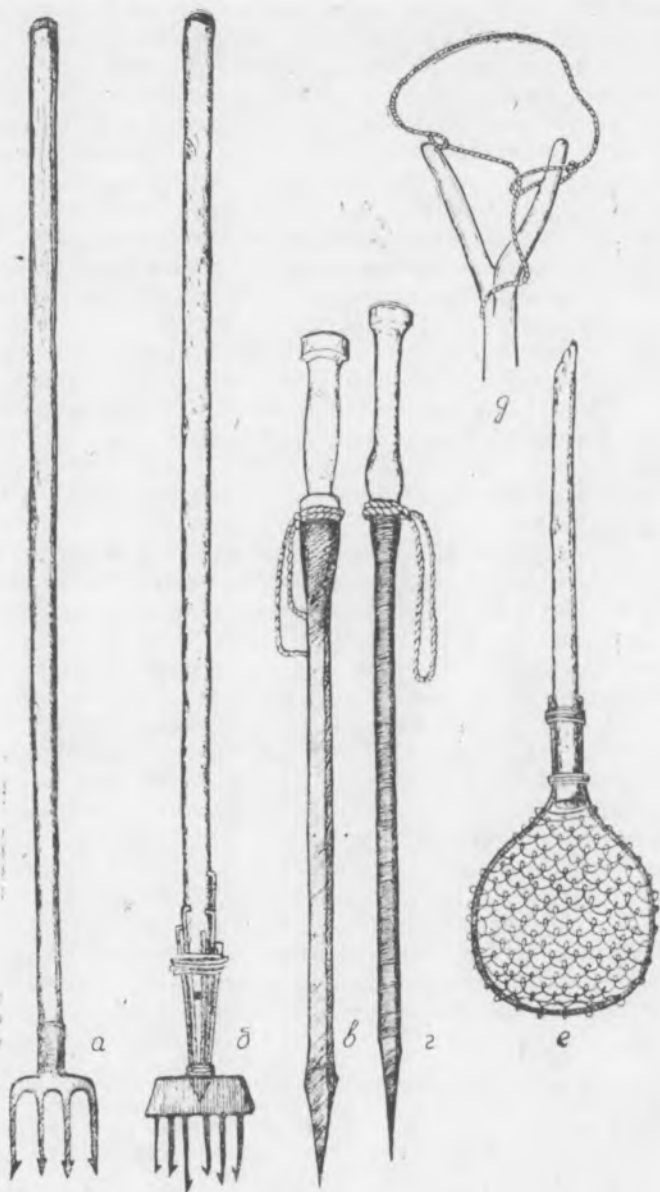

Рис. 10. Рыболовные снасти: *а, б* — остроги; *в, з* — ледорубы; *д* — петля для ловли шук; *е* — сак для вычерпывания рыб.

Материалы экспедиций 1969, 1970 гг. в южные районы БАССР.

В большинстве случаев у них, как и у башкир, для рыб применяли стрелы с деревянными наконечниками лопатообразной формы¹⁰⁴.

Примитивной формой рыболовства является лов волосяной петлей (*мэскэу*), прикрепленной к развилке на конце длинной палки. Таким способом башкиры добывали щук, форелей и налимов из мелководных горных рек с прозрачной водой. У тамьянцев и тангауров был принят на озерах зимний лов щук с помощью петли¹⁰⁵. С этой целью во льду прорубали воронку и опускали в воду в качестве приманки, зацепив в конец палки, щуку-самца; подilyвающих рыб, подсекая петлей, выбрасывали на лед*.

Применение волосяной петли для ловли рыб было знакомо почти всем народам Алтая и Саян, в том числе тувинцам, хакасам, шорцам¹⁰⁶.

Зимнее рыболовство было распространено как на Европейском Севере, так и в Сибири, хотя в подавляющем большинстве случаев на этой территории рыбу через прорубь вылавливали более совершенным орудием лова — острогой. Однако именно с рыболовством в проруби связано применение в качестве приманки живых или искусственных рыб. Этот обычай, широко распространенный главным образом на территории Сибири, как установлено археологами, сохранился с древних времен¹⁰⁷. В XIX в. рыбки-приманки опускали на палке в прорубь ханты, эвенки; знали этот способ и народы Приамурья (ульчи, орочи и др.)¹⁰⁸. Таким образом, использование некоторыми башкирами в рыболовстве живых щук не является случайным и легко увязывается с сибирским материалом.

Острога — древнее орудие, непосредственно связанное с рыбной ловлей. Ловля рыбы острогой (*налдау, сэнске*) встречалась

¹⁰⁴ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 503, 576, 671; К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 32; А. П. Потанов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев, стр. 69; е го же. Черты первобытно-общинного строя северных алтайцев. — «Сборник МАЭ», т. 11, стр. 17; В. А. Туголуков. Следопыты верхом на оленях, стр. 59; е го же. Хозяйственная жизнь охотских эвенков, стр. 50.

¹⁰⁵ С. И. Руденко. Башкиры, 1955, стр. 92—93.

* Описание дано на основании материалов этнографической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР 1958 г. Научный отчет экспедиции хранится в архиве БФАН СССР.

¹⁰⁶ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 435, 503; К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 32; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы, стр. 55.

¹⁰⁷ «Очерки истории культуры Бурятии», т. 1. Улан-Удэ, 1972, стр. 18—19; А. П. Окладников. Древнее население Сибири и его культура, стр. 37; е го же. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб Сибири. — «Палеолит и неолит СССР», МИА, 1945, № 2, стр. 193—202.

¹⁰⁸ Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 83; е е же. Ессейско-чирингдинские эвенки, стр. 158; В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 73; М. Г. Левин. Эвенки северного Прибайкалья. — «Советская этнография», 1936, № 2, стр. 76; В. Г. Ларькин. Указ. соч., стр. 34; А. В. Смоляк. Указ. соч., стр. 35.

у многих групп башкир. Форма остроги на южных отрогах Урала напоминала вилы с 3—4, иногда 5 зубьями, имеющими на конце с внутренней стороны зазубрины. Ближе к Уфе и севернее ее встречались остроги с 8 и даже 12 зубьями, собранными вокруг древка в пучок*. Применялись остроги чаще всего в летнее время. Одним из наиболее распространенных способов ловли с острогой было лучение рыбы — покол ее при свете горящего смолья или березовых факелов (*сыракка төшөү*). В юго-западных и северных районах производилось оно чаще всего с лодки. У юго-восточных башкир и в горах рыбу кололи при зажженном факеле с берега. В некоторых местах сторожили рыбу с острогой в руках на крутом откосе в дневное время; предварительно в этом месте дно реки выстилали светлой берестой, чтобы рыба была заметнее.

Зимний покол рыбы в проруби с помощью остроги производился у башкир редко; в основном он встречался на зауральских озерах. В отдельных случаях им занималось население Западной Башкирии — в среднем течении р. Демы.

Круг народов, использовавших в рыболовстве острогу, чрезвычайно широк, поэтому в вопросе о прошлых этнокультурных связях решающее значение имеют форма остроги, а также характерность тех или иных способов рыбной ловли с ее применением.

За редким исключением, по всей северной и средней части Сибири самым распространенным орудием в речном рыболовстве была трехзубая острога. У народов Южной Сибири, наряду с трехзубыми, существовали остроги с 4—5 зубьями¹⁰⁹. Остроги с большим числом зубьев были, как видно, изобретением населения Европы и, возможно, связаны с деревянными игловидными, скрепленными в пучок (как в метле) орудиями лова, найденными в неолитических памятниках лесной полосы¹¹⁰. У финнов, как и у северных башкир, остроги в XIX в. были многозубые¹¹¹.

Ловля рыбы острогой в проруби, нехарактерная для населения Алтая и Саян, была распространена, главным образом, на больших сибирских реках. Ею занимались ханты и другие народы на Оби, эвенки на Енисее, Лене и их притоках и дальневос-

* Характеристика острог и приемов рыбной ловли дана с учетом материалов, собранных Ф. Ф. Илимбетовым, Н. В. Бикбулатовым.

¹⁰⁹ К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 34; В. А. Туголуков. Следы попытки верхом на оленях, стр. 60 и др.

¹¹⁰ В. В. Федоров. Ранее неизвестный тип острог древнего населения лесной полосы Европейской части СССР. — «Советская этнография», 1964 № 2, стр. 130—131.

¹¹¹ Р. Ф. Тароева. Матерьяльная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 36; Т. В. Лукьяниченко. Указ. соч., стр. 36; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 100.

точные рыболовецкие народы — ульчи, орочи¹¹². Была известна она также некоторым финноязычным народам Европейской части СССР¹¹³.

Лучение рыбы с помощью остроги с берега проводили эвенки, кеты Подкаменной Тунгуски и народы Южной Сибири (буряты, тувинцы, шорцы). Для тувинцев, кроме того, была знакома охота на рыбу в дневное время; при этом, как и у башкир, дно реки под кручей устигалось берестой¹¹⁴.

Широко принятым в Сибири и Восточной Европе способом рыбной ловли было лучение с лодки. На больших реках оно оказалось продуктивным и в ряде случаев вытеснило такие примитивные приемы, как лов петлей и покол острогой с берега. Некоторые исследователи, отмечая популярность лучения с лодки среди коренного населения Оби и Енисея, высказывают предположение, что переселившиеся в Сибирь русские заимствовали его у местных жителей (в частности, эвенков) и распространили затем по Сибири¹¹⁵. Под влиянием русских стали применять лучение с лодки хакасы¹¹⁶. Тувинцы, алтайцы, шорцы рыбу с лодок обычно не ловили. Однако у западносибирских угров и финских народов Европейского Севера лучение с лодки проводилось повсеместно¹¹⁷. Учитывая, что в Башкирии этот способ рыбной ловли применялся в основном в северных и западных районах, можно предположить, что в его распространении на Южном Урале определенную роль сыграли угорские и, возможно, финские племена.

Еще более сложным представляется вопрос о происхождении запорного рыболовства. Обращает на себя внимание преимущественное распространение этого вида рыбной ловли в северной таежной и лесотундровой полосе. В. И. Васильев, исследовавший вопрос о характере рыболовства у хантов и манси, отмечает определенную роль финнов и угров в изобретении мно-

¹¹² Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 83; ее же. Ессейско-чирингдинские эвенки, стр. 158; ее же. Эвенки Катангского района. — «Труды ИЭ», т. 78. М., 1962, стр. 106; В. А. Туголуков. Экондские эвенки, стр. 164; В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 73; А. В. Смоляк. Указ. соч., стр. 35; В. Г. Ларькин. Указ. соч., стр. 34.

¹¹³ М. В. Жиганов. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. — «Исследования по материальной культуре мордовского народа», вып. 2, 1963, стр. 74.

¹¹⁴ «Очерки истории культуры Бурятии», т. 1, стр. 142; Народы Сибири («Народы мира»), стр. 503; В. А. Туголуков. Следопыты верхом на оленях, стр. 60; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы, стр. 55; Е. А. Алексеев. Материалы по культуре и быту курейских кетов. — «Труды ИЭ», т. 78, стр. 34 (примечания); А. М. Кайгородов. Эвенки в Трехречье. — «Советская этнография», 1968, № 4, стр. 126.

¹¹⁵ В. А. Туголуков. Следопыты верхом на оленях, стр. 60.

¹¹⁶ К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 34.

¹¹⁷ Народы Европейской части СССР («Народы мира»), т. 2, стр. 417; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев, стр. 38; В. Н. Беллицер. Очерки по этнографии народов коми, стр. 100; Л. Н. Жеребцов. Указ. соч., стр. 75; Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 36; Т. В. Лукьяниченко. Указ. соч., стр. 36.

гих орудий и приспособлений запорного рыболовства¹¹⁸. В частности, с приобскими уграми он связывает происхождение деревянных запоров-лабиринтов («котцов» или «ковшей»). Изготавливались они из обрубков соснового дерева, по длине равного глубине водоема. Дерево расщеплялось на тонкие дранки, из которых с помощью мочала или черемуховых прутьев сплетались плотные решетки-маты. Их прикрепляли к стойкам с заостренными нижними концами. Полученное гибкое сооружение устанавливали на дне реки у обрывистого берега таким образом, чтобы решетки образовывали полуовал с заведенными к середине стойками и узким проходом между ними вовнутрь. Зашедшую рыбу вычерпывали из ловушки саком. В Сибири, кроме угров, ловили рыбу котцами западносибирские татары, некоторые группы эвенков, селькупы¹¹⁹.

У башкир ловушки-лабиринты описанного устройства (*ыйсук*) встречались по среднему течению р. Белой, а также на перекатах горных рек (Сим, Инзер и др.) в Центральной Башкирии¹²⁰.

Анализ наиболее древних отраслей хозяйственной деятельности башкир — охоты и рыболовства — обнаруживает многочисленные параллели с хозяйственными приемами народов Сибири. Намечается несколько направлений культурного взаимодействия народов. Наиболее определены из них два: Южный Урал — Приобье, Урал — Южная Сибирь. Вместе с тем, как и в материальной культуре, в способах ловли и орудиях охотничьего и рыболовного промыслов проявляется общность с западными эвенками, селькупам, кетами.

Надо, однако, заметить, что аналогии в хозяйстве, имеющем низкий этнический показатель, в некоторых случаях дают слишком общие выводы. Затрудняет исследование недостаточность данных по хозяйству населения северных районов Европейской части СССР и Приуралья. В большинстве случаев сибирское влияние проявляется, кроме башкир, у северных финнов (коми-зырян, карел) и саамов. Более определенной представляется общность с народами Сибири. Она затрагивает не только характер промыслов, но и особенности устройства охотничьих и рыболовческих орудий и приспособлений.

Заканчивая обзор отраслей хозяйства, необходимо сказать несколько слов об использовании башкирами дикорастущих растений. Несмотря на то, что дикие плоды и травы не играли в рационе питания башкирского населения существенной роли, их употребление в пищу выявляет некоторые интересные момен-

¹¹⁸ В. И. Васильев. Проблема происхождения орудий рыболовства обских угров. — «Труды ИЭ», т. 78, стр. 137—152.

¹¹⁹ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 477; Г. И. Пелих. Указ. соч., стр. 10—11; Г. М. Василевич. Эвенки Катангского района, стр. 106; «Очерки истории культуры Бурятии», т. 1, стр. 169.

¹²⁰ С. И. Руденко. Башкиры, 1925, стр. 28—29.

ты, находящие аналогию у народов Сибири. По популярности, по степени применения в традиционной кухне населения горно-лесной зоны среди диких растений на первое место можно поставить сарану (*сарына*) — луковичное растение из семейства лилейных. «Кормятца летом сараную», «едят они сарану и к зиме пасут», — доподлинно сообщения о башкирах неоднократно встречаются в документах XVII—XVIII вв.¹²¹ Луковицы сараны ели в сыром виде, сушили и, смолов, пекли из них лепешки, клали в похлебку, варили из них кашу. Из других растений употребляли борщевник (*балтырган*), черемшу (*урман йыца*) и пр.

Сарана и перечисленные здесь растения находили применение в питании эвенков, эвенов, кетов, селькупов, народов Приамурья, Северного Алтая и Саян¹²². Однако широкое использование в одинаковых природных условиях одних и тех же растений еще не является свидетельством этнических или культурных связей населяющих эти пространства народов. Более веским доказательством служит сходство в рецептах приготовления из них кушаний. «Хлеб» из сараны употребляли в пищу эвенки, эвены, кеты. Несомненная близость наблюдается в способах приготовления сараны у башкир и населения Южной Сибири. Как и у башкир, у тувинцев сарану сушили на зиму, варили из нее суп, кашу, пекли в золе и ели с чаем. У хакасов и северных алтайцев из грубо смолотых луковиц сараны варили молочную кашу. Все народы Алтая и Саян сарану мололи и пекли из этой муки лепешки.

У башкир и народов Южной Сибири, разделенных теперь сотнями километров, сохранилась сходная техника собирания диких растений. Существовали специальные орудия для выкапывания луковиц сараны. Башкирскую корнекопалку приобрел в 1909 г. в Южном Зауралье Массарош Дьюла для Венгерского этнографического музея¹²³. Две корнекопалки сохранились в фондах Румянцевского музея и позже были переданы в Государственный музей этнографии народов СССР¹²⁴. Одна из них, вырезанная из корня дерева по принципу рычага и имеющая заостренный рабочий конец и ступеньку для ноги на внутренней стороне, напоминает такое же орудие тувинцев и хакасов¹²⁵.

¹²¹ МИБ, ч. I, стр. 69, 197 и др.

¹²² К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 65; М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, стр. 74; Л. П. Потапов. Пища алтайцев. — «Сборник МАЭ», т. 14. М.—Л., 1953, стр. 39; его же. Народы Южной Сибири, стр. 42—43, 104; его же. Очерки народного быта тувинцев, стр. 88; Е. А. Крейнович. Указ. соч., стр. 128, 129, 134.

¹²³ ВЭМ, колл. 83361.

¹²⁴ ГМЭ, колл. 14781, 14782

¹²⁵ С. И. Вайшштейн. Тувинцы-тоджинцы, стр. 56; К. М. Патачаков. Указ. соч., стр. 65.

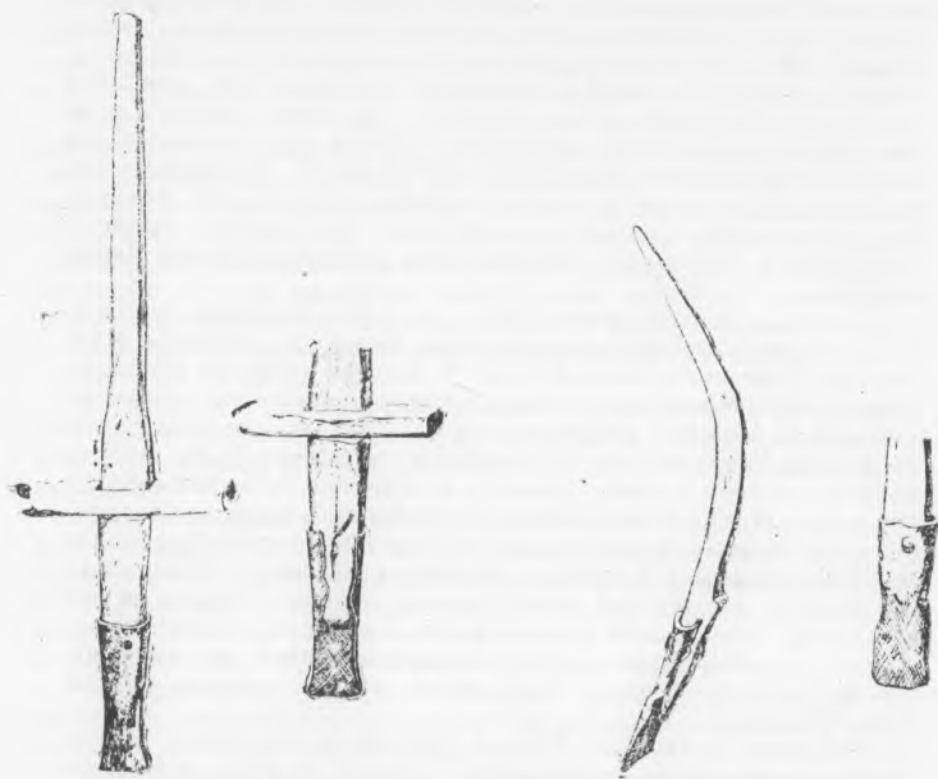

Рис. 11. Корнекопалки для сараны. Гос. музей этнографии народов СССР.

Другие, в виде узкой лопатки с перекладной-упором, повторяют форму корнекопалки шорцев¹²⁶.

Лесные районы Саяно-Алтайского нагорья считаются местом, где собирательство с древнейших времен до последнего времени сохраняло существенную роль в хозяйстве населявших его племен и народов¹²⁷. Корнекопалки, бытовавшие у многих племен Саяно-Алтайской области, по всей видимости, являются одним из наиболее ранних, связанных с землей орудий труда. Полное сходство с ними башкирских корнекопалок говорит о том, что традиции собирательства у башкир родственны южносибирским.

¹²⁶ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 501; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 169.

¹²⁷ Л. П. Потапов. Народы Южной Сибири, стр. 42—43; И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М., 1950, стр. 348.

Есть основания думать, что и простейшие земледельческие навыки, которые, как видно, были знакомы башкирским племенам, расселившимся на Урале, были также связаны с территорией Сибири. В этом плане интересны некоторые обычаи употребления у башкир в пищу хлебных злаков. В Челябинском Зауралье и в некоторых местах юго-восточной Башкирии было принято варить похлебку из целых ячменных зерен (*кузэ, күжэ*). Из прокаленного и размолотого ячменя готовили толокно (*талкан*). Поджаренный в котле с маслом ячмень (*курмас*) считался лакомым блюдом; им угощали в праздники детей. Возможно, к древним земледельческим обычаям относится приготовление из ячменя и овса хмельного напитка (*буза*).

Исследователи отмечают традиционность этих кушаний и для населения Южной Сибири: алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев¹²⁸. У народов Алтая и Саян они имели те же названия, что и у башкир: «талган», «кочо» — у хакасов; «талкан», «коже» — у тувинцев; «талкан», «курмач», «кочо», «позо» — у алтайцев; «талкан» — у шорцев. О их древности в Южной Сибири говорит тот факт, что некоторые из них (*буза, талкан*) являлись ритуальными или жертвенными блюдами и выставлялись в дни молений в качестве пищи духам¹²⁹.

Средства передвижения и перевозки грузов

С описанными формами хозяйственных занятий — охотой и рыболовством — связаны происхождением некоторые транспортные средства башкир. В летний сезон рыбной ловли широкое применение находили лодки-долбленки. Зимой на охоте в качестве средства передвижения и для перевозки тяжелой поклажи использовали подбитые мехом лыжи.

Среди башкирских долбленых лодок (*камэ*) выделяются два типа. Один из них, распространенный главным образом на равнине и в предгорьях у юго-восточных, отчасти северных башкир, представлял собой плоскую долбленную колоду с резко обрубленной кормой и умеренно заостренным носом. Иногда для устойчивости к бокам таких лодок с внешней стороны прикреплялись своеобразные крылья из деревянных брусьев. Другой тип лодок, характерный для центральных горных районов и правобережья Белой в среднем течении, отличался вытянутой фор-

¹²⁸ Народы Сибири («Народы мира»), стр. 509; Л. П. Потапов. Пища алтайцев, стр. 61—62, 69; его же. Тубалары Горного Алтая, стр. 63; его же. Очерки народного быта тувинцев, стр. 193—194; его же. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-тайги и Кара-холя. — «Труды Тувинской... экспедиции», т. 1, стр. 190.

¹²⁹ Л. П. Потапов. Культ гор на Алтае. — «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 149—150; Ф. А. Сатлаев. Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинов. — «Сборник МАЭ», т. 27. Л., 1971, стр. 132—133; К. М. Патачаков. Указ, соч., стр. 62.

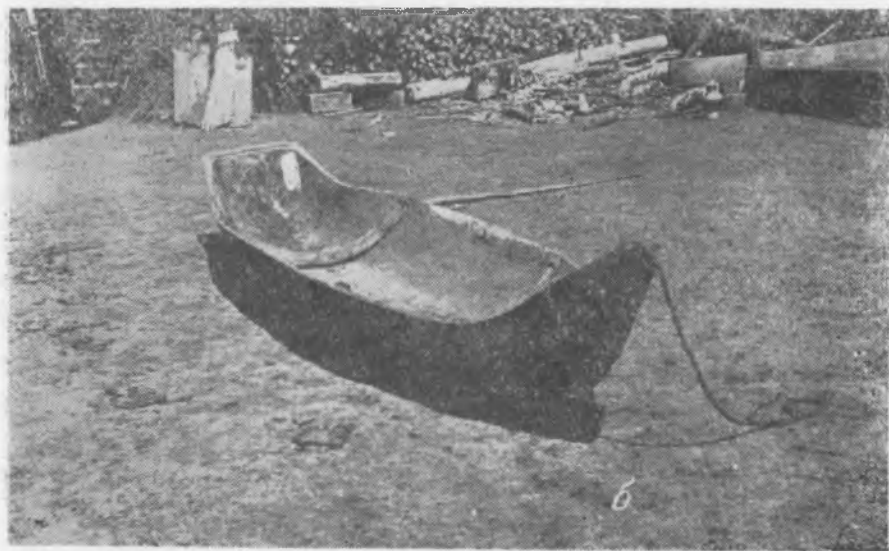
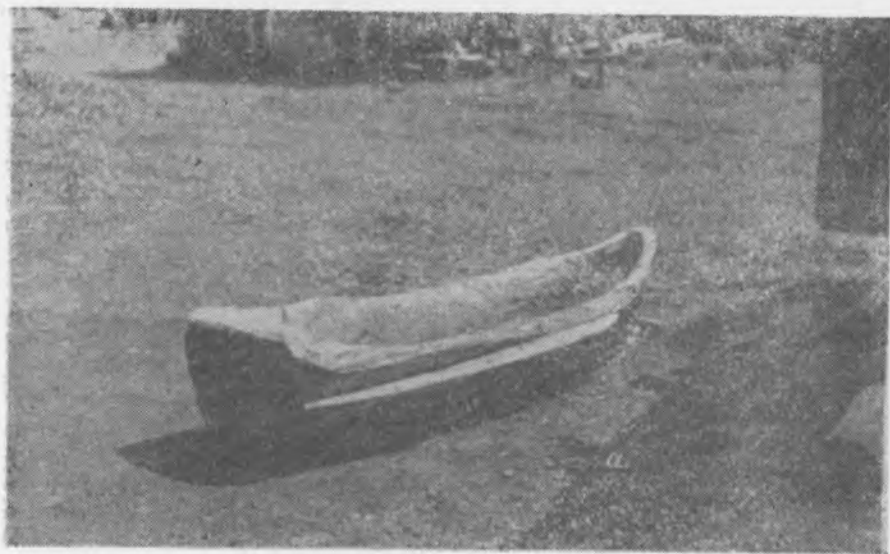

Рис. 12. Лодки: а — колодообразная. Дер. Юнаво Знанчуринского района БАССР. Фото автора; б — долбленная, с выпуклым дном. Дер. Нижняя Лемеза Иглинского района БАССР. Фото Н. В. Бикбулатова.

мой, поднятыми носом и кормой. Борты таких лодок были слегка разведены и приподняты посередине; изнутри они укреплялись несколькими дугообразными распорками. Дно, стесанное от бортов к средней линии, было малоустойчиво.

Лодки первого типа, являясь ранним изобретением древнего населения лесной полосы Азии и Европы¹³⁰, в прошлом были, видимо, распространены на широкой территории. Вариант колодообразных лодок, известный башкирам, сохранился у населения Южной Сибири (шорцев, тувинцев, бурят), у южных эвенков и некоторых народов Крайнего Севера, в этногенезе которых решающую роль сыграли древнесибирские (палеоазиатские) племена¹³¹.

Остроконечные лодки встречались в бассейне Оби и Енисея. Башкирские лодки близки эвенкийским, селькупским, кетским, описанным в литературе под названием «лодки-обласки». Лодки обских угров, составляющие, по существу, ту же группу, выделялись среди перечисленных сильно приподнятой носовой частью¹³².

Башкирские остроконечные лодки, сходные с сибирскими не только обликом, но и по способу изготовления¹³³, отличаются характерной деталью: их корма, хотя и вытянутая кверху, стесана с внутренней стороны почти под прямым углом к бортам и образует тяжелый устойчивый киль. Эта особенность перекликается с лодками-колодами и указывает на преемственность между разными типами.

Вероятно, сибирского происхождения сохранившееся у горных башкир управление лодкой стоя, с помощью длинного шеста. Этот способ отмечен исследователями также у северных алтайцев, тувинцев, шорцев и эвенков¹³⁴.

Устройство подбитых мехом охотничьих лыж башкир (*боскаклы саңғы*) описано в специальной статье, помещенной в настоящем сборнике¹³⁵. Узкие и плоские лыжи башкир с заостренной (иногда плавно закругленной) носовой частью и срезанным задником повторяют форму лыж населения Саяно-Алтай-

¹³⁰ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 116; Н. Н. Ворониц. Средства и пути сообщения. — «История культуры древней Руси». М., 1948, т. 1, стр. 281—282.

¹³¹ «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 114.

¹³² Там же; Е. А. Алексеенко. Средства передвижения кетов. — «Труды ИЭ», т. 64. М.—Л., 1961, стр. 85—86; Г. М. Василевич. Эвенки, стр. 106. Г. И. Пелих. Указ. соч., стр. 16.

¹³³ Например, у кетов лодки выдалбливали теми же инструментами, что и у башкир, и одинаково, с помощью вбитых в ствол по всему корпусу деревянных шпунтов, добивались нужной толщины бортов лодки. См. Е. А. Алексеенко. Материалы по культуре и быту курейских кетов, стр. 55.

¹³⁴ В. А. Туголуков. Следопыты верхом на оленях, стр. 63; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 113—114.

¹³⁵ М. Г. Муллагулов. Башкирские лыжи. — См. настоящий сборник.

ской системы: алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, тофаларов. Однако в отличие от них башкирские лыжи имеют слегка возвышающуюся ступательную площадку. Этот элемент напоминает устройство лыж хантов и манси, хотя по общей форме приобские лыжи относятся к типу выгнутых лыж. Способ крепления на башкирских лыжах в одних случаях близок приобскому, в других («крепление двумя петлями» — по классификации В. В. Антроповой) обнаруживает сходство с принятым на Алтае¹³⁶.

У башкир, как и на юге Сибири, на лыжах ходили без палок или пользовались в качестве опоры специальной деревянной лопаткой (*хунар көраге*). Лопатка с длинной ручкой была обязательной в снаряжении охотника: с ее помощью устанавливали капканы, окапывались в снегу при засаде на зверя, устраивались в тайге на ночлег. Усовершенствованные лопатки — в сочетании с копьём или железным ломиком — встречались в XVIII—XIX вв. у обских угров и некоторых финнов Европы¹³⁷. У башкир, как и на Алтае, они сохранились в простейшем, более древнем, варианте.

* *
*

Таким образом, и в хозяйственной жизни, и в материальной культуре башкир содержатся многочисленные комплексы признаков, связанных происхождением с Сибирью. Путем нахождения аналогий к ним у народов Азии и Восточной Европы, мы попытались определить ареал их распространения за пределами Башкирии и таким образом наметить возможный круг этнических и культурных контактов племен, влившихся в башкирскую народность. При анализе изучаемых явлений имелось в виду, что основные этапы этногенеза и более или менее значительные этнические включения оставляют определенный след в быту народа в виде культурных напластований. Разумеется, орудия труда и типы жилища, в большой мере зависимые от природно-географических условий и подверженные изменениям, не могут служить четким показателем этнических границ. Наши аналогии из области хозяйственной деятельности распространяются на обширные пространства Азии, севера Восточной Европы и Приуралья и затрагивают десятки народов разных языковых систем. Однако безразличность орудий труда к этническим границам не беспредельна. Не случайно, сходные приемы охоты,

¹³⁶ Данные о лыжах Сибири взяты из работ: «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 79—105; В. В. Антропова. Лыжи народов Сибири. — «Сборник МАЭ», т. 14, стр. 5—36; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджицы, стр. 44.

¹³⁷ В. В. Антропова. Лыжи народов Сибири, стр. 14, 17, 26; Л. Н. Жеребцов. Указ. соч., стр. 38; Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 64; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев, стр. 37.

рыбной ловли, сбора диких растений обнаруживаются у этнических групп, возможная связь которых в прошлом подтверждается археологическими и этнографическими материалами или даже зафиксирована письменными источниками.

В десятках работ высказана мысль о давнем распространении на Европейском Севере и в Приуралье элементов культуры сибирского происхождения. Имеется предположение о расселении на севере Сибири и частично Европы волны самодийских, а вслед за ними — угорских народов, имевших некогда своей прародиной Алтай. Южная Сибирь, и в частности Прибайкалье, является местом сложения пратунгусов, расселившихся затем по таежной Сибири и Приамурью и вступивших в тесные контакты с древнесибирским (палеоазиатским) населением. Северные тюрки, заселившие Алтай и Саяны, оказались в соприкосновении с другими этническими массивами и стали не только их соседями, но в какой-то мере и наследниками, поскольку в состав тюрков влились многие угорские, самодийские и иные роды и племена*.

Общая картина этногенеза народов Сибири и Восточной Европы, все четче вырисовывающаяся в последние десятилетия благодаря исследованиям археологов и этнографов, помогает понять и прошлую этническую историю башкир, тесно переплетенную с судьбой многих народов.

Анализ форм хозяйства и материальной культуры, в частности, устройства орудий труда, средств передвижения, способов рыбной ловли и охоты, конструктивных особенностей жилища и очага, позволяет более или менее четко определить их бытование за пределами Башкирии и в ряде случаев наметить своеобразный эпицентр, из которого эти явления распространились на север, запад или восток. Еще более показательным в этом отношении является материал по одежде, особенно рассмотренные выше декоративно-художественные приемы украшения праздничного костюма.

К числу распространенных по всей таежной полосе Азии и Европы, от Кольского полуострова до Уссурийской тайги, относятся явления общего характера: некоторые формы хозяйственной деятельности, типы жилища. Сюда относится охота с луком, применение самострелов, гоньба по насту и снегу, лучение рыбы, ловля ее остройгой; повсеместно строились конические шалаши из жердей, крытые берестой или корой. То, что эти виды занятий или элементы культуры принадлежат теперь большому числу народов, говорит об их древности; нахождение же остатков орудий труда в археологических памятниках свидетельствует о появлении их в большинстве случаев на территории Сибири.

* Их прошлая этническая принадлежность сохранилась в памяти населения и легко устанавливалась еще в XIX в. Такие племена вошли, например, в состав северных алтайцев, шорцев.

Среди приведенных выше многочисленных параллелей в культуре башкир и народов Сибири чаще других фигурируют саяно-алтайские, угорские и тунгусские (обычно эвенкийские). Сравнительно четко выделяются среди них алтайские* параллели: лов рыбы петлей, форма корнекопалок, кушания из сараны и целого ячменя, колодообразные лодки, прямые лыжи, способ крепления лыж двумя петлями, устройство очага в шалаше на подставке, наконечные украшения из бус. На Алтае они составляют, видимо, древний пласт дотюркского происхождения. Доказательством является то обстоятельство, что отдельные из перечисленных элементов (например, лодки-колоды) встречаются у палеоазиатов севера Сибири. Результатом алтайского влияния можно считать слабое развитие лущения с лодки и отсутствие ловли рыбы острогой в проруби у башкир.

Некоторые параллели объединяют башкир не только с населением Саяно-Алтайского нагорья, но и с эвенками: лущение с берега, форма черкана, управление лодкой стоя шестом, устройство остова шалаша с помощью развилки на одной из жердей, покрытие каркасных построек корой. Другие аналогии, также имеющие место в Южной Сибири, касаются, кроме того, угров, отчасти селькупов и кетов: возведение очага-камина, каркасные постройки с остовом из подрубленных жердей и лубяным покрытием, обувь с холщовыми (или суконными) голенищами с вшитым носком, затылочное украшение из бисера. Некоторые явления (форма остроги, битье рыбы из лука стрелами-лопаточками, применение подвесных петель на крупных зверей и пр.) встречаются на обширной территории Западной, Центральной и Южной Сибири: у народов Алтая, угров, селькупов, эвенков.

В культуре башкир есть элементы, с Алтаем не связанные, но имеющие аналогии в Восточной Сибири. Это — массивные нагрудники и шлемообразные головные уборы, напоминающие эвенкийские; манера украшения круглыми бляхами и вышивкой верхней женской праздничной одежды. Происхождение этих особенностей уводит к древним культурам Восточной Сибири; кроме эвенков, они встречаются у долган, юкагиров, отчасти — у северо-восточных палеоазиатов. Другой пласт, лежащий также за пределами Алтая, можно назвать угросамодийским. Он характерен для манси, хантов, ненцев, селькупов. В Европе эти элементы встречаются у саамов и коми-зырян. К ним относится сложный деревянный (скобообразный) лук, основные виды заборного рыболовства, западня для рыбы в виде лабиринта («котцы»), меховая короткая обувь для ходьбы на лыжах — часть охотничьего костюма.

* Нередко они не ограничиваются территорией Алтая и распространяются намного восточнее (в Прибайкалье, Приамурье), а иногда и южнее — в центральноазиатские степи.

Небольшая группа элементов проходит узкой полосой от Урала до Приамурья по Средней Сибири, захватывая угров и эвенков, селькупов и кетов, отчасти проявляется в Приамурье. Для этой территории характерно использование рыбки-приманки, применение остроконечных неустойчивых лодок, устройство крытых корой прямоугольных аласыков.

И наконец, часть элементов, по происхождению наиболее поздняя, имеет единственным источником угорскую среду. Их перечень включает срубные летние домики с несомкнутыми скаматами, ступательную площадку на лыжах и сложные способы их крепления с дополнительными петлями.

Краткая характеристика сибирских напластований приводит к мысли, что формирование культуры башкир — процесс многоступенчатый, сложный; он берет начало из глубины веков и в значительной мере связан с Сибирью. Однако мы должны оговориться, что это относится не ко всем башкирским племенам. Сибирское влияние затрагивает в большей степени горную Башкирию и Зауралье. Сейчас, по прошествии тысячи с лишним лет, когда произошла консолидация башкирских родов и племен не только в народ, но и в нацию, трудно определить, какие именно группы были связаны с Сибирью в первую очередь. Мы могли бы в их числе назвать табынцев, бурзян, часть кыпчаков (карагай-кыпчак?), телевцев. Однако для подтверждения этого потребуются убедительные доказательства, и не только этнографического плана.

В этой статье мы не ставим целью, изучив сибирские элементы, реконструировать сложные этапы древней истории башкир. Мы попытаемся сделать лишь некоторые предположения, основываясь, главным образом, на логическом анализе собранного материала.

Описанные слои в башкирской культуре сосуществуют, органично слиты в культурный комплекс. Преобладающими являются саяно-алтайские черты; при этом мы имеем в виду прежде всего северную часть Саяно-Алтайского нагорья, о чем говорят параллели с шорцами, северными алтайцами, тофаларами, кызыльцами. Сходство с народами Алтая пронизывает все области культуры, проявляясь не только в общих, но и в частных моментах. Оно настолько очевидно, что почти не оставляет сомнения в пребывании древних башкирских племен в какой-то период истории в Южной Сибири.

На первый взгляд неожиданным выглядит сходство декоративного оформления костюма башкир и народов Восточной Сибири (эвенков, эвенков, долган и др.); его можно объяснить, допустив контакты предков башкир где-то на юге Сибири, скорее всего в Прибайкалье, с пратунгусами. Взаимоотношения с тунгусской группой народов могли иметь характер продолжительный: с западными эвенками древние башкиры имели возможность общаться, передвинувшись в верховья Енисея и Оби.

Здесь же они испытали сильнейшее воздействие со стороны самодийских и угорских племен. Угорское влияние сопутствовало башкирам и в дальнейшем: археологические работы последних лет все более подтверждают мысль об угризации этнической среды Приуралья в первой половине и середине I тыс. н. э.¹³⁸. Общение с уграми и южными самодийцами нашло отпечаток не только в башкирской культуре. Еще в XIX в. некоторые башкирские роды назывались иштяками*. Этот термин зафиксирован кроме того у селькупов и обских угров.

Следует сказать несколько слов о близости юго-восточных башкир с южными чувашами и бесермянами — близости, которая могла возникнуть или в условиях тесного общения этих народов, или в результате включения в их состав одного и того же культурно-этнического компонента. В связи с этим приобретает значительный интерес поднятый в последние годы в научной литературе вопрос о нахождении предков чувашей на юге Западной Сибири¹³⁹. Эта гипотеза в какой-то мере подтверждается топонимическими и языковедческими материалами. Если эта мысль верна, то мы можем допустить, что культурное родство башкир с чувашами родилось до прихода в Восточную Европу. Тем более, что финноязычные племена и татары Поволжья не проявляют близости с Сибирью в такой мере, как это обнаруживают башкиры и часть чувашей**.

Дальнейший сбор материала обогатит содержание выделенных пластов. Дополнительные данные предоставят исследования в области духовной культуры и семейного быта. В то же время публикация новых работ по народам Сибири позволит в будущем точнее определить роль тех или иных компонентов в сложении культуры башкир.

¹³⁸ А. Х. Пшеничнюк. Кара-абызская культура. — АЭБ, т. 5. Уфа, 1973; В. Ф. Геннинг. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождение) — «Проблемы археологии и древней истории угров». М., 1973; К. Ф. Смирнов. Ранние кочевники Южного Урала. — АЭБ, т. 4. Уфа, 1971.

* Иштяками называли башкир казахи. Это название известно и среди башкир.

¹³⁹ Г. Корнилов. Итоги и задачи изучения проблемы сибирской прародины тюркских предков современных чувашей. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1969, стр. 220—222.

** С уверенностью мы можем говорить лишь относительно чувашской одежды. Материал по жилищу, охоте и рыболовству в плане связей с Сибирью пока не изучен.

**ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА**

Н. В. Бикбулатов, М. В. Мурзабулатов

**ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ЗАУРАЛЬСКИХ БАШКИР
В XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

За последние годы заметно возрос интерес к проблемам истории хозяйства башкир, особенно земледелия. Появились работы, в которых исследованы узловые моменты хозяйственного развития башкир, переход их от полукочевого скотоводства к оседлому земледелию, раскрыта прогрессивная роль сотрудничества различных народов в развитии производительных сил края¹.

Тем не менее многие вопросы хозяйственной эволюции башкир остаются неясными. История различных групп башкир протекала в неодинаковых природно-географических и исторических условиях. По-разному складывались в районах масштабы и темпы развития земледелия, система полеводства и ассортимент возделываемых культур, соотношение земледелия с другими направлениями производственной деятельности, некоторое своеобразие имели также социальные отношения. Поэтому важное значение приобретает изучение развития земледелия в пределах отдельных природно-хозяйственных зон. Настоящая статья ставит задачей проследить развитие земледельческого хозяйства на протяжении XIX — начала XX в. у башкир За-

¹ Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию). — «Археология и этнография Башкирии», т. 3. Уфа, 1968, стр. 261—321; Р. З. Янгугзин. Земледелие зауральских башкир в первой половине XIX в. — «Из истории Башкирии (дореволюционный период)». Уфа, 1968, стр. 165—173; его же. История земледелия на территории Башкирии (II тыс. до н. э. — начало XX в. н. э.). Автореферат канд. дисс. М., 1969; А. Н. Усманов. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. — «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии». Уфа, 1971, стр. 22—74; Х. Ф. Усманов. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству. — «Исследования по истории Башкирии XVII—XIX вв.». Уфа, 1973, стр. 71—109.

уралья, расселенных на территории Челябинской и Курганской областей. Кроме вопроса о масштабах земледелия в изучаемый период, его удельного веса в экономике, в ней рассматриваются также системы полеводства, применявшиеся зауральскими башкирами с конца XVIII в. вплоть до Октябрьской революции.

Затрагиваемые в статье вопросы, хотя и нашли то или иное освещение в этнографической литературе², в разрезе такого значительного исторического периода ставятся впервые.

* *
*

Традиционным занятием башкир Зауралья в течение многих веков было полукочевое скотоводство, которое в той или иной мере сочеталось с охотой, рыбной ловлей и земледелием.

Наиболее раннее известие о наличии у башкир этого региона посевов зерновых относится к 80-м годам XVII в.³ Однако это не значит, что они познакомились с земледелием лишь в этот период. Как и другие кочевники евразийских степей, башкиры, видимо, еще в начале II тыс. имели небольшие посевы зерновых, прежде всего ячменя и проса. Традиции возделывания этих злаков восходят ко времени обитания части древнебашкирских племен за пределами Урала. Многие исследователи истории скотоводческих народов придерживаются мнения, что хозяйство развитого кочевого общества всегда включало в себя и зачатки земледелия⁴.

Существенные сдвиги в башкирском хозяйстве происходят в XVII в., после присоединения к России. В это время в нем явно обозначилась тенденция роста удельного веса земледелия. Она была обусловлена рядом причин. Прежде всего, развитием производительных сил башкирского общества. Значительную роль сыграло также земледельческое население, переселившееся в зауральский край из внутренних областей России. Переселенцы — русские, татары — принесли с собой многовековые земледельческие традиции, орудия труда и способствовали распространению земледелия среди коренного населения. В это время масштабы земледелия у башкир оставались весьма скромными. Основным занятием населения Зауралья — салтьютов, сынгрян, терсяков, мякотинцев, восточных катайцев, айлин-

² С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 62—65, 113—122; Р. Г. Кузеев. Указ. соч.; Р. З. Янгужин. Указ. соч.

³ МНБ. ч. I. М.—Л., 1936, № 75, стр. 208—209.

⁴ Т. А. Жданко. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы). — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968; С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, стр. 175—180; Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, стр. 494.

цев, табынцев и других — по-прежнему было полукочевое скотоводство.

Однако земледелие набирало темпы, расширяло ареал своего распространения и с каждым десятилетием занимало заметно большее место в экономике зауральского населения. В начале XVIII в. оно стало, видимо, важной отраслью хозяйства, от которой в немалой степени зависело материальное благосостояние башкирского населения этого края. Именно об этом свидетельствует обращение башкира Карабаша «с товарищи» к тобольскому воеводе князю В. Л. Черкасскому, в котором он пишет, что у башкир-салютютов, терсяков и сынгрян — нынче «пора страдная, хлеб жать и сено косить»⁵. Несколько позже, в 1725—1726 гг., кунгурский бургомистр Юхнев сообщал, что в башкирских волостях, расположенных по восточную сторону Уральских гор, много сенокосов и пашни, что там сеют «ечмень да крупа»⁶. В первой половине и середине XVIII в. земледелие развивалось в рамках полукочевого скотоводства, дополняло его, почти не затрагивая основ скотоводческого хозяйства.

О состоянии земледелия во второй половине XVIII в. имеются сообщения русских путешественников И. И. Лепехина, П. С. Палласа и И. Г. Георги. По мнению академика И. И. Лепехина, в XVIII в. земледелие в зауральских степях играло еще подчиненную роль⁷. В плане нашей темы несомненную ценность представляет сообщение П. С. Палласа о сочетании скотоводства у башкир с земледельческим хозяйством. Летом, писал он, башкиры пасут свой скот на возвышенных местах, а осенью табуны и стада во избежание потравы хлебов перегоняют в долины⁸. Это замечание путешественника дает возможность заключить, что в XVIII в. нельзя было вести скотоводческое хозяйство без учета требований земледелия. Об этом же говорят наблюдения И. Г. Георги. По его словам, башкиры селились на удобных для хлебопашества местах, «во всякой хижине (имелись) ручная мельница или жернова». Обмолот снопов, отмечает он далее, производится не иначе, как неподкованными лошадьми⁹. Заметим, что такой способ был широко известен у других тюркоязычных кочевников. У башкир Зауралья и, особенно, юго-восточной части Башкирии он сохранился до Октябрьской революции.

Материалы, относящиеся к XVIII в., показывают, что земледелие в рассматриваемое время делало заметные успехи. В июле

⁵ МИБ, ч. 1, стр. 270—271.

⁶ Там же, ч. 3. М.—Л., 1949, стр. 486.

⁷ И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году, ч. 2. СПб., 1802, стр. 167.

⁸ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 2, кн. 2. СПб., 1786, стр. 9.

⁹ И. Г. Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. 2, кн. 2. СПб., 1796, стр. 97.

1774 г. И. де Колонг доносил князю Щербатову, что башкиры даже в мятежное время заготавливали сено и убирали хлеба¹⁰. Больше того, до восстания 1773—1775 гг. население горных заводов в известной степени обеспечивалось хлебом, выращенным башкирами Исетской провинции¹¹. Однако уровень развития земледелия в различных частях региона был неодинаковый. Он был относительно высокий у башкир северной и северо-западной частей Зауралья, где население рано столкнулось с земледельческими народами и отчасти под их влиянием, а главным образом из-за невозможности ведения скотоводства традиционными способами постепенно (хотя и медленно) начало переходить к земледелию. Башкиры восточной и юго-восточной частей Зауралья (современной Курганской области) в это время имели еще незначительные посевы.

Для определения роли земледелия в системе экономики того или иного общества, установления его специфических особенностей важное значение имеет ассортимент возделываемых культур. Можно считать общепризнанным, что полукочевники и кочевники евразийских степей имели определенное тяготение к таким яровым культурам, как просо и ячмень. Эти злаки сплошь и рядом ассоциировались в их языке и сознании с пищей и пищевыми растениями вообще. Пока трудно судить, насколько характерно было для зауральских башкир в прошлом возделывание проса, хотя некоторые данные позволяют предположить, что оно все же имело место. Более определено и с большей очевидностью можно утверждать, что знакомство их с ячменем имеет корни, идущие в глубь веков. Эта культура в диалектной речи зауральских башкир называется аштык — «пища, пищевое, съедобное». Многие традиционные кушанья и напитки, имеющие близкие аналогии в национальной кухне народов Южной Сибири, связаны с ячменем. И наконец, как уже отмечалось, имеются письменные свидетельства начала XVIII в. о том, что для башкир восточной части Урала характерны «емень да крупа». В XVII и особенно в XVIII в. традиционными культурами земледелия, по-видимому, были также яровая пшеница (*бозай*) и овес (*голо*). Они довольно тесно связаны с народной кухней, а овес ценился и как фураж. К тому же, забегая несколько вперед, можно сказать, что в начале XIX в. именно эти культуры мы застаем в качестве основных.

По всей вероятности, довольно рано познакомились башкиры, расселенные к востоку от Урала, и с рожью. В частности, о посевах ржи в Зауралье в 1770 г. упоминает П. С. Паллас¹². Однако начало возделывания ржи в регионе едва ли относится к более раннему времени, чем XVII—XVIII вв. Два обстоятель-

¹⁰ «Пугачевщина. Материалы по истории революционного движения в России XVII—XVIII вв.», т. 2. М.—Л., 1929, № 11, стр. 58.

¹¹ Там же, № 23, стр. 79.

¹² П. С. Паллас. Указ. соч., ч. 2, кн. 1, стр. 157.

ства говорят в пользу такого утверждения. Во-первых, имеются письменные свидетельства XVIII — начала XIX в. о предпочтительном отношении башкир к яровым культурам. Во-вторых, башкирское название этого злака (*арыш*), очевидно, русского происхождения. Остается только неясным, переняли ли башкиры этот термин непосредственно от русских или через посредство народов Поволжья. В любом случае проникновение ржи в практику башкирского земледелия, в том числе и в Зауралье, связано с притоком земледельческого населения из поволжских и центральных губерний России. Давней культурой считают башкиры Зауралья и горох. О нем упоминается в ряде произведений устнопоэтического творчества. В одной из сказок, записанной в д. Курамшино Челябинской области, повествуется о человеке, питавшемся главным образом горохом¹³.

Из технических культур зауральские башкиры издревле возделывали коноплю. Зерна ее они потребляли в пищу, кроме того она шла на выработку волокна и холста. Ручное ткачество на базе волокон конопли и шерсти было одним из развитых домашних промыслов зауральских башкир¹⁴. О выращивании конопли башкирами Исетской провинции во второй половине XVIII в. имеется свидетельство П. С. Палласа¹⁵.

Таким образом, несмотря на подчиненный, вспомогательный характер земледелия в хозяйственном комплексе башкир Зауралья, набор возделываемых культурных растений был довольно разнообразным. В нем решительно преобладали яровые, и, видимо, очень незначительное место занимала озимая рожь. Об этом говорит сообщение И. И. Лепехина о том, что башкиры в этом крае сеют «ячмень и овес, а озимовой хлеб для них за ненужной почитается»¹⁶.

Система земледелия, применявшаяся в Зауралье в XVII—XVIII вв., определялась, с одной стороны, вспомогательной ролью этой отрасли хозяйства, с другой — идущими издавна традиционными навыками. Башкирскому населению края была известна переложная система земледелия в самом типичном ее варианте. Земля после нескольких урожаев забрасывалась на 15—20 лет для естественного восстановления плодородия. Под посев выбирался другой, еще не разработанный участок. Переложные же земли служили пастбищами и сенокосными угодьями. При этой системе удобрение земли не применялось, длительная пастьба скота, естественно, обогащала почву и улучшала ее структуру. При наличии обширных участков земли, описанная форма землепользования удовлетворяла потребности башкира-

¹³ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 8, стр. 103.

¹⁴ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. — АЭБ, т. 1. Уфа, 1962, стр. 211—215.

¹⁵ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. 2, кн. 1, стр. 157.

¹⁶ И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 24.

земледельца. При расчистке новых участков в лесной зоне применялась и подсека. Под влиянием русского населения в башкирское земледелие стали проникать также элементы трехпольной паровой системы.

В начале XIX в. основная часть башкир вела комплексное хозяйство, специфику которого составляло тесное сочетание элементов оседлого земледелия и полукошевого скотоводства. С наступлением лета башкиры оставляли зимние жилища и откочевывали на летние пастбища. На летних кочевьях основной заботой их был уход за скотом. В зимние поселения возвращались, когда наступало время жатвы. После уборки хлебов многоскотные хозяйства откочевывали на осенние пастбища. Владельцы небольшого числа скота оставались в зимних жилищах. Традиции кочевого скотоводства были еще достаточно крепкими. Однако земледелие к этому времени стало важной составной частью хозяйства.

Основными причинами относительно быстрого распространения земледелия явились рост земледельческого населения (приток переселенцев и естественный прирост) и сокращение пастбищ и сенокосных угодий, что приводило к уменьшению поголовья скота. И все же в начале XIX в. скотоводческое хозяйство, несмотря на его экстенсивность, обеспечивало еще «минимальные нужды» скотоводческой башкирской семьи.

По свидетельству Н. С. Попова, зажиточные башкиры Шадринского уезда имели от 50 до 100 гол. рогатого скота, от 300 до 400 лошадей, средние — от 20 до 40 гол. рогатого скота и от 100 до 200 лошадей, бедные — соответственно 3—15 и 10—20 гол.¹⁷ К сожалению, у Н. С. Попова нет данных о среднем поголовье скота на один двор, о процентном соотношении выделенных им категорий хозяйств. Можно полагать, что подавляющее большинство относилось к третьей группе — бедных. Важно заметить, что и бедные и зажиточные башкиры обращались к земледелию. Бедные — потому что занятие скотоводством не давало уже достаточного минимума продукции, а зажиточные видели в земледелии дополнительную статью для роста своего благосостояния. Имели значение, несомненно, и изменившаяся структура потребления и спросы рынка. По словам Н. С. Попова, зажиточные имели до 5 и более десятин посевов, «маломочные» же засеивали «от 1 до 3 десятин»¹⁸.

С каждым десятилетием число скота (особенно лошадей) продолжало сокращаться. В 40-х годах XIX в. в среднем на одно хозяйство в том же Шадринском уезде приходилось лошадей 12, 14 гол., а крупного рогатого скота — 18, 58, овец и коз — 8,04 гол. По отдельным деревням среднее поголовье лошадей на

¹⁷ Н. С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. 3. СПб., 1813, стр. 17.

¹⁸ Там же, стр. 16.

хозяйство колебалось от 5,5 до 32, крупного рогатого скота — от 7,1 до 51,9, овец — от 4 до 15,9 гол.¹⁹.

По этим данным, среднее поголовье лошадей в 40-х годах ниже того уровня, который, по классификации Н. С. Попова, в начале века был характерен для категории бедных хозяйств. В то же время заметно возрос удельный вес крупного рогатого скота. Эти изменения свидетельствуют о переменах в структуре хозяйства, о росте земледелия и стойлового содержания скота. Посевы зерновых в этот период в уезде составляли 5,5 четвертей в среднем на один башкирский двор²⁰. Правда, колебания по отдельным деревням и юртам были значительные, что говорит о неравномерном развитии земледелия, об отсутствии твердых устоев хозяйства.

Аналогичная картина сложилась и в соседнем Екатеринбургском уезде, где было много горных заводов, построенных на бывших башкирских землях и нуждавшихся в товарном хлебе.

Таким образом, в рассматриваемое время на севере Зауралья уровень развития земледелия у башкир был довольно высоким. О башкирах Шадринского уезда в одном из документов 1847 г. отмечалось, что они «оседлы и занимаются довольно успешно хлебопашеством»²¹.

В относительно меньших размерах занималось земледелием в 40-х годах XIX в. башкирское население Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии. Правда, и здесь картина хозяйственной жизни была неоднородна. Многоземельные карабарын-табынцы занимались хлебопашеством «весьма мало»²². Сравнительно высоким был удельный вес земледелия в хозяйстве башкир-сартов и башкир-калмыков²³. Низшим уровнем развития земледелия характеризовалось хозяйство башкир-катайцев, населявших восточную часть Челябинского уезда²⁴. В «хлебопашестве, звериной ловле и скотоводстве упражнялись» башкиры-сызгинцы (Троицкого уезда)²⁵.

Таким образом, в первой половине XIX в. в башкирском хозяйстве произошло два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, полукочевое скотоводство теряло свое былое значение, с другой — набирало силу земледелие, ставшее к этому времени важной отраслью экономики.

Исследование распространения земледелия в зауральском крае показывает, что процесс этот шел с севера на юг. В определенной степени данное явление было связано с направлением продвижения земледельческих народов — русских, татар.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 414, д. 344, лл. 9об. — 19.

²⁰ Там же, лл. 69об. — 71а.

²¹ Там же, ф. ВУА, д. 18899, л. 69.

²² ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1886, л. 55.

²³ Там же, л. 89.

²⁴ Там же, л. 118.

²⁵ Там же, д. 940, л. 136.

О «сползании к югу» русского населения в поисках «пашенных мест» неоднократно говорил крупный исследователь истории Сибири В. И. Шунков. По его мнению, земледельческое освоение Зауралья русскими шло следующим образом: с конца XVI в. заселялось течение рек Тавда, Тура, Пышма, во второй половине XVII в. — бассейн р. Исеть, в последнюю его четверть — реки Теча и Мпасс. Неосвоенными оставались территория по верхнему течению р. Мпасс и бассейн р. Уй. Однако дальнейшее продвижение русских в южном направлении, отмечал В. И. Шунков, было остановлено «немирными башкирцами»²⁶. Маршруты продвижения русских, воспроизведенные исследователем, могут быть полезными при изучении роли русского крестьянства в развитии земледельческих традиций башкирского населения. Безусловно, коренное население Зауралья переняло у русских немало навыков ведения земледельческого хозяйства и орудий труда. Однако специфика земельных отношений, своеобразие сложившегося веками хозяйственно-бытового уклада, а также особенности природно-климатических условий требовали критического восприятия чужого опыта. Башкирская земледельческая культура складывалась как синтез различных компонентов, частью выработанных самим народом, частью заимствованных в разное время у различных этнических образований. Без учета этого обстоятельства трудно понять темпы развития и специфические особенности земледелия у башкир на протяжении последних столетий.

Темпы эти оказались довольно быстрыми. Но несмотря на сравнительную интенсивность развития и значительное влияние на этот процесс пришлое русское и татарское население, башкирское земледелие на протяжении всей своей истории отличалось некоторым своеобразием. Успехи земледелия у башкир почти всегда находились в непосредственной связи с кризисом и постепенным упадком традиционного скотоводческого хозяйства. Также и новые навыки и приемы ведения земледелия получали распространение лишь по мере того, как становились непригодными старые в силу изменившихся объективных условий. Отсюда поразительная консервативность применявшейся системы земледелия, довольно устойчивое постоянство ассортимента возделываемых культур и т. д.

В середине XIX в. земледельческое хозяйство башкирского населения Зауралья велось в тесном сочетании со скотоводством. Однако развитие земледелия вглубь было очевидным фактом, о чем свидетельствуют данные о посевах и урожае хлебов, извлеченные из отчета командующего Башкиро-мещерякским войском за 1850 г. (табл. 1).²⁷

²⁶ В. И. Шунков. Вопросы аграрной истории России. М., 1974, стр. 19.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 232, д. 65, лл. 5, 40—40 об.

Т а б л и ц а 1

Кантоны	Численность населения (обоих пола)*	Посеяно хлебов в (четвертях)		Собрано (в четвертях)	
		озимых	яровых	озимых	яровых
II	13038	4478	18671	13434	93355
III	17954	757	29331	3423	125583
IV	11862	1947	5983	15576	35898
VI	34872	4284	19385	21954	125356

Таким образом, во II кантоне (Екатеринбургский уезд) на душу населения приходилось 0,34 четверти озимых и 1,43 четверти яровых посевов, в III (Шадринский уезд) — соответственно 0,04 и 1,63 в IV (Троицкий уезд) — 0,16 и 0,50 и в VI кантоне (Челябинский уезд) — 0,12 и 0,56. Данные отчета свидетельствуют о том, что у башкир II и III кантонов размеры посевов хлебов были значительно больше, чем у населения IV и VI кантонов. Это давало им возможность поставлять часть хлеба на рынок. В 50-х годах башкиры III кантона торговали хлебом в Екатеринбурге, Шадринске, на Каслинском, Кыштымском, Каменском, Сысертском заводах²⁸.

У коренного населения Челябинского и Троицкого уездов земледелие было, как уже отмечалось «значительно слабее», чем у башкир зауральских уездов Пермской губернии²⁹. Однако и здесь оно продолжало развиваться. В 1864 г. в Челябинском кантоне, объединявшем тогда башкирское население Челябинского, Екатеринбургского и Шадринского уездов бывших (II, III и IV кантонов), на душу населения было посеяно в среднем по 1,44 четверти, Троицком — 0,90 четверти хлебов³⁰. По мнению исследователя Х. Ф. Усманова, эти данные несколько завышены. Но и с учетом этого факта они свидетельствуют о довольно быстром росте масштабов земледелия у башкир Зауралья.

В 70-х годах дальнейшее сокращение пастбищ, сенокосных угодий привело к обострению общего упадка скотоводства. В этих условиях земледелие становилось для большинства башкирского населения основным источником доходов. Однако многие хозяйства в этот период уже не имели минимума рабочего

* В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859, стр. 132.

²⁸ ЦГВИА, ф. 414, л. 344, лл. 9 об. — 19.

²⁹ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 13017, л. 38 об.

³⁰ Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 79.

скота, необходимого для выполнения полевых работ. Таким образом, сокращение поголовья скота, объективно стимулировавшее развитие земледелия в предшествующие десятилетия, теперь становится фактором, задерживающим этот процесс. Вследствие разорения основной массы башкирского населения площади посевов росли очень медленно или оставались на одном уровне. Так, по данным 1876 г., в Екатеринбургском уезде на душу населения приходилось посевов яровых хлебов: в Саринской волости — 0,66, Кульмяковской — 0,79, Метелевской — 0,49 и Черлинской 1,2 дес.³¹ Если исходить из расчета, что башкирская семья состояла в среднем из 5 человек, то каждая семья в Саринской волости имела 3,3 дес. посевов яровых хлебов, Кульмяковской — 3,95, Метелевской — 2,45 и Черлинской — 6,0. Несколько расширились посевы в Челябинском уезде. Имеются сведения о том, что башкиры этого уезда, населявшие Метелевскую, Черлинскую*, Мухаметкулеувскую, Сарт-Калмакскую и Китайскую волости, поставляли хлеб на челябинский базар³².

Большим препятствием в развитии земледелия были систематические неурожай. В засушливые годы погибали не только посевы, но и скот, в том числе и рабочий скот, необходимый для ведения земледельческого хозяйства. В середине 70-х годов XIX в. число скота в хозяйстве башкир сократилось до небывалых ранее размеров. Среднее количество скота у башкирского и русского населения Шадринского уезда показано в табл. 2.³³

Т а б л и ц а 2

Виды скота	Среднее количество скота на 1 хозяйство	
	русские	башкиры
Лошади	3,9	5,1
Крупный рогатый	3,0	2,1
Овцы и козы	5,77	4,8
Всего	14,07	12,0

Приведенные данные свидетельствуют, что на каждое башкирское хозяйство уезда приходилось на 2,07 гол. меньше скота, чем у русского населения. Известно, что в Оренбургской губернии скотоводство было более развито, чем в Пермской. Однако и оренбургские башкиры имели скота меньше, чем русские

³¹ ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 75, лл. 276—276 об.

* Метелевская и Черлинская волости входили в Екатеринбургский и Челябинский уезды.

³² Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 92.

³³ «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии». Пермь, 1877, стр. 133—134.

крестьяне. В Челябинском уезде, например, на одно хозяйство русских крестьян приходилось 12,06 гол. скота, башкир — 11,45 гол.³⁴ Соответственно меньше были у башкир и размеры посевов. Естественной, что многие башкирские семьи, фактически порвавшие со скотоводческим хозяйственным укладом и занимавшиеся земледелием, не могли обеспечивать продуктами своего хозяйства даже собственные нужды и были вынуждены пополнять «этот дефицит сдачей земли в аренду крестьянам различных уездов»³⁵.

Таким образом, в 70—80-х годах XIX в. земледелие, ставшее основным направлением хозяйства, находилось в состоянии кризиса. Положение усугублялось тем, что завершающийся этап перестройки хозяйственно-бытового уклада башкир этого региона совпал во времени с интенсивным развитием капиталистических отношений в деревне и сопровождался массовым разорением трудящегося населения. Земледельческое в своей основе хозяйство еще не свободно было от традиций полукошевого скотоводства: кое-кто выезжал на кочевки, вовлекая малосостоятельных соседей и родственников, держал кобылиц для кумыса и т. п. Но традиционное скотоводство, стержень которого составляло коневодство, окончательно утратило свое значение — оно стало компонентом земледельческого комплекса хозяйства. В этом плане высказанное ранее в этнографической литературе утверждение о смешанном земледельческо-скотоводческом характере хозяйства башкир уральских уездов в конце XIX — начале XX в.³⁶ нуждается в уточнении. Венгерский ученый Дьюла Месарош, посетивший Зауралье в 1909 г., писал, что башкирский «народ уже совсем оставил исконный быт и занимается земледелием»³⁷. Его сообщение согласуется с данными полевых исследований. По словам Х. К. Байрамгалина жителя д. Аминьво (бывшего Шадринского уезда), большинство местного населения в начале века занималось хлебопашеством. Богатые башкиры деревни, братья Закир и Мухаметгали Имановы, засевали по 40—50 дес. В хозяйствах бедных и малосостоятельных посевы зерновых, однако, не превышали 0,5—1 дес.³⁸ В д. Халитово близ г. Миасса богатые семьи имели до 30 дес., средние — 5—10. В зажиточных хозяйствах деревни хлеб производили не только для личного потребления, но и для продажи³⁹. Торговцы хлебом отмечены также в деревнях Яраткулово, Изяшево (Челябинский уезд), Каинкуль (Екатеринбургский уезд) и др. В волостях, расположенных вблизи Уральских гор,

³⁴ Х. Ф. Усманов. Указ. соч., стр. 86.

³⁵ «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии», стр. 129.

³⁶ Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 316—319.

³⁷ «Археология и этнография Башкирии», т. 1. Уфа, 1962, стр. 303.

³⁸ Полевые записи автора 1974 г., стр. 31.

³⁹ Полевые записи автора 1973 г., стр. 53

в частности, у башкир-сызгинцев, большую роль в хозяйственной жизни играли отхожие промыслы, главным образом, разработка леса. Однако и здесь лишь небольшая часть башкир не имела посевов.

Масштабы земледелия в Зауралье накануне мировой империалистической войны иллюстрирует табл. 3⁴⁰. В ней приведены данные лишь по Челябинскому уезду Оренбургской губернии, где в XVIII—XIX вв. земледелие развивалось более медленными темпами, чем в Екатеринбургском и Шадринском уездах, и скотоводческие традиции сохранялись дольше. Материалы таблицы убеждают в том, что и в этой части Зауралья земледелие прочно утвердилось в качестве главного направления хозяйства башкир.

Т а б л и ц а 3

Волости	Число хозяйств	Общая площадь посевов (в дес.)	Приходится посевов на 1 хозяйство (в дес.)				
			всего	пшеницы	ржи	овса	прочих культур
Катайская	1900	12964	6,82	4,47	0,97	1,02	0,36
Метелевская . . .	1304	10886	8,34	4,42	1,54	2,25	0,13
Мухаметкулуевская	2518	18571	7,37	4,14	1,26	1,83	0,14
Сарт-Калмакская .	2661	20823,03	7,82	4,70	1,30	0,98	0,84
Султаевская . . .	1354	6240	4,61	2,77	0,80	0,99	0,05
Черлинская . . .	480	1739	3,62	2,34	0,43	0,81	0,04

Однако нельзя преувеличивать уровень развития земледелия в Зауралье. Приведенные данные не отражают картину обеспеченности основной массы населения хлебом. Выше уже отмечалось, что земледелие у башкир данного региона становилось главной отраслью хозяйства в период интенсивного развития капиталистических отношений и этот процесс сопровождался имущественной дифференциацией населения, обнищанием подавляющего большинства народа. Поэтому посевы хлебов, как и поголовье скота, распределялись крайне неравномерно. Кроме того, полевое хозяйство велось примитивно и характеризовалось низкими урожаями.

⁴⁰ Данные к таблице извлечены из следующих источников: Бюллетень (оценочно-статистического отделения Оренбургской губернской земской управы), № 4. Количество скота, посевные площади и урожай хлебов в 1915 году. Оренбург, 1916; Журналы Челябинского уездного земского собрания 2-й очередной сессии 1914 г. Челябинск, 1915, стр. 103—106.

Конец XIX — начало XX в. отмечены рядом неурожаев. В Оренбургской губернии, в частности, неурожаи были в 1890, 1891, 1901, 1905, 1906, 1911, 1915 гг. По мнению исследователей аграрной истории России, Оренбургская губерния относилась к области «наименее устойчивых урожаев»⁴¹. В начале XX в. неурожаи случались через каждые три года. Особенно тяжелыми были 1911—1912 гг. В Троицком и Челябинском уездах сбор зерна в эти годы едва превышал посеянные семена. Отсутствие или недостаток семенного материала, естественно, вызывал сокращение посевов. После неурожая 1911 г. посевы в Оренбургской губернии сократились на 35,4 процента⁴². От периодических неурожаев страдало население и Пермской губернии.

Средний урожай пшеницы в период с 1905 по 1914 год по Шадринскому уезду составил менее 45 пудов⁴³. Это на землях государственных и помещичьих крестьян, земледельческая культура которых была выше, чем у коренного населения уезда. Низки были урожай и в Екатеринбургском уезде, которые едва превышали 40—60 пудов даже в наиболее благоприятные годы⁴⁴.

Неурожаи, случившиеся в первые десятилетия текущего века, привели к массовому разорению башкир. В «Материалах для описания экономического положения юго-восточного земледельческого района Екатеринбургского уезда» показано состояние башкирских хозяйств, перенесших неурожай 1911 г. В Карабольской волости, например, от засухи погибло 10 процентов посевов зерновых. Из хозяйств среднего достатка лишь одна треть создала необходимый запас хлеба, две трети были обеспечены своим хлебом только до января. У средних хозяйств не было семян, и сев мог производиться только покупными семенами. Часть средств на их покупку добывалась путем продажи приготовленных паров. Бедные и маломощные хозяйства волости не имели не только семян, но и необходимого продовольственного запаса хлеба.

В более трудном положении оказалось население Кульмяковской волости. В д. Кульмяково лишь 8,6 процента хозяйств располагало своим хлебом до нового урожая, у 81 процента населения запасов собственного хлеба хватало до 1 января и у 10,4 — вообще не было продовольственного зерна. В д. Биктимирово 4 хозяйства из 35 покупали хлеб с осени, остальная часть была обеспечена до 1 января; в д. Зырянкуль из 43 хозяйств 39 имели своего хлеба до 1 января, остальные — покупали; в д. Ямантаево из 20 дворов 3 были обеспечены до нового урожая, 15 — до 1 января и 2 — довольствовались покупным хлебом. Аналогичное положение было в деревнях Юлдашево и Ку-

⁴¹ «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири». Курган, 1971, стр. 456.

⁴² Там же, стр. 458.

⁴³ Там же, стр. 17.

⁴⁴ Полевые записи автора 1974 г., стр. 3, 75, 135.

лужбаево. В первой из них 3 двора из 20 были обеспечены своим хлебом до нового урожая, 15 — до 1 января и 2 — покупали на стороне; во второй — 3 хозяйства из 44 покупали хлеб с осени, 41 — было обеспечено до нового года⁴⁵. Обеспеченность семенами была не лучше. Собственные семена имели по 3 хозяйства в деревнях Юлдашево и Ямантаево и 6 — в д. Кульмяково. Остальные хозяйства семян не имели, что, естественно, влекло за собой очередное сокращение посевов и создавало, в конечном счете, неразрешимые трудности в расширении земледелия.

Сильно пострадала от засухи и третья башкирская волость Екатеринбургского уезда — Саринская. От стихийного бедствия здесь погибла половина посевов. Лишь очень немногие — богатые — хозяйства имели продовольственный хлеб в достаточной мере. Большинство населения питалось покупным хлебом. Семян же не имели почти все хозяйства волости. Все это серьезнейшим образом сдерживало дальнейшее развитие земледелия в крае.

В этих условиях часть населения, разорившись, уходила на сезонные работы на заводы или промышляла лесом, извозом и т. д. В начале XX в. в Екатеринбургском уезде из 1583 дворов, приписанных к сельским обществам, 215 (13,6 процента) не занимались земледелием. По отдельным сельским обществам процент дворов, не занимавшихся земледелием, колебался от 5 до 25⁴⁶. Среди башкир, не связанных с землей, большое распространение получило отходничество. Особой популярностью пользовалась работа на горных заводах. В 1904 г. 70 процентов населения Екатеринбургского уезда занимались теми или иными видами промыслов⁴⁷. К сезонным неземледельческим промыслам обращались башкиры и Шадринского уезда. Однако здесь постоянного неземледельческого населения практически не было⁴⁸.

* * *

*

Прежде чем перейти к рассмотрению системы земледелия башкир Зауралья с XIX — начала XX в., остановимся на вопросе о составе возделываемых культур в этот период. Как отмечалось выше, основное место в посевах в XVIII в. занимали ячмень и овес, выращивались также яровая пшеница, овес, озимая и яровая рожь, просо, горох. Ассортимент культурных злаков

⁴⁵ «Материалы для описания экономического положения юго-восточного земледельческого района Екатеринбургского уезда». Б. м. и б. г., стр. 30.

⁴⁶ «Список населенных мест Пермской губернии». Пермь, 1905, стр. 26—27, 33.

⁴⁷ «Обзор Пермской губернии за 1904 г.». Пермь, 1904, стр. 19.

⁴⁸ «Список населенных мест Пермской губернии», стр. 374—397.

в XIX в. остался примерно таким же, но существенно изменилось их соотношение в структуре посевов.

Удельный вес каждого из возделываемых растений и их соотношение между собой, обусловленные в значительной мере природно-климатическими условиями, находились также в прямой связи с изменениями в структуре хозяйства, спросом на рынке и политикой местных властей. Совокупность этих факторов влияла также на структуру питания, на взгляды людей о предпочтительности тех или иных культур и тем самым получала определенное идеологическое обоснование, которое оказывало обратное воздействие на породившие его факторы.

На протяжении XIX в. значительно уменьшилась доля ячменя в посевах, и эта культура, когда-то являвшаяся одной из главных, стала к началу нашего столетия третьестепенной. Наибольшими были посевы проса, полбы, гороха, хотя последний в некоторых местах пытались выращивать в большом количестве для восстановления плодородия почвы. Неуклонно увеличивалось в структуре посевов место яровой пшеницы. В первой половине XIX в. она занимала, в зависимости от конкретных условий отдельных кантонов, второе или третье место, а к концу XIX — началу XX в. стала главной хлебной культурой Зауралья. В этом плане развитие земледелия у зауральских башкир можно назвать развитием культуры пшеницы.

На втором месте по величине сбора зерна находился овес. Внимание башкир к нему объяснялось тем, что овес, будучи малоприхотливой культурой, давал более или менее устойчивые урожаи, даже в условиях примитивной агротехники. Меньшую долю в посевах зауральских башкир занимала озимая рожь — «главный хлебный злак» России. В обозрении пермского гражданского губернатора за 1837 г. отмечалось, что в зауральских уездах губернии «обыкновенная рожь заменяется большей частью ярицей, высеваемой весной». Причину этого явления составители документа видят в том, что «чернозем, в стране совершенно безлесной, подвергается величайшему влиянию ветра, которым посеянные на сих землях (Шадринского, Камышловского и Ирбитского уездов. — *Ред.*) озими в продолжении зимы выдувает с корнями и оттого земледельцы предпочитают употребление ярицы, которая по полноте и легковесности зерна, хотя и не может равняться с рожью, но родится нередко сам пять и более»⁴⁹. Однако значение этой культуры постоянно росло, и временами ей удавалось занять одно из главных мест в посевах. Примечателен в этом смысле отчет начальника III Башкирского кантона (Шадринского уезда) за 1841 год. В посевах башкир этого кантона рожь занимала 32,6 процента, овес — 33,3, яровая пшеница — 14,8, ячмень — 19,2 процента⁵⁰. Почти ана-

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 1281, оп. 3, д. 88, л. 16.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 414, д. 344, лл. 69 об. — 71а.

логичную картину мы наблюдаем 9 лет спустя в башкирских селениях Екатеринбургского уезда (II кантона): посевы ржи здесь составляли в 1850 г. 29,9 процента всех посевов, овса — 38,3, пшеницы — 18,4, ячменя — 13,3 процента⁵¹. Зато в Шадринском уезде (III кантон) в этот год удельный вес ржи в посевах падает до 2,5 процента⁵². В IV и VI кантонах рожь занимала в 1850 г. соответственно 24,5 и 18,9 процента посевов. В документе за 1860 г. указано, что в VI кантоне посевы ржи составляли 5,7 процента всех посевов, а по II, III и IV кантонам не значатся совсем⁵³. Нет каких-либо оснований полагать, что население совершенно перестало возделывать рожь. Скорее всего авторы документа не располагали необходимыми сведениями. Но сам этот факт, по-видимому, говорит о незначительности посевов ржи. В этом плане становятся понятными те меры, которые предпринимают официальные власти, чтобы заставить башкир «засевать известное количество десятин земли известного рода хлебом, преимущественно рожью, несмотря даже на то, что они вовсе не употребляли ее в пищу»⁵⁴. По данным цитируемого источника, в 1863 г. в III кантоне урожай ржи составил более трети общего сбора зерна, но в IV — доля ржи осталась крайне незначительной.

По-видимому, такие амплитуды в условиях башкирского хозяйства, испытывавшего длительный период перестройки, были неслучайными. Размеры посевов колебались в зависимости от различных причин: от засухи, падежа скота, наличия семян и т. д. «Сеет башкирец неодинаково, каждый год разное: сколько семян хватит, сколько силы хватает» — отмечалось в сборнике материалов по Пермской губернии⁵⁵. И колебания эти коснулись прежде всего ржи — культуры не традиционной, к которой отношение башкирского населения еще окончательно не определилось. Однако наблюдается и некоторая закономерность: до 40-х годов имеет место заметное увеличение посевов ржи, после чего наступает период их сокращения до минимальных размеров, а с 60-х годов снова начинается расширение площадей под этой культурой. Последний период связан с полным упадком полукочевого скотоводства и формированием земледельческого хозяйственного комплекса. К началу XX в. рожь прочно утвердилась в качестве третьей, а местами даже второй основной хлебной культуры в структуре посевов в Зауралье. Похоже, что бывшие скотоводы в конечном счете вполне оценили выгоду возделывания ржи для лучшей организации системы земледелия и обеспечения более постоянных урожаев.

⁵¹ Там же, лл. 51 об. — 53.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 1, 284, оп. 232, д. 65, лл. 40—40 об.

⁵³ Там же, д. 135, лл. 114 об. — 115.

⁵⁴ ЦГА БССР, ф. 2, оп. 1, д. 13017, л. 58.

⁵⁵ «Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией», вып. 4. Пермь, 1892, стр. 25.

Соотношение удельного веса основных зерновых культур в посевах зауральских башкир в начале XX столетия иллюстрирует табл. 4⁵⁶.

Т а б л и ц а 4

Название волостей	Посевы зерновых (в процентах ко всем посевам)				
	озимой ржи	яровой пшеницы	ячменя	ярицы	овса
Метелевская	19,45	52,11	0,45	0,39	27,0
Султаевская	17,75	60,01	0,01	0,33	21,75
Мухаметкулуевская	17,02	56,11	0,31	0,58	24,68
Сарт-Калмакская	25,50	60,0	0,20	0,10	12,0
Катайская	14,5	65,0	1,5	0,2	14,0
Черлинская	11,84	64,50	0,08	0,60	22,48
В среднем по уезду	18,27	54,9	0,40	0,21	21,0

Как видно из табл. 4, во всех башкирских волостях больше половины посевов занимала яровая пшеница, а в двух волостях под этой культурой находилось около двух третей посевных площадей. Овес и озимая рожь находятся соответственно на втором и третьем местах, но кое-где удельный вес ржи доходит до 20—25 процентов. Обращает внимание тот факт, что данные о посевах отдельных культур в башкирских волостях очень близки к средним цифрам по уезду, хотя некоторые различия наблюдаются. Следовательно, аналогичная структура посевов, обусловленная природными и социально-историческими условиями края, была характерна также для русского крестьянства в уезде.

Ярицу постигла та же участь, что и ячмень. Популярная в первой половине XIX в., она занимала в начале XX столетия небольшое место в посевах. И та и другая культуры были распространены неравномерно. В Метелевской, Султаевской и Мухаметкулуевской волостях, находившихся на северо-западе Челябинского уезда, имелись соответственно 35, 30,5 и 67 дес. посевов ярицы. В двух волостях, расположенных в восточной части уезда — Сарт-Калмакской и Катайской — под ярицей было всего 6 дес.⁵⁷ В Зауралье возделывался двухстрочный и многострочный сорта ячменя. Но в начале XX в. его выращивали не всюду. В 1915 г. башкиры Сызгинской и Тунгатаровской

⁵⁶ «Журналы Челябинского уездного земского собрания... 1914 г.», стр. 103—106.

⁵⁷ Там же.

волостей Троицкого уезда его вовсе не сеяли. Не было его и в Мавлютовской волости Челябинского уезда. В других волостях этого уезда — Катайской, Метелевской, Мухаметкулеувской, Сарт-Калмакской, Султаевской, Черлинской, Алабужской и Танрыкульской — посевы ячменя колебались от 0,7 до 211 дес.⁵⁸

К началу нашего века перестали сеять полбу. Проса сеяли немного. Небольшие посевы этой культуры были лишь в степных волостях Челябинского уезда — Сарт-Калмакской и Катайской⁵⁹. О возделывании гороха мы располагаем очень скудными, в основном полевыми, материалами. В 1890 г. в Челябинском уезде было посеяно всего 140 четвертей гороха⁶⁰. По сведениям информаторов, в начале XX в. небольшие посевы гороха имелись у башкир деревень Яраткулово, Сагитово, Ишално, Подьясово, Танрыкулево, Бакаево Челябинского уезда, д. Уразбаево Троицкого уезда, деревень Каинкуль, Сарино Екатеринбургского уезда и д. Аминеево Шадринского уезда⁶¹. Таким образом, возделывание гороха башкирским населением Зауралья на рубеже XIX—XX вв., несомненно, имело место. Важно отметить, что в ряде деревень Зауралья горох считали почвоулучшающим растением. Некоторые хозяйства находили целесообразным занимать горохом поля, отводимые для парования⁶². В небольших масштабах сеяли гречиху. Из технических культур в Зауралье возделывали лен, который, получив распространение в конце XVIII в., постепенно вытеснил коноплю. В отдельных хозяйствах его посевы доходили до 0,5 дес.⁶³. Для получения волокон использовали также коноплю, особенно посконь, но это растение, окультуренное еще в древности, к началу XX в. возделывалось в очень малом количестве и почти всюду одичало.

К началу XX в. относятся первые опыты травосеяния. По данным земства, в 1914 г. в двух башкирских волостях Челябинского уезда — Метелевской и Мухаметкулеувской — имелись посевы трав: в первой — 3, во второй — 2 дес.⁶⁴

Довольно сложную и своеобразную картину представляло развитие системы земледелия у зауральских башкир. На протяжении всего XIX в. широко распространен был перелог. В то же время в практику земледелия прочно вошло парование зем-

⁵⁸ Бюллетень (Оценочно-статистического отделения Оренбургской Губернской земской управы), № 4.

⁵⁹ «Журналы Челябинского уездного земского собрания... 1914 г.», стр. 103—106.

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 223, д. 158, стр. 158.

⁶¹ Полевые записи автора 1973 г., стр. 38, 112; стр. 73; 1974 г., стр. 31, 102.

⁶² Там же, 1974 г., тетрадь 1, стр. 8.

⁶³ Бюллетень (Оценочно-статистического отделения Оренбургской Губернской земской управы), № 4.

⁶⁴ «Журналы Челябинского уездного земского собрания... 1914 г.», стр. 103—106

ли. Видимо, это обстоятельство дало основание некоторым исследователям полагать, что еще в конце XIX — начале XX в. у башкир, в том числе и их зауральской группы, параллельно существовали трехпольная и переложная системы⁶⁵. В действительности перелог и пар в Зауралье представляли не две системы, а были элементами одной системы полеводства. В сущности это была паровая система, сочетавшаяся с периодическим забрасыванием истощенных полей в перелог (залежь). Такая комбинированная система с теми или иными различиями в XVIII—XIX вв. применялась и русскими крестьянами Зауралья и Западной Сибири⁶⁶. Известна она была и в Европейской России⁶⁷. Она была менее интенсивной, чем трехполье, но способствовала более полному восстановлению плодородия почвы. Неслучайно, что и русское крестьянство, привыкшее к трехполью с культурой ржи, гам, где позволяли площади пашенных земель, обычно предпочитало эту комбинированную залежно-паровую систему.

В результате отсутствия четкого расчленения полей, строгого чередования озимы, яровых и пара, разнообразия возделываемых культур и множества межей посева представляли пеструю картину. Видимо, отсюда пошло понятие «пестрополье», применявшееся в крае для обозначения такой системы полеводства. «Система полеводства в Екатеринбургском уезде, можно сказать одна — читаем мы в одном из изданий 90-х годов прошлого века, — именно пестрополье с паром». «Насколько обычно пестрополье в уезде, — говорится в нем далее, — настолько обычно и парение при нем, и только в двух-трех местах... вместо парения практикуется после трех-четырёхгодичного посева запускание пашни на несколько лет под залежь. Впрочем, при парении наиболее истощенные пашни запускаются на 2—3 (года), а иногда на большее число лет»⁶⁸.

Существовала определенная закономерность в размещении посевов. На одном поле сеяли, как правило, яровую пшеницу, на другом — овес, третье было под паром. Не следующий год поле, бывшее в пару, отводилось под пшеницу, на подпарок сеяли овес, а поле, освободившееся из-под овса отводилось под пар. Удобрение почвы почти не применялось. В этих условиях через определенный промежуток времени неизбежно наступало истощение почвы и участок забрасывался на несколько лет. Таким

⁶⁵ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 113—114.

⁶⁶ М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965, стр. 152; Л. М. Русакова. Орудия труда и системы земледелия в Западной Сибири (конец XVIII — начало XIX в.) — «Русское население Поморья и Сибири (период феодализма)». М., 1973, стр. 293.

⁶⁷ Л. В. Милов. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.». Рига, 1963, стр. 284—288.

⁶⁸ «Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии». Екатеринбург, 1891, стр. 125.

образом, перелог был не единственным способом восстановления плодородия почвы, а дополнением к пару; он являлся составным элементом паровой системы земледелия. Применявшаяся, видимо, уже в первой половине XIX в. и просуществовавшая до начала нашего столетия, эта система заметно отличалась от классического трехпольного парового земледелия. Характерным признаком трехполья является строгая разбивка поля на три части и возделывание на них в определенной последовательности озимых и яровых хлебов: одно поле отводилось под озимые, как правило, под рожь, — другое под яровые (пшеница, ярица, овес, ячмень и др.), третье было под паром. В следующем году озимое поле занималось яровыми хлебами, яровое — отводилось под пар, по пару сеяли озимые. Удобрение было одним из способов поддержания или повышения плодородия земли. В башкирском же хозяйстве посевы озимых имелись, но даже в начале XX в. не превышали 20 процентов посевов, что само по себе исключало правильную трехпольную паровую систему. Таким образом, в Зауралье бытовала залежно-паровая система с двухпольным (яровые — пар) и трехпольным (озимые — яровые — пар) севооборотами. Сравнительно ранее проникновение ржи в практику башкирского земледелия, интенсивный хозяйственно-культурный обмен с русским населением, довольно большие площади посевов ржи в первой половине XIX в. дают основание полагать, что паровая система с элементами трехполья стала применяться башкирами по крайней мере с начала XIX в.

Описанная система мало изменилась и к началу XX в. По словам информатора А. З. Бигильдина, жителя д. Якупово Красноармейского района Челябинской области, пшеницу и озимую рожь сеяли в основном по пару, овес — на подпарок. Выпахавшееся поле оставлялось на несколько лет для восстановления плодородия. Отдохнувшая земля (*карагура*) вновь включалась в севооборот⁶⁹. Земля, заброшенная под кратковременный перелог, использовалась в качестве пастбища или сенокосных угодий⁷⁰. По мере роста удельного веса посевов ржи и уменьшения земельных угодий росло применение трехполья.

* *
* *

В XIX в. в хозяйственно-бытовом укладе башкирского населения Зауралья произошли значительные перемены. В прошлом скотоводы-номады стали оседлым народом, основным занятием которого было земледелие. Естественно, эти изменения в известной мере были подготовлены социально-экономическим развитием башкирского общества в предшествующие столетия. Важ-

⁶⁹ Полевые записи Н. В. Бикбулатова 1972 г., стр. 7—8.

⁷⁰ Полевые записи автора 1973 г., стр. 119.

ное значение имели также развитие промышленности, строительство и рост городов, крестьянская колонизация края. Сказалась также и колониальная политика официальных властей, выражавшаяся в систематическом отчуждении так называемых свободных башкирских земель. Власти отбирали у коренного населения пригодные для хлебопашества земли, лишая его тем самым пастбищ, сенокосных угодий.

Все эти внешние и внутренние факторы привели к общему упадку традиционного скотоводческого хозяйства и способствовали развитию земледелия. Положительное влияние оказало также пришлое население края — русские и татарские крестьяне. Башкиры переняли многие навыки и приемы ведения хлебопашества, а также некоторые орудия труда.

Процесс перестройки хозяйства на земледельческий лад был неравномерным. На севере и северо-западе региона — в Екатеринбургском, Шадринском уездах и в смежных районах Челябинского уезда — уровень развития земледелия в первой половине XIX в. был более высоким, чем на юге и востоке. В Троицком уезде наиболее земледельческой была северная часть, населенная башкирами-сызгинцами. В середине века земледелием занималась основная часть башкирского населения края. Однако в хозяйственной жизни и бытовом укладе народа немалую роль все еще играли традиции полукочевого скотоводства: часть населения не оставляла летних кочевков, гулевой скот по-прежнему тебеневал.

В последние десятилетия XIX в. земледелие заняло ведущее место в башкирском хозяйстве.

Ассортимент возделываемых культур в начале XIX в. был довольно разнообразным. В последующее время их состав заметно сузился, существенно изменилось соотношение культур в структуре посевов. Яровая пшеница, удельный вес которой был в первой половине XIX в. относительно невысоким, стала к концу века основной культурой. Посевы овса в башкирском хозяйстве всегда были значительными, временами он занимал первое по площади место. Доля озимой ржи была неодинакова: до 40-х годов XIX в. ее посевы постоянно росли. В последующее десятилетие площади под озимью резко сократились. Однако с 60-х годов они снова стали возрастать. К концу XIX в. рожь стала второй после пшеницы культурой. Остальные культуры сеяли мало.

Претерпела изменения и система полеводства. Перелог уступил место паровой системе. Однако это еще не было трехпольем в его классической форме. Парование полей органически сочеталось с забрасыванием истощенных земель на кратковременный перелог (залезь). По мере уменьшения земельных угодий и интенсификации хозяйства росли элементы трехполья. Кто-то из богатых башкир в начале XX в. начал первые опыты возсеяния.

М. Г. Муллагулов

БАШКИРСКИЕ ЛЫЖИ

Лыжи известны башкирам с давних времен. В условиях Башкирии, большая часть территории которой характеризуется резко выраженным горно-лесным рельефом, наличием глубоких снежных покровов в зимне-весеннее время, лыжи зимой и верховой конь летом были надежными транспортными средствами. Эту особенность башкирского быта отмечал в начале XX в. С. И. Руденко¹.

Археология не располагает данными о применении лыж древним населением Башкирии. Однако факт обнаружения лыж времен мезолита на территории Коми АССР в районе Синдорского озера² дает нам возможность предполагать, что лыжи вполне могли находить применение и у древнего населения Южного Урала. Основанием тому могут послужить аналогичные климатические условия (снежная зима) и схожий образ жизни (занятие охотой).

Некоторые свидетельства о лыжах, об их применении населением Башкирии и соседних территорий в былые времена дают исторические документы и народный фольклор. Арабский путешественник Абу-Хамид, побывавший в соседней с Башкирией Волжской Булгарии в XII в., так описывал бытовавшие там лыжи: «Обе досточки взаимосвязаны длинным ремнем, похожим на узду для лошадей, который держат в левой руке. В правой руке держат длинную палку, длиной в высоту человеческого роста»^{2а}. Более подробное описание тогдашних болгарских лыж дается в опубликованном Ц. Дублером варианте путешествия Абу-Хамида в Восточную Европу: «Дорога к ним (ра-

¹ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 252, 342.

² Г. М. Буров. В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968, стр. 31, 37.

^{2а} Цитируется по кн.: Г. М. Буров. Указ. соч., стр. 36.

зумеется, северным народам — *примечание Б. Заходера*) по земле, которую никогда не оставляет снег; прикрепляют люди к голеним своим дощечки, специально приготовленные; длина каждой дощечки — один ба' (равняется трем метрам — *примечание Б. Заходера*), а ширина ее одна пядь; передняя и задняя часть этой дощечки приподняты от земли, а в середине место, куда вставляет идущий свою голень, и там дыра; вот они прикрепляют голени свои ремнями из крепкой кожи и привязывают между двумя дощечками, что на ногах, длинными шандал подобно лошадиным поводьям, берут их в левую руку, а в правую посох по длине ноги, нижняя часть посоха походит на мяч из материи, набитый значительным количеством шерсти, такой же величины, как человеческая голова, но весьма легкий; (идущий) опирается на эту палку, на снег, палка толкает его в спину, подобно тому, как действует моряк на судне»³.

В литературе известно, что в X—XIII вв. Западная Башкирия входила в состав Булгарского государства, так что описываемые типы лыж вполне могли иметь распространение и у башкир.

Не менее ценны в этом отношении материалы, имеющиеся в башкирских шежере. В частности, из шежере минцев, усерган, кипчаков, бурзян и тамьянцев мы узнаем, что направленные ими к царю в XVI в. «оба посольства добирались до Москвы на лыжах»⁴. Почти аналогичное сообщение мы находим и у И. Казанцева, который, опираясь на шежере названных выше племен и родов, пишет: «Депутаты отправились в Москву на лыжах, так что потомки их доселе еще рассказывают своим детям о дальнем походе их прадедов к Грозному...»⁵.

Значительный материал о башкирских лыжах, об их широком применении в прежние времена не только на охоте и в быту, но и в межплеменных войнах, сообщают старинные легенды и народные предания. В легенде «Род пяри», записанной в д. Тимирово Бурзянского района, упоминается о мифическом существе пяри, передвигавшемся на одной лыже⁶. В деревне Баймырза Баймакского района рассказывают о блестящей победе башкир над вторгшимися в их земли казахами, одержанной благодаря тому, что башкиры передвигались на лыжах⁷. В другом предании из того же района (д. Абдулкаримово) говорится

³ Б. И. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. 2. М., 1967, стр. 66.

⁴ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. Л., 1925, стр. 237; его же. Башкиры. Историко-этнографические очерки, стр. 34, 252.

⁵ И. Казанцев. Описание башкирцев. СПб., 1867, стр. 5.

⁶ «Башкорт легендалары». Офэ, 1969, стр. 62.

⁷ Архив ИИЯЛ, оп. 32, ед. хр. 11, стр. 37.

о большой роли лыж как средства передвижения и о том внимании, какое придавали башкиры лыжному искусству⁸.

Данные об использовании башкирами лыж встречаются и в этнографических исследованиях XIX в. В ряде работ указывается, что ясак, который платили башкиры Русскому государству, из-за неимения дорог, доставляли они в Казань на лыжах⁹.

Лыжи как важное средство передвижения и как снаряжение охотника у башкир были описаны в монографии С. И. Руденко. Отмечая в общих чертах типы лыж, бытующие в конце XIX — начале XX в. у башкир, автор подчеркивает их большое хозяйственное значение. С. И. Руденко отмечает сходство башкирских лыж с лыжами, характерными для населения всей таежной полосы Европейской части СССР и Сибири¹⁰.

Настоящая статья ставит своей целью дать подробную характеристику башкирских лыж и выяснить их местные особенности.

Основным источником для статьи послужили материалы, собранные автором в 1971 г. в составе этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в юго-восточной части Башкирии — Аургазинском, Гафурийском, Ишимбайском, Мелеузовском, Баймакском, Бурзянском, Абзелиловском и Белорецком районах, а также его личные наблюдения предшествующих лет. Кроме того, использованы материалы этнографической экспедиции 1972 г., охватившей исследованием башкирское население Курганской и Челябинской областей, а также фотоматериалы предыдущих экспедиций Института*.

Лыжи, бытующие и бытовавшие у башкир в недалеком прошлом, подразделяются на два основных типа: камусные и голицы. Однако в зависимости от назначения и территории распространения каждый из них имеет разновидности, различающиеся между собой по размерам, материалу, форме носка и ступательной площадки, наличию или отсутствию носового отверстия, способу крепления к ногам, способу прикрепления камуса к деревянной основе и другим техническим деталям. По назначению башкирские лыжи бывают обыкновенные, используемые в повседневном обиходе, и специальные охотничьи. В отличие от многих народов Сибири**, у башкир использование тех или

⁸ Полевые записи автора, 1971, тетр. 1, стр. 45.

⁹ И. К а з а н ц е в. Указ. соч., стр. 5 и др.

¹⁰ С. И. Р у д е н к о. Башкиры, 1955, стр. 252.

* Рисунки к статье выполнены В. М. Шутовой.

** Например у кетов лыжи делились на «зимние (крытые камусом) и весенние (голицы-локтак) для хождения по насту» (Е. А. Алексеевко. Поездка к кетам Елогуй. — СЭ, 1959, № 1, стр. 119); или: «Охотники зимой ходили на лыжах, которые делали сами, — читаем мы относительно хаитов рек Сыня и Куноват, — для весны широкие, обклеенные камусом..., для морозов, без меха, голицы, сделанные из кедрового или елового дерева» (З. П. Соколова. Хаиты рек Сыня и Куноват. — «Материалы по этнографии Сибири». Томск, 1972, стр. 32).

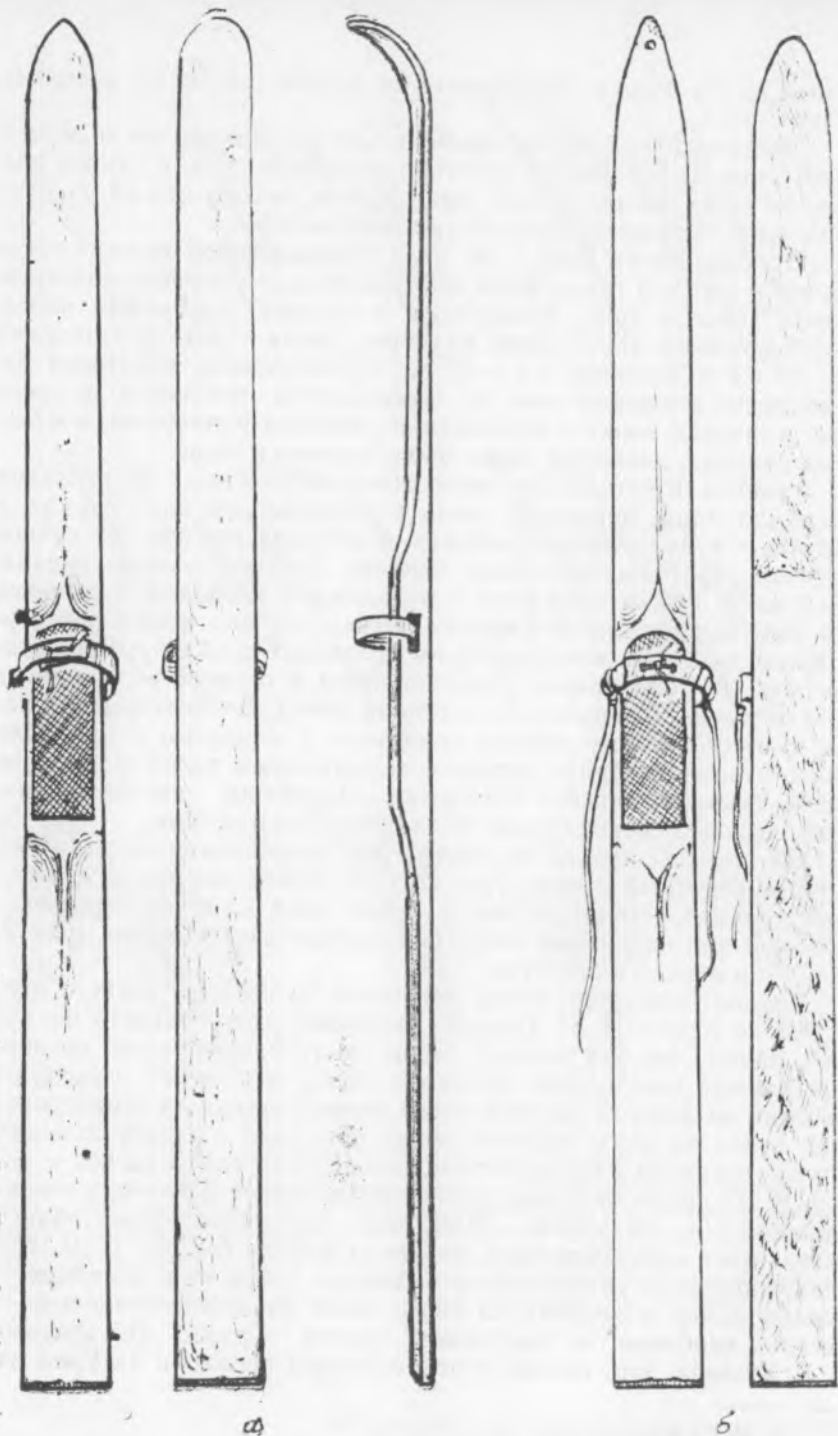

Рис. 1. Типы лыж:
а — простые, б — охотничьи (камушенные).

ных видов лыж в зависимости от сезона четко не разграничено.

Простые лыжи могли применяться как зимой, так и весной. Камусные лыжи предпочтительно использовались в зимнее время: по насту на них ходить было нельзя, потому что их меховая обшивка обдиралась твердой снежной коркой.

Простые лыжи (рис. 1, а) представляли собой прямые узкие доски с плоской скользящей поверхностью с умеренно заостренными (иногда даже туповатыми и тупыми) загнутыми передними концами. Их средние размеры: длина — 1,6—2 м, ширина 8—10 см и толщина — 1,5—2 см. Существовала некоторая зависимость размеров лыж от особенностей местности: в степи встречаем лыжи с относительно малыми размерами, а в лесных районах, наоборот, лыжи были длиннее и шире.

Техника изготовления лыж была несложная. Материалом служили пльм, черемуха, сосна в горно-лесной части, осина и береза — в лесостепных районах. Выбирали прямое без сучков дерево, обрабатывали ствол топором, а затем — после предварительной сушки заготовки — отделявали скобелем и резцами до получения желаемой формы. Отверстия для ремня просверливали каленым металлическим стержнем или вырубали стамеской. Загибали лыжи распариванием в горячей воде, иногда в этих целях использовали тлеющий навоз. В некоторых случаях загнутую форму лыжам придавали с помощью рубки. Для этого старались брать дерево с естественным загибом, которое легче было подвергать обработке. Подобным способом делались лыжи из сосны, трудно поддающейся загибанию.

На простых лыжах (голицах) для закрепления ноги имелся один поперечный ремень (рис. 2а). В горной местности к нему, как правило, прикреплялись с боков одна или две веревочки, которые при надевании лыжи завязывались на подъеме (рис. 2, б, в, г), а иногда и на пятке.

Велика была роль голиц при охоте по первому снегу и особенно по насту. П. С. Паллас, описывая охоту башкир на куниц, пишет, что они «одним только поступают образом: по первой пороше изыскивают примерно следы сих зверей и следуют за ними на лыжах». Весной после первых оттепелей и наступавших вслед за ними морозов, образовавшаяся на снегу ледяная корка создавала благоприятные условия для охоты на коз и лосей. В это время башкиры выслеживали диких животных и преследовали их на лыжах. Животные, поминутно проваливаясь сквозь наст и поранив ноги, не могли бежать быстро. С. И. Руденко подобный способ охоты наблюдал у бурзян и катайцев¹¹. Гоньба диких животных по насту была распространена повсеместно, особенно на восточном склоне Урала. По мнению Р. Г. Кузеева, этот способ охоты башкиры принесли на Урал из

¹¹ С. И. Руденко. Указ. соч., 1955, стр. 25.

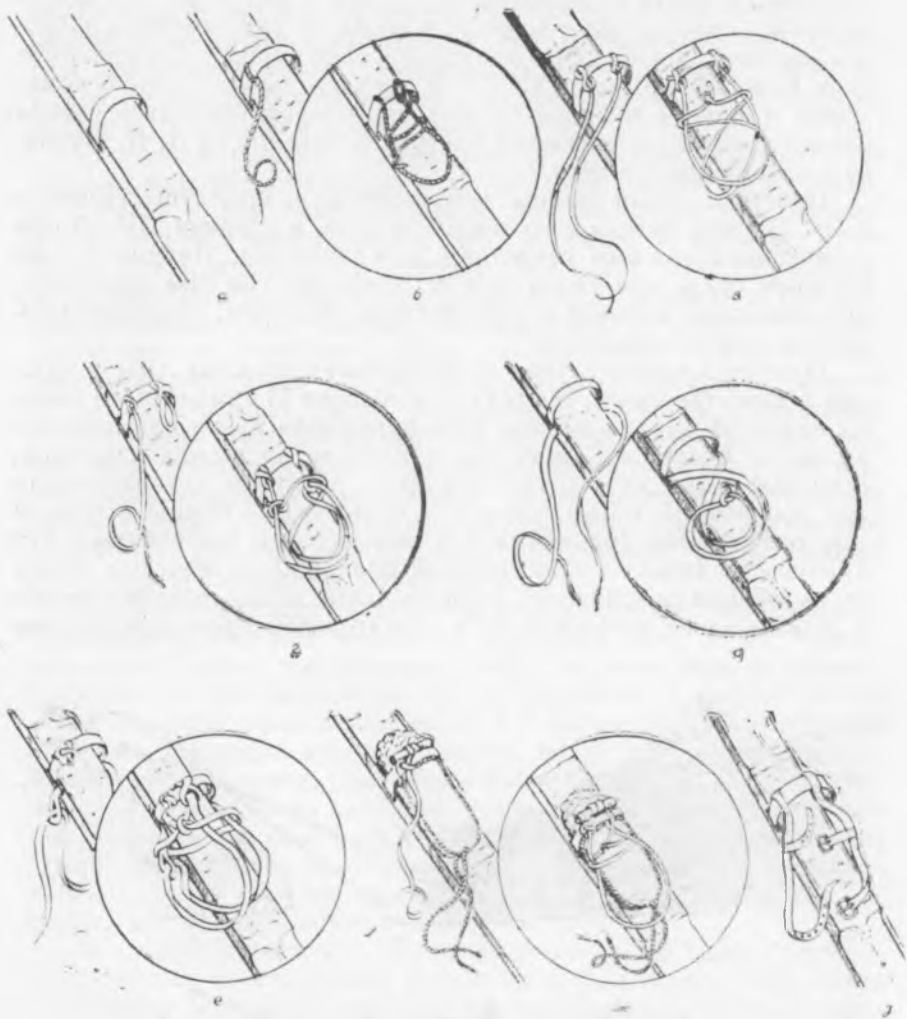

Рис. 2. Способы крепления ноги на лыжах:

а — простейшее, *б* — с петлей для носка и одной боковой веревочкой, *в* — с петлей для носка и двумя боковыми веревочками, *г* — усовершенствованный тип предыдущего крепления, *д* — со свободно передвигающимся ремнем (Бурзянский район), *е* — с двумя петлями — для носка и пятки (горная часть Абзелюловского района), *ж* — со специальными лаптями и палочкой (горная часть Ишимбайского района), *з* — «фабричный» тип крепления.

Западной Сибири и приаральских степей в IX—X вв.¹² И действительно, гоньба диких животных по насту там получила широкое распространение. Она отмечена у всех народов Сибири и Севера Европейской части СССР. У эвенков, манси, хантов, коми-зырян и других народов Севера часто практиковалась гоньба оленей и лосей по снежному насту. Об этом писал Д. В. Мурзаев в начале нашего века¹³.

Простые лыжи-голицы использовались преимущественно в быту. На них ходили и женщины, и дети, и старики. Зимой они становились важным средством передвижения. Например, они служили средством связи между деревнями, на них передвигались башкиры к своим хозяйственным объектам, удаленным порой на многие километры.

Известны также случаи использования простых лыж у башкир в качестве саней. Жители д. Кобясово Ишимбайского района еще в 50-х годах нашего века применяли лыжи для перевозки груза. Весной по насту они привозили на лыжах ильмовые, осиновые ветки для скота. Для этого на лыжи устанавливали три поперечные палки длиной в один метр. Концы основной (средней) палки привязывали к лыжам теми веревочками, что имелись на лыжах у ступательной площадки, а передняя палка своими концами вдевалась в специальные петли, прикрепленные к лыжам на их возвышении от ступательной площадки; задняя

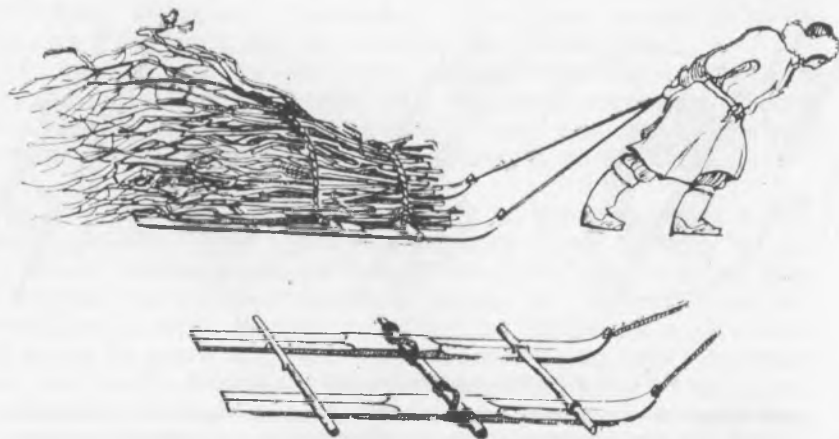

Рис. 3. Способ перевозки груза на лыжах: а — сани из лыж с грузом, б — общий вид саней.

¹² Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. — АЭБ, т. 3. Уфа, стр. 281.

¹³ Д. В. Мурзаев. Охота на маралов в Енисейской губернии. — «Наше хозяйство», 1900, № 85, стр. 65.

палка накладывалась на лыжи без прикрепления. Удобно погрузив ветки на эти примитивные сани, привязывали груз к концам поперечных палок с помощью веревок из лыка¹⁴ (рис. 3). Такой же способ перевозки груза зафиксирован нами в ряде деревень Бурзянского и Белорецкого районов.

Охотничьи голицы отличаются от повседневных лыж несколько большими размерами, материалом (делаются из легкого дерева) и, как правило, имеют носовое отверстие. Длинной и шириной они превышают и меховые лыжи. К примеру, охотничьи лыжи, которые мы видели в 1971 г. в д. Старо-Мунасипово Бурзянского района, имели длину 270 см, ширину — 12, среднюю толщину — 0,7, толщину ступательной площадки — 2,5 см. Расстояние от переднего конца до отверстия для ременного крепления равнялось 125 см. Ступательная площадка длиной 33 см представляла собой возвышение, имеющее продольные углообразные пазы по краям. Характерной особенностью данных лыж, помимо большого размера, является то, что у них ступательная площадка располагается почти на передней половине лыжной доски. Лыжи, несмотря на большую длину, достаточно легкие, так как сделаны из сосны. На носовой части каждой лыжи имеется отверстие для бечевки.

Однако у башкир, как и у народов Сибири, подлинными охотничьими лыжами считаются подшитые (рис. 1, б). Камусные лыжи удобны при подъеме в гору: жесткий ворс на нижней поверхности, приглаженный по направлению к задней части лыж, тормозил скольжение назад и в то же время значительно облегчал движение вперед. Помимо этого они имели другое, важное для охотника, удобство — были бесшумны при скольжении. Подшитые лыжи особенно удобны в горно-лесной местности. Именно там они и получили наибольшее распространение. Лыжи прежде покрывались шкурой косули или оленя, теперь в большинстве случаев для этой цели употребляется мех с передних ног молодой лошади.

Мех прикрепляется к лыжам по-разному. В одних случаях мех, сшитый из отдельных кусков по форме лыжи, натягивали с помощью ремешков своеобразной шнуровкой по верхней плоскости лыжи (рис. 4, а). В других — мех снизу или по бокам прибавали мелкими гвоздями (рис. 4, б). Был известен еще один способ крепления камуса к лыжам, не отмеченный в этнографической литературе о башкирах — приклеивание его кровью животного. Жители д. Ассы Белорецкого района Хасан и Сабир Абзаловы рассказывают: «Раньше охотники приклеивали к своим лыжам боскак (мех), используя скисшую лошадиную кровь, углы камуса при этом зашивали животными жилами или стягивали ремешками»¹⁵. Подобный прием крепления камуса

¹⁴ Материал сообщен аспирантом ИИЯЛ БФАН СССР А. Вильдановым.

¹⁵ Полевые записи автора, 1973, стр. 7.

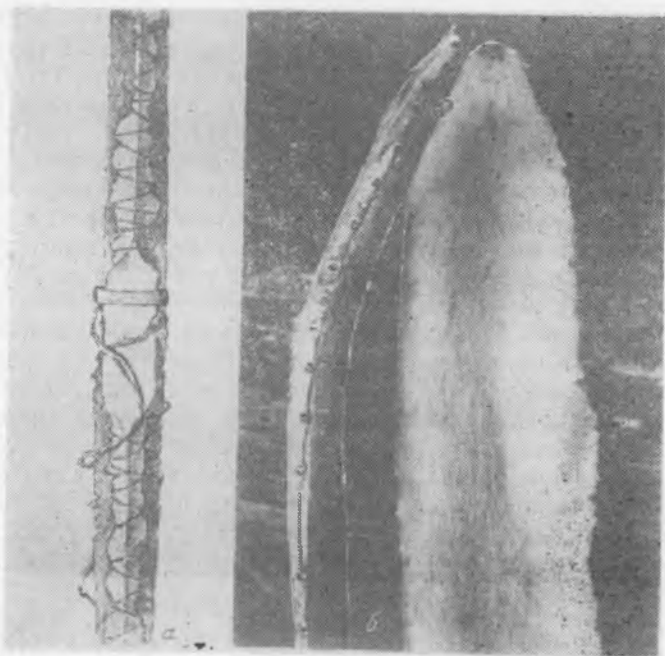

Рис. 4. Способы прикрепления обшивки из меха:
а — шнуровкой, б — гвоздями.

зафиксирован также в Бурзянском районе. При всех названных способах обшивка лыж производилась таким образом, чтобы ворс меха был направлен к заднему концу лыжи. Это приходилось учитывать особо, так как обшивка лыжи шивалась из отдельных кусков и довольно часто из разных шкур. Сколько кусков меха шло на одну пару лыж у башкир, можно установить, используя данные по другим народам. «Для изготовления одной пары лыж,— пишет Э. Л. Львова о чулымских тюрках,— требовалось 18 оленьих камусов или 12 лосиных, так как для обшивки лыж употребляли особую часть камуса — «спинку» или «продольную шерсть»¹⁶. Если исходить из того, что лыжи у башкир были почти в два раза уже, чем у чулымцев, то можно заключить, что на башкирские камусные лыжи расходовалось мехового материала настолько же меньше.

На охотничьих лыжах, кроме описанных выше, применялись также другие несколько усложненные способы крепления. Широко было распространено крепление, состоящее из петли для носка и длинной боковой веревки (рис. 2, б, г). Становясь на сту-

¹⁶ Э. Л. Львова. Лыжи и нарты чулымских тюрков. — «Материалы по этнографии Сибири». Томск, 1972, стр. 142.

Р и с. 5. Общий вид ступательной площадки с креплением и положение ноги на ней.

пательную площадку, лыжник вдевал носок в петлю и боковой веревкой (или ремешком) обхватывал ногу у пятки и конец бечевки кренил снова к передней, петле *.

Наиболее древним, по словам информаторов, было крепление со свободно передвигающимся ремнем ¹⁷ (рис. 2, д). При данном способе ремень, имеющий большую длину, продевается через лыжное отверстие так, что концы его проходят навстречу друг другу, оставляя наверху петлю для носка. Охотник вставляет ногу в петлю и затягивает концы ремня, тем самым носок надежно крепится к лыже; затем, чтобы носок не выходил из петли, концы ремня, перекрещиваясь, охватывают ногу у ступни и крепко завязываются или у шиколотки, или на пятке. Достоинство данного способа крепления — величина носовой петли меняется в зависимости от размера ноги. Лыжи с этим креплением были распространены в верховьях реки Белой. Данное крепление мы не встречаем у сибирских народов; оно не зафиксировано и у народов Восточной Европы.

Значительный интерес вызывает крепление с помощью палочки. Надо отметить, что в таких случаях надевали специальные глубокие лапти. Оно состоит из носовой петли, длинной боковой веревки и палочки. При данном способе крепления охотник вставляет носок в петлю и боковой веревкой обхватывает

* В настоящее время широко практикуется так называемый «фабричный» тип крепления (рис. 2, з). Он в приемах и способах повторяет прежние традиционные способы, но и отличается от них. Здесь крепящие ремни соединяются друг с другом с помощью специальных металлических пряжек. «Фабричное» крепление прочно и удобно.

¹⁷ Полевые записи автора, 1973, стр. 7.

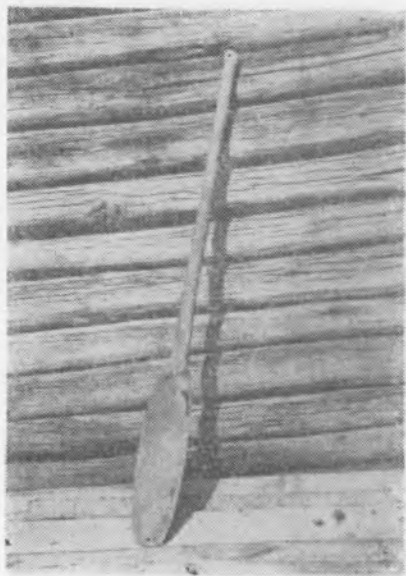

Рис. 6. Охотничья лопата.

ми Абзелиловского района.

Передвигались на лыжах с помощью посоха (*саңғы таяғы*). Как правило, в качестве посоха служила охотничья лопата (*һунар көрәге*) (рис. 6). При отсутствии ее пользовались обычной палкой из березы или черемухи длиной в рост человека.

Деревянная лопата была обязательной принадлежностью охотничьего снаряжения в зимнее время. С ее помощью устанавливали в снегу капканы и прочие охотничьи приспособления, при надобности окапывались сами. Кроме того, лопата или палка служила опорой для лыжника-охотника при спусках с гор. Судя по полевым материалам, у башкир в прошлом охотник пользовался палкой, имеющей на верхнем конце железный наконечник. В данном случае палка служила не только в качестве опоры, но и как охотничье оружие — копье. Вероятно это имел в виду П. С. Паллас, когда писал: «Зимой, собравшись обществами, ходят башкиры по их следам (зверей.— М. М.), травят собаками и убивают копыями»¹⁸. Использование копья как посоха и оружия в литературе отмечено и у долган, у которых копье называется аналогичным башкирскому *һөңгө* термином *унуу*. Между *һөңгө* и *унуу* имеется сходство в их устройстве. «Копья

ногу у пятки, а затем конец веревки пропускает через петлю для носка и в туго натянутом положении завязывает на подъеме. Чтобы петля не сползала, на носке спереди петельного ремня устанавливается палочка, вдеваемая концами в специальные лямки* (рис. 2, ж; рис. 5). Крепление с помощью палочки зафиксировано нами в д. Кибячево Ишимбайского района, в бурзянских деревнях Галиакберово и Ямашево.

Встречаются лыжи с креплением из двух петель — одна, как всегда для носка, а другая, имеющая произвольную величину, для петли. Способ крепления ноги к лыже показан на рисунке 2, е. Это крепление практикуется охотника-

* Такие лямки на лаптях делают еще при их плетении.

¹⁸ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786, ч. 2, кн. 1, стр. 25.

«унуу», — пишет А. А. Попов, — представляют кинжаловидные планки, насаженные на древко, длиной около полутора метров¹⁹. На саамском материале Т. В. Лукьянченко высказала предположение о том, что в более далеком прошлом роль лыжной палки выполняло копьё или гарпун²⁰. Это предположение находит подтверждение в башкирском и долганском примерах. Использование же охотничьей лопаты в передвижении на лыжах — явление характерное для всей таежной полосы Евразии.

Дошедшие до нас башкирские лыжи всех видов — и голицы, и камусные — имеют специальную ступательную площадку. При изготовлении лыжной основы средняя часть доски, на которую ставили ногу, почти не снимается, в результате получается небольшое возвышение (рис. 1, а), заканчивающееся углами к носовой и задней части лыжи, сбоку в ступательной площадке выдалбливается отверстие, через которое продевается ремень для крепления ноги к лыже. Боковые выемки, вырубленные с двух сторон ременного отверстия, предохраняют нижние концы петли от трения и торможения лыж по снегу. Иногда для этого по верхним бокам ступательной площадки снимали углообразный паз*.

Ступательная площадка предохраняла лыжи от поломок, удлиняла срок их службы. В то же время она внесла существенные изменения в устройство лыж. Если на лыжах, распространенных в Сибири, отверстия для крепления приходится пробивать вертикально насквозь через всю лыжную основу, то на башкирских лыжах подобное отверстие выдалбливается горизонтально поперек ступательной площадки. При этом нижняя поверхность сохраняется, что обеспечивает прочность лыж и гладкость их скользящей поверхности. Наряду с этим ступательная площадка имела и некоторые неудобства — лыжи становились более массивными и относительно тяжелыми.

Наличие на лыжах ступательной площадки — явление характерное для народов Европы, но редко встречается у народов Сибири. «Особая форма лыж со ступательной площадкой характерна в Сибири только для хантов и манси», — отмечает В. В. Антропова²¹. Они зафиксированы и у селькупов, но имели очень ограниченное распространение. Г. И. Пелих из наблюдений журналиста В. Матова приводит следующее сообщение: «Охотничьи

¹⁹ А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган. — «Памяти В. Т. Богораза (1865—1936)». М.—Л., 1937, стр. 147—207.

²⁰ Т. В. Лукьянченко. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX в. М., 1971, стр. 67.

* Место для ступни раньше снабжалось куском бересты или кожи, а теперь в этих целях обычно используются резина, брезент.

²¹ В. В. Антропова. Лыжи народов Сибири. — «Сборник МАЭ», т. 14. М.—Л., 1953, стр. 31.

лыжи мастера отличались от лыж остальных членов бригады не только исключительной тонкостью работы, но и легкостью. Снеговые мешки * на них отсутствовали, зато имелись особые подставки для ног. Благодаря им ступня лыжника стоит на 8—10 см выше поверхности поволоки. Подставки, естественно, меньше чем мешки предохраняют от замерзания снега под подошвой. Зато даже при особо рыхлом снеге они в значительной мере устраняют тормозящий момент, что позволяет развивать большую быстроту. Подставки употребляют только самые лучшие охотники»²².

На Западе лыжи со ступательной площадкой в виде специального возвышения отмечены у русских. Они обнаружены в древнем Новгороде в слое XIII в. В. В. Арциховский относит их к скоростным типам лыж и отмечает, что изобретение скоростных лыж современного типа произошло не позже XIII в.²³. Подобные лыжи бытуют у саамов на Кольском полуострове²⁴, а также у карел, финнов суоми и скандинавских народов²⁵. У народов коми такой подставкой служила прибитая к средней части лыж дощечка или береста²⁶. Что касается народов Сибири, то у них лыжи со ступательной площадкой В. В. Антропова выделяет в особый приобский тип²⁷. Наличие у башкир таких лыж можно было бы объяснить этнокультурными связями в прошлом с обскими уграми, но башкирские лыжи по другим признакам (общая длина и ширина лыж, форма и высота ступательной площадки) заметно отличаются от обско-угорских. Вполне возможно, что раньше и у башкир имелись лыжи обско-угорского типа, но в процессе длительных и довольно интенсивных культурно-исторических связей с народами Восточной Европы, в первую очередь с русскими, а также в связи со снижением роли лесной охоты они претерпели значительные изменения. Можно допустить также, что среди башкир в отдаленном прошлом имели применение лыжи и без специальной ступательной площадки.

* Речь идет о специальном приспособлении для защиты ног от снега, которое представляет собой холщовый мешок, прибитый на место крепления, в который засовывалась нога. Мешок стягивался вокруг ноги при помощи задержки. Встречался у манси, селькупов. См.: В. В. Антропова. Указ. соч., стр. 24, 26 (рис. 25).

²² Г. И. Пелих. Происхождение селькупов. Томск, 1972, стр. 26.

²³ А. В. Арциховский. Средства передвижения. — «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», ч. I. М., 1969, стр. 316.

²⁴ Т. В. Лукьянченко. Указ. соч., стр. 68.

²⁵ Р. Ф. Гароева. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 63—64; В. В. Антропова. Указ. соч., стр. 32.

²⁶ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 143.

²⁷ «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 85—86.

Рис. 7. Перевозка груза при охоте (деревины Ассы, Бриш и другие Белорусского и ряд деревень Бурзянского раянов).

Все охотничьи лыжи, в отличие от «обиходных», имеют отверстия на головках. Носовое отверстие просверливается насквозь и в большинстве случаев имеет небольшую петельку, пропускаемую через это отверстие. Когда охотник шел по проторенной дороге, он тянул лыжи за веревку, привязанную к этим петелькам (рис. 7). Иногда охотники, скрепив лыжи, волокни на них убитого зверя. Такое использование охотничьих лыж, по-видимому, было распространено широко среди народов Сибири и Европейского Севера. Во всяком случае оно зафиксировано у таких отдаленных друг от друга народов, как карелы и чулымские тюрки²⁸. Лыжи с носовым отверстием встречаются также у эвенков, манси и долган.

Нередко башкирский охотник, выходя на охоту на лыжах, брал с собой запасную пару лыж, на которые, как правило, была нагружена его поклажа²⁹. В этом отношении башкирский материал переключается с тем, что сообщил в свое время Рашид-ад-дин об урянхатах. «Рядом с теми чанэ,— писал он,— на которых сами находятся, они ташат привязанными другие (лыжи); на них они складывают убитую дичь»³⁰. Подобный способ использования лыж отмечен и у других народов. «У тунгусов для перевозки скарба при пешем кочевании,— пишет М. Г. Левин,— нередко употребляются связанные между собой две лыжи, которые служат ручной нартой, везомой женщинами, иногда с помощью впрягаемой в эту импровизированную нарту собаки»³¹.

²⁸ Э. Л. Львова. Указ. соч., стр. 143; Р. Ф. Тароева. Указ. соч., стр. 64.

²⁹ Полевые записи автора, 1966, стр. 53.

³⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1. М.—Л., 1952, стр. 124.

³¹ М. Г. Левин. О происхождении и типах упряжного собаководства. — СЭ, 1946, № 4, стр. 82.

В. Н. Чернецов наблюдал у манси на р. Тап (приток Конды) ручную охотничью нарту из пары лыж, скрепленных двумя планками³². Наконец, интересен в этом плане и хантыйский материал, находящий свое отражение в народном фольклоре. В частности, Г. И. Пелих, сообщая о зимней охоте предков хантов на лыжах, пишет: «Для того, чтобы вывезти добычу, лыжи связывались друг с другом и за ремни, продетые в дырочки на передних концах лыж, привязывались к лошади. Затем на лыжи, как на сани, нагружалась добыча, и конь вез ее домой»³³.

Вполне возможно, что исходной точкой в эволюции полозного транспорта могли быть именно лыжи. Приведенные наблюдения говорят в пользу высказанного Г. М. Буровым мнения, что первым изобретением в полозном транспорте были лыжи, а не сани³⁴.

Подтверждением этой мысли может служить сходство терминов для лыж и саней. У башкир общераспространенным названием для лыж служит слово *саңғы* (другой вариант — *саңға*), а сани называются *сана*. Им соответствуют в других тюркских языках *чангы* ||*чаңғы*|| *шангы* и *чана* — слова, имеющие общий корень. На эту связь терминов лыж и саней указывала и В. В. Антропова. «У некоторых народов — пишет она, — можно обнаружить связь между названиями лыж и саней; наиболее ярко это прослеживается у тюркских народов»³⁵.

По всей вероятности, *саңғы* ||*саңға*||*чангы* — слово производное, образованное от основы *чана*||*сана* путем добавления словообразующего аффикса *-ғы* или *-ға*. Эту мысль на широком лексическом материале обосновал С. Н. Муратов, который пишет, что башкирское *саңғы* ‘лыжи, обитые шкурой’ тат. *чангы*, казах. *шангы* ‘лыжи’, кирг. *чаңғы* ‘плетенные лыжи’, (для ходьбы по снегу в горах) являются производными корневой части основы *чана*||*сана* — *чанак* путем присоединения аффикса *-ғы* со значением орудия, приспособления³⁶.

Производный характер термина *чангы*||*саңғы* может натолкнуть на мысль, что лыжи могли возникнуть из саней. Эта воз-

³² Цитируется по кн.: М. Г. Левин. Указ. соч., стр. 82.

³³ Г. И. Пелих. Указ. соч., стр. 281.

³⁴ «Первоначально в качестве саней служили связанные лыжи, — пишет он, — затем человек начал строить сани специально» (Указ. соч., стр. 37). Это мнение можно подкрепить и тем фактом, что у многих северных народов был распространен установленный на лыжеобразных полозьях охотничий щиток, напоминающий в конструкции примитивные сани (см. А. А. Попов. Указ. соч., стр. 160 и его же. Нганасаны — «Материальная культура», вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 29—30; Г. М. Василевич. Ессейско-чирингдинские эвенки. — «Сборник МАЭ», т. 13, 1951, стр. 158—159; С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 313).

³⁵ В. В. Антропова. Указ. соч., стр. 28.

³⁶ С. Н. Муратов. Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках. — «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, стр. 341.

возможность исключается рядом обстоятельств. Во-первых, *чана*||*шана*||*сана* не у всех современных тюркских народов обозначает сани; у народов Саяно-Алтайского нагорья и чулымских тюрков этим термином обозначают лыжи³⁷. В этом же значении в форме *чанэ* он зафиксирован еще в XIV в. Рашид-ад-дином³⁸. При этом он отмечает, что лыжи *чанэ* знают в большинстве областей Туркестана и Могулистана. Во-вторых, изложенный выше этнографический материал говорит скорее всего о том, что эволюция шла не по линии приспособления саней в качестве лыж, а наоборот. В ином случае мы можем предположить существование в отдаленном прошлом некоего универсального транспортного средства, явившегося исходной формой одновременно и саней и лыж, но более близкого к лыжам. Это средство, видимо, чуть ли не у всех тюркских племен нашло название *чана* с теми или иными вариантами, и лишь позднее, с дифференциацией саней и лыж, произошло разветвление терминов. Но многие народы, особенно население Саяно-Алтайского нагорья, сохранили за лыжами их древнейшее название.

Говоря о терминологии, необходимо отметить, что *саңғы* не является единственным названием лыж у башкир. Некоторые башкирские племена применяли особые названия для подшитых и простых лыж (голиц). Китайцы, живущие на р. Инзер, соседние им табынцы, отчасти юрматынцы и небольшая часть бурзян *саңғы* называют только камусные лыжи, а голицы именуется *калтагай*. Похоже, что и этот термин тяготеет к востоку. На наш взгляд, он обнаруживает некоторую близость с якутским *хаптагай* и алтайским *кангай*³⁹ и имеет общую семантическую основу с шорским *калбрак*, хакасским *холбрак*, которые обозначают одновременно и лыжи-голицы, и доску. И башкирский термин *калтагай*, по мнению лингвиста А. Г. Биешева, связан со словом *куңалтай* 'голый'⁴⁰.

Таким образом, бытующие у башкир оба названия лыж свидетельствуют о глубоких во времени связях этого транспортного средства с материальной культурой населения Сибири и Центральной Азии. Нельзя не заметить идущую с древних времен поразительную близость терминологии у тюрко-монгольских, особенно у тюркских народов Сибири, Средней Азии и Урало-Поволжья. Можно не сомневаться, что древние племена, давшие начало современным родственным народам этих регионов, были знакомы с лыжами, что и обусловило отмеченную общность в терминологии. В этой связи большой интерес представ-

³⁷ В. В. Антропова. Указ. соч., стр. 5; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, стр. 44; его же. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, стр. 153; Э. Л. Львова. Указ. соч., стр. 141, 149.

³⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1, стр. 124.

³⁹ В. В. Антропова. Указ. соч., стр. 27—28; «Историко-этнографический атлас Сибири», стр. 80, 83.

⁴⁰ Устное сообщение А. Г. Биешева.

ляют свидетельства китайских источников о существовании лыж в середине и второй половине I тыс. н. э. у племен дубо, милигэ и эчасы, живших на Саянском нагорье, у северных шивзев, обитавших в районе хребта Тугэ⁴¹, а также у народа басими, жившего к югу от Байкала⁴².

Говоря об устройстве башкирских лыж, мы должны учесть одно существенное обстоятельство: старинных башкирских лыж не сохранилось ни в музейных собраниях, ни в частных коллекциях, а дошедшие до наших дней экземпляры и применяющиеся в современном быту более или менее модернизированы. Однако и они в значительной части имеют ряд традиционных черт, позволяющих установить некоторые аналогии и заглянуть в их прошлое. По конструктивным особенностям башкирские лыжи, и голицы, и камусные, последние в большей мере, — близки к саяно-алтайскому типу прямых лыж. Наличие ступательной площадки сближает их с лыжами хантов, манси и селькупов. В Восточной Европе, как уже отмечалось, аналогичные лыжи имеются у русских, финнов суоми, карел, лопарей и коми. С Сибирью и Севером Европейской части СССР связана и география таких черт, как наличие носового отверстия на лыжах, применение их в качестве ручных нарт (саней), а также некоторые способы крепления. В то же время у башкирских лыж есть особенности, которые можно отнести пока к области национальной специфики. Это — крепления со свободно передвигающимся ремнем, с помощью палочки, приклеивание камуса скисшей кровью и т. д.

Изложенный материал не может претендовать на исчерпывающую полноту, поскольку предстоит еще изучение ряда этнических групп башкир, живущих в северной и северо-западной части территории их расселения. И все же можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. Лыжи относятся, несомненно, к древнейшим видам традиционных средств передвижения башкир.

2. Башкирский материал подтверждает высказанную Г. М. Буровым, В. В. Антроповой и Э. Л. Львовой мысль о наличии генетической связи между лыжным и санным (нартенным) транспортом.

3. Терминология, устройство лыж и некоторые особенности применения их в быту и хозяйственной деятельности свидетельствуют об имеющих глубокие хронологические корни этнических и культурно-хозяйственных связях предков башкир с населением Южной и Западной Сибири, с тюркскими и угро-самодийскими племенами.

⁴¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 354, т. 2, 1950, стр. 78.

⁴² И. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 49.

Эти связи прослеживаются в той или иной мере во всей материальной культуре и хозяйственных навыках и традициях башкир⁴³.

4. В процессе изменений в хозяйственно-бытовом укладе башкир и в результате культурных связей с другими народами края в средствах передвижения башкир, в том числе и в лыжном транспорте, появились признаки, сближающие их с этими народами, в первую очередь с русским.

⁴³ См. статью С. Н. Шитовой «Сибирские таежные черты в хозяйстве и материальной культуре и хозяйстве башкир» в настоящем сборнике.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

В. З. Гумаров

ЛЕЧЕБНЫЕ СРЕДСТВА ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БАШКИРСКОЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Не следует краснеть заимствованию у
народа средств, служащих его излечению

Гиппократ

Интерес к башкирской народной медицине возник довольно рано. Сведения о народных средствах лечения и «изгнания» болезней содержатся в трудах известных ученых путешественников П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги. В XIX — начале XX в. появляются этнографические и санитарно-антропологические работы, в которых немало внимания уделено состоянию санитарии и гигиены среди башкир, их воззрениям, взглядам на причины и природу болезней, применявшимся ими лечебным средствам и способам¹. Некоторые из них посвящены специальному изучению народной медицины. Однако в этих работах она освещена далеко не полностью. Некоторые же из них пронизаны нигилизмом по отношению к народной медицине, что было характерно для значительной части деятелей дореволюционной науки в России.

Более результативным оказался практический интерес к опыту и навыкам башкирского народа в этой области. Прежде всего через башкир Россия познакомилась с целебным напитком кумысом. Лечебные свойства кумыса получили признание у же

¹ В. А. Арнольдov. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Казань, 1895; Н. Ф. Катанов. Народные способы лечения у башкир и крещенных татар Белебеевского уезда Уфимской губернии. — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», 1900, т. 16, вып. 1, стр. 1—14; Д. П. Никольский. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899; С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. Л., 1925; и др.

в первой половине XIX в. В конце прошлого и начале нашего столетия стало модным обычаем ездить в Башкирию «на кумыс». Во многих башкирских деревнях можно было в то время встретить людей, приехавших восстановить с помощью кумыса пошатнувшееся здоровье, избавиться от недугов. Несколько летних сезонов провели в башкирских кочевьях Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. В 90-е годы XIX в., в связи с жестоким голодом и массовыми заболеваниями, внимание ученых привлекали практический опыт и знания народов России, в том числе и башкир, по использованию дикорастущих трав в пищу и лечебных целях.

В советское время началось по-настоящему научное изучение народной медицины как специфичной области культурного наследия прошлого. Медицинская наука видит в ней один из важнейших источников обогащения арсенала средств лечения и профилактики болезней. Историко-этнографической науке изучение народной медицины дает богатый материал для наиболее полного освещения культурной и отчасти этнической истории народов.

В настоящей статье дан краткий обзор лекарственных средств животного происхождения, применявшихся башкирами в прошлом. Как известно, вплоть до середины XIX в. башкиры занимались преимущественно скотоводством, была довольно развита и охота. Естественно, лечебные средства животного происхождения имели у них широкое распространение. Поэтому в первую очередь именно эта область башкирской народной медицины привлекла наше внимание, хотя народом был накоплен значительный опыт по использованию также и лекарственной флоры.

Статья основана на материалах, собранных среди башкирского населения. Начиная с 1971 г. автором совершено несколько экспедиций в сельские районы Башкирской АССР и соседних областей — Челябинской, Оренбургской, Курганской, в результате которых были собраны разнообразные сведения по народной медицине башкир, часть из них предлагается вниманию читателя.

Среди лекарственных средств животного происхождения на первом месте находятся молочные продукты. Широко использовались также отдельные органы, ткани и физиологические жидкости домашних и диких животных.

Из молочных продуктов особое место занимает кумыс. Этот освежающий и слегка пьянящий напиток был известен еще древним кочевым народам — скифам, монголам, половцам. Широко применяют его современные народы — казахи, башкиры, киргизы и др. В лечебных же целях кумыс применялся и в народной медицине башкир². Не случайно, что первые кумы-

² М. В. Авдеев. Поездка на кумыс (1907). — «Башкирия в русской литературе». т. I. Уфа, 1961, стр. 321—337; С. Т. Аксаков. Семейная хроника, 1789.

солечебницы появились на территории Башкирии (19 век). Башкиры кумыс использовали при истощении, малокровии, легочных болезнях, зобе и как седативное средство. Некоторые старики-башкиры считают, что кумыс целебен при всех недугах. Существует в народе и такое высказывание: если больной не поправляется от кумыса в благоприятное летнее время, то положение его безнадежно³. В лечебных целях, как указывает Д. П. Никольский (это подтверждается и нашими наблюдениями), башкиры кумыс готовят особо — из цельного кобыльего молока, а для общего потребления — с добавленным воды.

В настоящее время опубликована обширная медицинская литература о целебных и питательных свойствах кумыса, о результатах его применения при лечении различных заболеваний. Исследованиями Е. К. Литвиновой, Б. В. Сулейманова, П. Ю. Берлин и Р. Розиной, М. Н. Карнаухова, А. В. Сигрист, Т. Л. Мариупольской и др.⁴ установлено, что в составе кумыса много биологически активных веществ, в том числе биостимуляторов, антибиотиков, витаминов (особенно витамина С). Его терапевтическая эффективность отмечена при целом ряде болезней: туберкулезе легких, мочеполовых органов, гастрите, отдельных заболеваниях нервной системы, дискинезии толстого кишечника и желчного пузыря и т. д. Разработано получение сухого кобыльего молока⁵, что позволяет теперь пользоваться этим чудесным средством круглый год. Как эффективное лечебное средство кумыс получил признание и за пределами нашей страны.

Одновременно с внедрением кумыса в официальную медицинскую практику его применение в народной медицине сократилось. Этому способствовали коренные изменения в сельском хозяйстве, в первую очередь механизация производства и сокращение поголовья лошадей в колхозах. В некоторых же хозяйст-

³ И. А. Сайгин. Кобылье молоко, его использование для кумысолечения. М., 1967.

⁴ Э. В. Аскаров. Непосредственные и отдаленные результаты лечения кумысом больных хроническим гастритом с секреторной недостаточностью в санатории «Юматово БашАССР. — «Материалы Всесоюзной конференции по гастритам», ч. 2. М., 1966, стр. 182—184; С. В. Базанова. Кумысолечение при функционально-двигательных расстройствах (дискинезиях) толстого кишечника и желчного пузыря. — «Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры», 1965, № 2, стр. 124—134; П. Ю. Берлин, Р. Розина. О витамине С в кумысе. — «Курортология и физиотерапия», 1935, стр. 56—63; М. Н. Карнаухов. Кумысолечение в Башкирии. Уфа, 1948; М. Н. Карнаухов. Кумыс — биостимулятор. — «Актуальные вопросы диагностики, клиники и лечения заболеваний желч.-кишечного тракта». Уфа, 1964, стр. 246—254; Е. К. Литвинова. Кумыс и витамины. — «Курортно-санаторное дело». 1931, № 3; Т. Л. Мариупольская. Кумысолечение детей, больных туберкулезом. М., 1959. А. В. Сигрист. Кумыс и основы кумысолечения. М., 1948. П. В. Сулейманов. Опыт применения кумыса в лечении авитаминоза С. — «Сборник научных трудов БГМИ». Уфа, 1939, т. 2, стр. 42—48.

⁵ И. А. Сайгин. Указ. соч.

вах Башкирии почти на грани полного исчезновения оказалась знаменитая башкирская лошадь. Сейчас положение поправляется.

В настоящее время в башкирской народной медицине наблюдается приготовление кумыса из козьего молока, целебные свойства которого ценятся населением также высоко. По-видимому, и эта разновидность кумыса нуждается в лабораторно-клиническом исследовании с целью выявления возможности ее рекомендации в медицинскую практику.

В медицине башкир довольно большое распространение получили курут (сыр особой выделки) и топленое масло. Существует даже поговорка: «Курут и топленое масло целебны от 70 недугов». Попытки изучения курута делались еще в прошлом веке⁶. У башкир курут нашел применение при простуде, поносе, сердечных болях, болезнях печени и желчевыводящих путей, при тошноте, укусе змеи, для изгнания отдельных гельминтов, возбуждения аппетита, а также как потогонное средство и наружный антисептик. Курутная сыворотка считается прекрасным средством для мытья головы. Плесень же, снятая с курутной сыворотки, употреблялась для наружного лечения ран и гнойных язв.

Топленое масло назначалось при ломоте, ноющих болях в теле, чувстве стягивания и сухости кожи, при газовой колике, головокружениях, головных болях, как слабительное и противогельминтное средство.

Некоторые из всех перечисленных показаний, несомненно, заслуживают внимания: в частности, применение курута как потогонного средства, употребление его внутрь при укусе змеи и сердечных болях, неприятных ощущениях за грудиной, наблюдаемых при алкогольной интоксикации.

Представляет интерес использование топленого масла при локальных головных болях. Сущность лечения такова: на беспокоящий участок головы закапывается несколько капель подогретого (да 45—50°) топленого масла. Затем данный участок прикрывается бумагой и плотной материей. По всей вероятности, для такого лечения можно употребить и другие жиры. Данная процедура считается эффективной; на наш взгляд, она снимает спазм кровеносных сосудов, что и дает лечебных эффект при приступах головной боли на почве гипертонической болезни, при климаксе и т. д.

Имеет смысл употребление топленого масла и при ноющих болях, ломоте в теле, сухости и стягивании кожи. Процедура лечения: перед гигиеническим обмыванием тела в кожу втирается топленое масло, после чего следует хорошо пропотеть, попарить-

⁶ А. Альтгаузен. Химический состав курта. — «Военно-медицинский журнал», 1874, сентябрь, стр. 1; Д. П. Никольский. Об одном из питательных продуктов у башкир — курт. — «Листок нормальной столовой Русского общества охраны народного здоровья», 1890, 13.

ся и обмыть тело с мылом. Многие из тех, кто прибегали к этой мере лечения, утверждают, что после нее боли совершенно исчезают или уменьшаются, а кожа становится мягкой и эластичной.

Цельное молоко в башкирской народной медицине применяется при простуде, изжоге, пищевых отравлениях. Парное молоко считается целебным при легочном туберкулезе и других легочных болезнях, при малокровии, исхудании и употреблялось как общеукрепляющее средство. Как известно, оно получило широкое применение и в современной медицинской практике.

Сцеженным женским молоком рекомендуется лечить ожоги глаз, конъюнктивиты (путем обмывания, примочек), а также растирать грудных детей.

Башкирский катык — разновидность квашеного молока — в народной практике зарекомендовал себя как хорошее противосеборейное средство. В деревнях население убеждено, что катык способствует укреплению и росту волос. И исследователи-дерматологи подтверждают целесообразность мытья головы с применением катыка. Возможно, тот факт, что в башкирских аулах женщины имеют более густые и длинные волосы и обычно не жалуются на перхоть, сухость и усиленное выпадение волос, в известной мере объясняется тем, что они с детства систематически моют волосы раствором катыка. Этот молочнокислый продукт употребляется также как слабительное средство. Катык находит применение и в народной косметике: для отбеливания лица при загаре, удаления веснушек.

Довольно распространенными лечебными средствами в башкирской народной медицине оказались конское, баранье и гусиное сало: их применяют в качестве смягчающего средства, растирания при простуде, отморожениях и ожогах. При простудных заболеваниях дыхательных путей их принимают внутрь и тщательно растирают тело. Имеется и другой способ: внутреннее сало (лучше сальник) кладут на грудную клетку и покрывают бумагой и затем плотной тканью, после чего больной тщательно укутывается. Такая мера оказывает сильное потогонное действие. Очевидно, как вспомогательные и эти способы лечения приемлемы.

Повсеместно пожилые башкиры высказывают мнение, что люди, постоянно употребляющие конину и конское сало, более устойчивы к воздействию холода. Такой взгляд на конину известен и другим народам, занимавшимся в прошлом разведением коней. Если учесть, что обширная территория СССР имеет суровый континентальный климат и в перспективе намечается более активное освоение Крайнего Севера и Восточной Сибири, то изучение конского мяса и сала в плане высказывания аксакалов представляет практический интерес.

При малокровии и общем истощении больному давали свежую кровь животного. Использовали ее и слегка поджаренной. К этому лечению иногда прибегают и в настоящее время.

В башкирской народной медицине используется также барсучье, медвежье сало и мясо (преимущественно для лечения легочного туберкулеза). Голубиное мясо рекомендовалось от коклюша. Внутренним салом только что зарезанной курицы покрывали голову при болях.

Высушенная и измельченная в порошок слизистая оболочка желудка кур была средством лечения желчнокаменной и почечнокаменной болезней, гастрита.

Яичный желток и карась желтоватой окраски применялись для лечения желтухи.

При отдельных болезненных состояниях (общие отеки, распространенные пиодермии) эффективным средством лечения считались свежие шкуры домашних животных, которыми обертывали больные части тела. По мнению народных врачей, при котором «выходит болезнь». Когда общепринятые потогонные средства — мед, курут, чай — не вызывали потения, то также прибегали к обертыванию шкурой. Такая мера считалась особенно потогонной.

При ревматизме и вообще при ноющих болях в конечностях рекомендовалось носить варежки и специальные чулки из собачьей шкуры.

Шкурки мышей использовались для наружного лечения фурункулов и абсцессов. В этих же целях применялась и змеиная кожа, сбрасываемая при линьке. С помощью змеиной кожицы удаляли инородные тела из конъюнктивы и роговицы. Эта лечебная процедура встречается изредка и в настоящее время. Нами она была зарегистрирована в 1971 г. в д. Галиакберово Бурзянского района. Суть процедуры такова: берется маленькая пластинка змеиной кожицы, тщательно промывается и кладется за веко. Через некоторое время вместе с ней снимается и инородное тело. Местный фельдшер, неоднократно наблюдавшая этот способ, подтвердила его эффективность.

Золой, получаемой от сжигания кожи домашних животных, лечили заеду. Опаленный войлок употребляли для покрытия порезов.

В качестве растирания при ноющих мышечных и суставных болях применялась желчь различных животных.

Имело место использование человеческой слюны как обеззараживающего средства: некоторые повивальные бабки своей слюной обрабатывали пуповину новорожденных. Ею же лечили гнойные конъюнктивиты. При прокалывании мочки уха, вводимую нитку смачивали слюной: этим предупреждали нагноение раны. Как мы знаем сейчас, слюна содержит бактерицидное вещество — лизоцим.

В прошлом иногда прибегали к наружному применению некоторых экскрементов. Собственная свежая моча больного (или ребенка) употреблялась для промывания глаз при гнойном

воспалении. Ее же использовали в форме компресса при болях в суставах и конечностях. При таких болях лечили также конским, гусиным пометом, коровий навоз шел на покрытие фурункулов и абсцессов кожи, овечий (высушенный и измельченный в порошок) употребляли в виде присыпки. А заячий кал даже подмешивали в выпекаемый хлеб, предназначенный ребенку, страдающему ночным недержанием мочи.

Одним из древнейших видов лечения в медицине многих народов, в том числе и у башкир, является пользование медицинскими пиявками. Эффективность их применения медицинской наукой давно доказана. В народной медицине башкир пиявки употребляются при головной боли, головокружении, шуме в голове (главным образом у людей пожилого возраста) и при повышении артериального давления; пиявки ставят также при болях в пояснице и конечностях и упорной, долго не стихающей зубной боли.

Представляет интерес профилактическое пользование пиявками — 2—3 раза в год при климаксе и гипертонической болезни. Применяющие такое лечение отмечают значительное улучшение самочувствия, исчезновение мучительных головокружений, шума в голове и головных болей, наблюдаемых при указанных заболеваниях. На наш взгляд, такое предупредительное лечение заслуживает изучения с целью установления возможности его применения не только при климаксе и гипертонической болезни, но также после инфаркта миокарда, при ишемической болезни сердца, склонности к тромбоэмболическим заболеваниям. Подобное лечение, по-видимому, сыграло бы определенную роль облегчение таких грозных болезненных состояний, какими являются гипертонические кризы, кровоизлияния в мозг, инфаркт миокарда, образование тромбов и эмболий. Необходимость разработки этого профилактического лечения особенно диктуется в связи с увеличением продолжительности жизни и старением населения, ростом сердечно-сосудистых заболеваний, наблюдаемых в последние десятилетия.

В башкирской народной медицине нашли применение лесные муравьи и муравьиные кучи. Так, при ноющих болях в нижних конечностях их погружают в муравьиную кучу и держат там 15—20 минут. Муравьиные кучи используются для приготовления лечебных ванн. Для этого берется ведро муравьиной кучи и запаривается горячей водой, а затем эта запарка выливается в ванну. Такие ванны принимают больные, страдающие ноющими болями в теле и конечностях; ими лечат и женские болезни. Сами муравьи употребляются для приготовления растирания. Техника ее изготовления следующая. На дно банки насыпают сахар и ставят ее на муравьиную кучу. После этого банку с заползшими муравьями помещают в теплую печь, где она находится до полного разрушения насекомых. Приготовленное этим способом растирание применяется при различных ноющих болях.

Этот состав при обморочных состояниях использовали и как нашатырный спирт — для вдыхания. В этих же целях советуют подержать ладонь на муравьиной куче и дать понюхать.

В башкирской медицине довольно популярен мед, особенно как потогонное средство при простуде. В случаях простудных заболеваний дыхательных путей и легких, кроме приема *внутрь*, мед использовался также для компресса на грудь. Теплый мед применяется при болезнях печени как антигельминтное средство. Медом как мазью лечат заеду, молочницу грудной детей, порезы, нагноившиеся раны. Его используют и в различных сложных лекарственных составах.

Подытоживая все сказанное, необходимо отметить, что целебные свойства органов и тканей животного организма и его физиологических жидкостей подтверждено целой серией научно-экспериментальных работ, проведенных в последние десятилетия⁷. В свете этих исследований благоприятное впечатление производит часть лечебных средств животного происхождения, используемых в народной медицине башкир. Такие из них, как кумыс, катык уже получили путевку в медицину. После предварительного лабораторно-клинического изучения также можно будет рекомендовать в лечебную практику и некоторые другие средства. К ним могут быть отнесены: а) кумыс, изготовленный из козьего молока; б) курут — как потогонное и лечебное средство при болях, неприятных ощущениях в области сердца; в) топленое масло — при некоторых формах головной боли, ноющих болях в теле, чувстве стягивания и сухости кожи; г) парное молоко — как общеукрепляющее средство; д) конское мясо — в целях повышения сопротивляемости организма к воздействию холода; е) превентивное пользование пиявками при климаксе, склонности к тромбозам, ишемической болезни, после инфаркта миокарда, инсульта и т. д. Привлекает простота применения, доступность, дешевизна народных средств и отсутствие побочных явлений при их использовании. Последнее обстоятельство особенно важно. Как известно, в настоящее время наблюдается значительный рост аллергии, лекарственных болезней, злокачественных новообразований, уродств. В этом до некоторой степени повинно чрезмерное увлечение синтетическими медикаментами.

Не все перечисленные выше средства из народной практики приемлемы для научной медицины. Некоторые из них в свете современной медицины архаичны. Есть и методы нерациональные, могущие принести вред здоровью. Так, отдельные народные врачеватели непосредственно после пиявок с помощью кровотока делают кровопускание из ранок, нанесенных прокуса-

⁷ А. А. Ефременко. Об изучении опыта народной медицины по применению антимикробных веществ животного организма. — «Вестник Академии мед. наук СССР», 1960, № 8, стр. 82—84.

ми пиявок. При этом стремятся удалить всю выходящую черную кровь — якобы она «испорченная» и «больная». Безусловно, это опасная процедура, ибо, как мы знаем, темный цвет характерен для всей венозной крови. Известны также факты чрезмерного увлечения пиявками — использование одновременно до 40—50 пиявок. Подобное массивное лечение, применяемое к ослабленным людям, может вызвать тяжелые последствия.

Нужно отметить, что часть лечебных средств, выявленных в башкирской народной медицине, применяется и у некоторых других народов. Это естественно, ибо история развития человечества в своей основе имеет общение народов.

НАУЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ АРХЕОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

24—26 декабря 1974 г. в Казани состоялось региональное совещание ученых, ведущих исследования по проблемам археологии и этнографии Поволжья и Приуралья. Совещание было создано по инициативе Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. В нем приняли участие исследователи из Москвы, Ленинграда, Казани, Уфы, Перми, Саранска, Воронежа, Сыктывкара, Куйбышева, Йошкар-Олы и других городов. Совещание подвело итоги археологическим и этнографическим полевым изысканиям и научно-исследовательской работе в республиках и областях Поволжья и Урала по изучению древней истории региона, культуры и быта современного населения.

На пленарном заседании с докладом «Археологические исследования в Поволжье и Приуралье, их итоги и задачи» выступил А. Х. Халиков (Казань). В докладе дан обзор основных результатов выявления и изучения археологических памятников и культур на территории Татарской, Башкирской, Марийской, Чувашской, Мордовской, Удмурдской и Коми АССР, Куйбышевской, Пермской, Пензенской, Ульяновской и других областей. Был заслушан совместный доклад Р. Г. Кузеева (Уфа) и К. Н. Козловой (Москва) «Современное состояние и задачи этнографических исследований в Среднем Поволжье и Приуралье». В докладе П. Н. Старостина (Казань) изложены итоги изучения памятников предболгарского времени в Нижнем Прикамье в 1973—1974 гг.

На совещании работали три секции: 1) археологии каменного века, эпохи бронзы и раннего железа, 2) средневековой археологии, 3) этнографии.

На этнографической секции обсуждались доклады Р. Г. Мухамедовой (Казань) «Принципы составления историко-этнографического атласа татарского народа», С. Н. Шитовой (Уфа) «Основные итоги изучения материальной культуры башкир», Т. А. Крюковой и Е. Н. Котовой (Ленинград) «Этнографическое изучение удмуртов и марийцев в так называемых «контактных зонах» их расселения», В. Ф. Вавилина (Саранск) «Сельское жилище мордвы-мокши Мордовской АССР советского периода», его же «О проведении в Мордовской АССР этносоциологического исследования поселений и комплексов жилища», П. М. Мезина (Саранск) «К вопросу о материальной культуре сельского населения мордвы-мокши на территории Мордовской АССР».

(по материалам этнографической экспедиции 1973 г.)», Н. В. Бикбулатова (Уфа) «Особенности систем родства башкир и татар Среднего Поволжья и Приуралья», М. Г. Муллагулова (Уфа) «Традиционные средства передвижения у юго-восточных башкир в конце XIX — начале XX вв.», М. В. Мурзабулатова (Уфа) «Система скотоводства у зауральских башкир в XIX — начале XX вв.», Р. К. Уразмановой (Казань) «Изучение календарного цикла обрядов и праздников татар», Р. Г. Мухамедовой и Ю. Г. Мухаметшина (Казань) «Программа сбора материала для историко-этнографического атласа татарского народа по теме «Поселения и жилища», Ф. Ш. Сафинной (Казань) «Ткани домашнего производства у чепецких татар в конце XIX — начале XX вв.», С. И. Лебедевой (Ижевск) «Этнографическая экспедиция к удмуртам в Пермскую область и Марийскую АССР».

На секции состоялся обмен мнениями о методике изучения современных социально-этнических процессов, о задачах этнографов по разработке историко-этнографического атласа Поволжья и Урала.

Одно из пленарных заседаний было посвящено памяти профессора Н. И. Воробьева (1894—1967) — крупнейшего исследователя этнографии народов Поволжья и географии края. С докладом о жизни и научно-исследовательской деятельности ученого выступила старший научный сотрудник института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР Р. Г. Мухамедова.

Совещание приняло развернутую резолюцию, в которой дан краткий анализ состояния археологических и этнографических исследований в регионе и сформулированы основные задачи на ближайшее будущее. В соответствии с рекомендацией бюро Отделения истории АН СССР решено проводить такие совещания один раз в два года; следующее совещание намечено провести в 1976 г. в Уфе. Для организации совещаний, согласования научно-исследовательской работы, проводимой в республиках и областях Поволжья и Приуралья, создана координационная комиссия из представителей научных центров региона. Председателями комиссии избраны зав. сектором археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР А. Х. Халиков (археология) и заместитель председателя Президиума БФАН СССР Р. Г. Кузеев (этнография), заместителями председателей — доцент Пермского государственного университета В. А. Оборин (археология) и старший научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР Р. Г. Мухамедова (этнография), ответственными секретарями комиссии — старший научный сотрудник ИЯЛИ КФАН СССР П. И. Старостин (археология) и старший научный сотрудник ИИЯЛ БФАН СССР Н. В. Бикбулатов (этнография).

Ниже публикуется текст резолюции совещания.

Н. В. Бикбулатов

РЕЗОЛЮЦИЯ

Поволжско-Уральского археолого-этнографического совещания
в г. Казани (24—26 декабря 1974 г.)

Археологические и этнографические исследования в многонациональном регионе Среднего Поволжья и Приуралья приобрели в последние годы широкий размах. Археологами в республиках и областях региона открыты многие сотни новых археологических памятников; изучены новые памятники энеолита, эпохи бронзы, раннего железа. В Куйбышевской области открыт уникальный неолитический памятник у с. Съезжее; археологами Марийской АССР исследован крупнейший в Восточной Европе Старше-Ахмыловский могильник эпохи раннего железа; в Башкирской, Татарской и Удмуртской АССР изучена большая серия памятников пьяноборской эпохи. Определенные достижения имеются в локализации и этнической интерпретации древних мордовских, марийских, пермяцких, башкирских и булгарских памятников.

Успешно продолжались исследования средневековых городов Волжской Булгарии (Биляр, Сувар, Джукетау, Муромский городок) и Золотой Орды. Раскопки 1974 г. на территории Казанского Кремля выявили культурный слой XII—XIII вв., подтвердивший дату возникновения города Казани. В археологических работах все более широкое применение получают новые методы, в том числе точных наук, а также результаты исследований смежных дисциплин — антропологии, палеозоологии, палеоботаники, эпиграфики и т. д.

Развернулась работа по созданию археологических карт автономных республик и областей, а также Сводов археологических культур.

В своей научной и практической деятельности археологи тесно контактируют с республиканскими и областными отделениями Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры.

Этнографами региона ведется большая работа по изучению культуры и быта народов Волго-Камья в общем русле современной проблематики советской этнографической науки. Глубокий и широкий характер в ряде республик и областей приобретают исследования современности, в том числе изучение этнических и социальных аспектов национальных процессов. Разрабатывается новая методика изучения этносоциальных процессов.

Одно из центральных мест в деятельности этнографов Поволжья и Приуралья заняли историко-этнографические исследования, которые охватывают широкий комплекс проблем. Опубликовано значительное число монографических работ, посвященных историко-этнографической характеристике культуры и быта отдельных народов, а также этнографических групп. Подготовлены исследования по хозяйству, жилищи, одежде, обрядам, религиозным верованиям, декоративно-прикладному искусству и другим разделам материальной и духовной культуры народов края. Заслуживают внимания работы, посвященные этногенезу и этнической истории народов.

В последние годы большое место в исследовательской работе, особенно этнографов Татарской и Башкирской АССР, занимает накопление и систематизация материала для создания историко-этнографических атласов. В этой работе одновременно с полевыми материалами широко используются музейные коллекции Государственного музея этнографии народов СССР и местных музеев.

Участники совещания вместе с тем отмечают, что публикация археологических памятников и этнографического материала в регионе отстает от темпов их выявления и накопления. Слабо ведется работа по составлению Сводов по отдельным археологическим культурам и образованиям; в некоторых областях и республиках не проводятся планомерные исследования по выявлению археологических памятников. Слабо осуществляется координация археологических и этнографических исследований в Поволжье и Приуралье, что иногда сказывается на уровне обобщения накопленных материалов. Редко или вовсе не обсуждаются кардинальные проблемы этнической истории и истории культуры населения, а также современные приемы и методы поисково-исследовательской работы. Ощущается необходимость в обеспечении археологических и этнографических исследований достоверной источниковедческой базой из корпуса письменных источников.

Совещание постановляет:

1. Одобрить инициативу Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР и Татарского отделения ВООПИК по проведению периодических Поволжско-Уральских археолого-этнографических совещаний.

В соответствии с рекомендацией Бюро Отделения истории АН СССР проводить совещания один раз в два года.

Считать целесообразным и необходимым участие в совещаниях археологов и этнографов областей и республик Поволжья и Приуралья.

2. Второе Поволжско-Уральское археолого-этнографическое совещание провести в 1976 г. в г. Уфе.

3. В целях организации совещаний, а также для координации работ археологов и этнографов Поволжья и Приуралья создать Координационную комиссию в составе представителей научных центров Поволжья и Приуралья.

4. Рекомендовать научно-исследовательским учреждениям Поволжья и Приуралья в 1980 г. завершить работу по созданию археологических карт, в том числе:

Башкирской АССР — к 1975 г.,

Татарской АССР — к 1980 г. (1 том — к 1975 г., 2 — к 1976 г., 3 — к 1977 г., 4 — к 1979 г., 5 — к 1980 г.),

Марийской АССР — к 1980 г.,

Мордовской АССР — к 1980 г.,

Пермской области — к 1980 г.,

Куйбышевской области — к 1980 г.,

Удмуртской АССР — к 1978 г.,

Коми АССР — к 1978 г.

5. Рекомендовать археологам Поволжья и Приуралья активнее участвовать в составлении Сводов археологических памятников по отдельным культурам и образованиям.

6. Поручить Координационной комиссии организовать в 1978 г. в г. Казани конференцию по этногенезу и этнической истории народов Поволжья и Приуралья.

7. Обратиться в Археологическую комиссию АН СССР, а также в ее Уральское, Южно-Уральское и Северное отделения с просьбой рекомендовать научно-исследовательским учреждениям и вузам Волго-Уральского региона

активизировать усилия по поиску, выявлению, систематизации и публикации письменных источников по эпохе средневековья.

8. Рекомендовать научно-исследовательским учреждениям Поволжья и Приуралья практиковать организацию совместных археологических экспедиций для изучения наиболее важных и крупных археологических памятников в регионе.

9. Поручить Координационной комиссии периодически практиковать рабочие совещания по методике археологических исследований.

10. В области этнографии одной из главных задач считать разработку историко-этнографического регионального атласа народов Поволжья и Приуралья. Одобрить инициативу этнографов Татарской и Башкирской АССР по составлению атласов по этнографии татар и башкир.

Считать необходимым начать подготовительные работы по созданию регионального атласа, которые должны включать:

а) укрепление научно-исследовательских институтов, вузов и краеведческих музеев республик и областей региона кадрами этнографов;

б) охват этнографическим изучением всех народов и этнографических групп региона, расширение этнографических исследований по русскому населению Поволжья и особенно Урала;

в) разработку единых, сопоставимых программ для сбора материала и типологической классификации форм материальной культуры, орудий труда, обрядов и других этнографических явлений.

11. Считать необходимым осенью 1975 г. провести рабочее совещание по атласу Поволжья и Приуралья. Просить Институт этнографии АН СССР взять на себя инициативу по проведению этого совещания.

12. Расширить изучение современной этнографии народов Урало-Поволжья (в том числе городского населения) и современных межэтнических и социальных процессов в регионе с применением новых методов фиксации и обработки массового материала.

13. Учитывая интенсивность изменений в культурно-бытовом укладе народов региона и быстрое исчезновение традиционных предметов народного быта, рекомендовать музеям Поволжья и Приуралья активизировать работу по сбору предметов материальной культуры, быта, произведений народного декоративно-прикладного искусства.

14. Просить Институт этнографии АН СССР рассмотреть и решить вопрос об издании, начиная с 1975 г., ежегодника по итогам полевых исследований.

15. Считать целесообразным экспедиционные исследования научно-исследовательских институтов и вузов сочетать с собирательской работой.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ — Археология и этнография Башкирии

БГМИ — Башкирский государственный медицинский институт

БФАН СССР — Башкирский филиал АН СССР

ВУА — Военно-Ученый Архив

ВЭМ — Венгерский этнографический музей в Будапеште

ГАПО — Государственный архив Пермской области

ГМЭ — Государственный музей этнографии Народов СССР

ИИЯЛ—Институт истории, языка и литературы БФАН СССР
ИЭ—Институт этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР
Музей антропологии и этнографии (в г. Ленинграде)
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
МИБ—Материалы по истории Башкирской АССР
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ
ЦГАДА—Центральный Государственный архив древних актов СССР
ЦГА БАССР—Центральный Государственный архив БАССР
ЦГИАЛ—Центральный Государственный исторический архив СССР (Ле-
нинград)
ЦГВИА—Центральный Государственный Военно-Исторический архив СССР

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

- Р. Г. Кузеев. Об историческом соотношении территории «Великой Венгрии» и древней Башкирии 5
- Н. В. Бикбулатов Минорат. Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов 12
- С. И. Шитова. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир 49

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

- Н. В. Бикбулатов, М. В. Мурзабулатов. Земледелие зауральских башкир в XIX—начале XX в. 97
- М. Г. Муллагулов. Башкирские лыжи 118

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

- В. З. Гумаров. Лечебные средства животного происхождения в башкирской народной медицине 139

ХРОНИКА

- Научное совещание археологов и этнографов Поволжья и Урала 148
-

Академия наук СССР
Башкирский филиал
Институт истории, языка и литературы

ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ

Редактор Н. В. Хрулева
Тех. редактор Ф. Г. Гайфуллин
Корректор О. П. Аржавитина

Сдано в набор 15/II 1976 г. Подписано к печати 9/VI 1976 г. Формат 60×90^{1/16}
Физ. печ. л. 9,75+0,5 цв. вклеек. Уч.-изд. л. 10,2. П00143. Тираж 500 экз. Заказ
№ 539. Цена 75 коп.

Уфимский полиграфкомбинат Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров БАССР. Уфа, 1, проспект Октября, 2.